

2587

Н-40

В. В. НЕВСКИЙ

•

ПЕРВОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
РОССИЯН
вокруг света

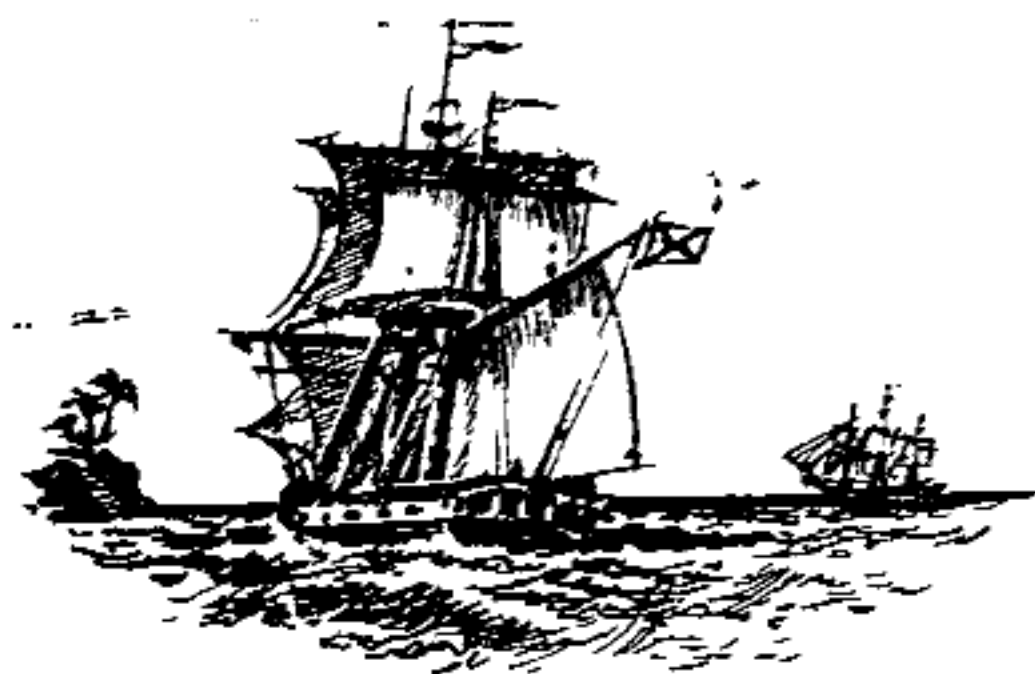
ГЕОГРАФИЗ

1951

В. В. НЕВСКИЙ

о

ПЕРВОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
РОССИЯН
вокруг света

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

1951

Под редакцией доктора географических наук
А. Д. ДОБРОВОЛЬСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1803 г. по проекту талантливых ученых и смелых мореплавателей—Ивана Федоровича Крузенштерна и Юрия Федоровича Лисянского была организована первая русская кругосветная экспедиция, вписавшая яркую страницу в историю русского флота и русской географической науки.

К началу XIX века большие пространства океана и суши еще вовсе не были известны. На маленьких парусных судах русские моряки сделали многое, сохраняющее и до сих пор большое научное значение.

Открытия и наблюдения Крузенштерна и Лисянского явились ценным вкладом в науку. Ими были не только открыты новые острова, но также установлен ряд важных географических процессов и явлений, которые получили вполне научное объяснение. Применение новых методов изучения природы океанов положило основу для развития новой отрасли географической науки—океанографии.

С первой русской кругосветной экспедиции началась также новая эпоха в картографическом исследовании Тихого океана. Об этом свидетельствует классический труд И. Ф. Крузенштерна. «Атлас Южного моря». В продолжение XIX столетия этот труд был единственным практическим руководством для плавания по Тихому океану.

Успех первой русской кругосветной экспедиции (1803—1806 гг. вызвал к жизни целую серию русских кругосвет-

ных плаваний, благодаря которым Россия заняла первое место в научных исследованиях Мирового океана.

Об историческом значении этих плаваний для развития науки С. О. Макаров писал так:

«Имена незабвенных исследователей: Крузенштерна, Лисянского, Сарычева, Головина, Коцебу, Беллинсгаузена, Врангеля и Литке перейдут в грядущее поколение. На утлых кораблях совершали наши ученые моряки свои смелые путешествия и, пересекая океаны по разным направлениям, отыскивали и изучали новые, еще неизведанные страны. Описи и съемки, которые они сделали, и по сие время служат для руководства мореплавателям, а замечания и наставления их цитируются логиями всех наций. Да послужат труды этих исследователей драгоценным заветом дедов своим внукам, и да найдут в них грядущие поколения наших моряков пример служения науке»¹.

Настоящая работа представляет собою попытку осветить научные открытия и исследования, произведенные участниками первой русской кругосветной экспедиции, и выяснить их значение в истории отечественной науки.

¹ С. О. Макаров. «Витязь» и Тихий океан», СПб, 1894 г.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ КРУГОСВЕТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ПРИЧИНЫ, ВЫЗВАВШИЕ РУССКИЕ КРУГОСВЕТНЫЕ ПЛАВАНИЯ

Огромная часть азиатского материка в течение многих веков оставалась полной загадкой для европейцев. Впервые с этими неизведанными пространствами ознакомились в конце XVI в. русские промышленники и казаки. Меньше чем за одно столетие они открыли всю Сибирь от Урала до Тихого океана, и эту гигантскую территорию, равную целому континенту, присоединили к владениям России¹.

Но на этом движение русских людей на восток не прекратилось. Плавания Дежнева, Беринга и Чирикова, Федорова и Гвоздева ознакомили человечество с северной частью Тихого океана и привели к открытию северо-западного побережья Америки. Это была замечательная эпоха великих русских географических открытий, внесшая огромный вклад в сокровищницу науки.

Открытие Алеутских островов и северо-западного побережья Америки раскрыло широкие горизонты для деятельности русских людей в Тихом океане.

В бурный, неведомый океан на хрупких суденышках— «шитиках» и «гвозденниках»—стали отправляться многочисленные промысловые экспедиции на поиски «незнае-

¹ Первое проникновение русских за Северный Урал произошло, повидимому, уже в конце XI или начале XII в., но закрепление этой территории за Россией началось лишь с похода Ермака в 1581 г. Подробно этот вопрос освещен академиком Л. С. Бергом. «Очерки по истории русских географических открытий», М.—Л., 1946, стр. 68—74, Древние пути в Сибирь.

мых земель», для «приводу жителей в российское подданство» и для «собственной выгоды».

Результатом плаваний промышленников было расширение российских владений на Тихом океане. К середине 60-х годов XVIII в. отважные русские мореходы и промышленные люди, не имея часто ни специальных знаний по мореплаванию, ни надлежащего оснащения, открыли и обследовали всю цепь Алеутских островов и полуостров Аляску.

Вначале промышленники, плавая по Тихому океану и охотясь за морским зверем, не задавались целью основать здесь русские колонии. Только в конце XVIII в. предприимчивый сибирский купец Григорий Иванович Шелехов решил основать русские колонии на тихоокеанских островах и побережье материка Северной Америки.

Для осуществления этого обширного плана он организовал промысловую компанию, которая стала вывозить с тихоокеанских островов и побережья Америки пушнину, моржевые клыки, китовый ус и т. п.

Шелехов—этот русский Колумб, как его называл Державин,—был не только энергичным купцом, но и исключительным для своего времени человеком, с широким государственным кругозором. Он думал не только о личной наживе, но главной своей целью считал упрочение за Россией новооткрытых земель в Тихом океане.

Он основал первые русские поселения на Алеутских островах и на островах Кадьяк и Афогнак, лежащих близ берегов Аляски. Позднее возникли русские поселения на самом американском материке.

После смерти Шелехова (в 1795 г.) на базе созданной им промысловой компании была организована в июле 1799 г известная Российско-Американская компания. Ее созданию предшествовал длительный период закулисной борьбы между отдельными группами столичных и сибирских купцов и дворян.

Права и «привилегии» Российско-Американской компании, сроком на 20 лет, были утверждены царской грамотой:

«...1. По открытии из давних времен мореплавателями берега северо-западной части Америки, начиная от 55° северной широты и ряда островов, простирающихся от Камчатки на север к Америке, а на юг к Японии и по праву обладания оных Россиею, мы всемилоостивейше

позволяем пользоваться компании всеми промыслами и заведениями, находящимися ныне по северо-западному берегу Америки, от вышеозначенного 55° до Берингова пролива и за оный, також на островах Алеутских, Курильских и других по северо-восточному океану лежащих.

2. Делать ей новые открытия не токмо выше 55° северной широты, но и за оную далее к югу, и занимать открываемыя ею земли в российское владение на прежде предписанных правилах, если оныя никакими другими народами не были заняты и не вступали в их зависимость.

3. Пользоваться ей всем тем, что донныне в сих местах как на поверхности, так и в недрах земли было ею отыскано и впредь отыщется, без всякого со стороны других на то притязания.

4. Всемилоостивейше позволяем компании сей на будущее время по надобности и лучшему разумению ея, где она за нужное найдет, заводить поселения и укрепления для безопасности жилища, отправляя в сей край суда с товарами и промышленниками без малейшего в том препятствия.

5. Производить ей мореплавание ко всем окрестным народам и иметь торговлю со всеми около лежащими державами, по изъявлению от них добраго на то согласия, и по высочайшем нами сего утверждении, для приведения в большую силу и пользу ея предприятий.

6. Нанимать ей для мореплавания, промыслов и заведений всякого состояния людей свободных и неподозрительных, имеющих на таковое увольнение узаконенные виды; в рассуждении же отдаленности тех мест, куда они отправляются, от губернского начальства давать государственным поселянам и другого звания свободным людям на 7 лет паспорта; помещичьих же крестьян и дворовых людей нанимать компании не иначе как с дозволения их помещиков, и за всех ею нанятых платить ей куда следует государственные подати».

Таким образом Компании передавались не только промыслы, но и управление всеми островами в северной части Тихого океана и побережьем Сев. Америки, открытыми в XVIII в. русскими промышленниками, а также намечалась широкая программа открытия новых земель.

В последующие шестьдесят лет Российско-Американская компания развилась в крупное коммерческо-поли-

тическое предприятие, просуществовавшее до 1867 г.— до продажи США всех территорий Русской Америки.

Деятельность русских людей в Северо-Западной Америке имела огромное прогрессивное значение. Русские принесли в этот дикий край и новые формы хозяйства, и высокую культуру.

Российско-Американская компания в широких масштабах развила промысел морского и пушного зверя. Предметами вывоза с Аляски были: пушнина, китовый ус, бобровая струя, моржевый клык, табак, свечи, воск и т. д. Ввозились: пшеница, ячмень, бобы, мясо, сало, масло, кожа, соль, спиртные напитки, мыло и пр.

Компания вела торговлю с Калифорнией, Гавайскими островами, Филиппинами, Чили, Перу, Мексикой, Канадой, Соединенными Штатами, Китаем.

С расширением хозяйства русских поселенцев на Аляске, все больше стали сказываться оторванность от России, трудности сухопутных сношений с Россией через Сибирь.

Товары перевозились по рекам на стругах или дощаниках. Нарты тащились через волоки людьми. Нужно было держать более четырех тысяч вьючных лошадей, так как между Якутском и Охотском на расстоянии более тысячи километров был только вьючный караванный путь. Предметы первой необходимости доставлялись на Аляску не ранее, чем через 2—3 года после отправки и в недостаточном количестве. Отсутствие дорог, болота, горы и быстрые реки, через которые приходилось переправляться вплавь, вызывали беспрестанные потери, порчу и ломку вещей. Так, например, корабельные канаты приходилось разрубать, якоря распиливать, а затем заново скреплять в Охотске

Чрезвычайные трудности сухопутной транспортировки товаров, сопряженной с бесчисленными перегрузками и нередко утратой груза, поглощали значительную часть прибылей Компании. Огромные расходы на перевозку товаров резко повышали их стоимость; так, хлеб, привезенный из России, в колониях стоил в 10 раз дороже. Не лучше обстояло дело с перевозкой пушных товаров, которые, шли из Охотска через Кяхту в Китай¹ или через

¹ Начало русско-китайской торговли положил Нерчинский трактат 1689 г. С этого времени русское правительство получило право отправлять в Пекин караваны с пушными товарами.

Иркутск в Европейскую Россию. Иногда караваны гибли в пути, и ценнейшие грузы пропадали. Нередко весь транспорт попадал в руки разбойников¹.

Плохо были организованы и морские сообщения с русскими поселениями. Почти ежегодно на пути в Русскую Америку погибали суда, нередко с богатыми грузами. Управлять судами было трудно, и двигались они очень медленно. По словам Г. И. Давыдова, «бывали примеры, что суда из Охотска в Кадьяк приходили на четвертый год, потому что плавают самое короткое время, идут с благополучными только ветрами, а при противном лежат в дрейфе, хотя бы он был самый тихий, ибо не имеют понятия о лавировании. Если в сие время, течением или крепким ветром, снесет судно от берега, то стараются опять перехватить оный, где бы то ни было, дабы оттуда взять выученный курс; в противном случае подвергаются величайшим бедствиям. Случалось, что суда носило по месяцу и по два по морю, не зная, с какой стороны у них берег»².

Но и при таких неблагоприятных обстоятельствах количество судов, поддерживающих связь Камчатки с Алеутскими островами и Аляской увеличивалось ежегодно, достигая иногда двадцати в год³. Недостаток знаний и опытности восполнялся энергией и изумительной неустрашимостью.

Вначале русские промышленники в своей деятельности не имели соперников, но во второй половине XVIII в. в водах северной части Тихого океана появились иностранные разведчики. Вслед за ними сюда проникли английские и американские купцы, которые контрабандным путем вы-

По Кяхтинскому договору 1727 г. для торговли были установлены еще два пункта на р. Кяхте и в Цурухайту. В середине XVIII в. торг на Кяхте стал основным пунктом русско-китайской торговли. Китай был главным потребителем русской пушнины на протяжении XVIII в., поэтому русское правительство всячески стремилось сохранить добрососедские отношения с Китаем.

¹ «Первое путешествие Россиян вокруг света», «Вестник Европы», 1806 г., № 22, стр. 87.

² Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писано сим последним. С предисловием вице-адмирала Шишкова. СПб., 1810 г., стр. 157.

³ И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803—1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве», ч. I, 1809 г., стр. 13.

менивали пушнину в русских колониях и отвозили ее морем в Кантон, получая огромные прибыли.

Американо-английская контрабанда крайне отрицательно сказывалась на развитии русско-китайской торговли через Кяхту, где основной статьей торговли была пушнина. Китайцы все время понижали цены, так как эти же меха они покупали у англичан и американцев в Кантоне значительно дешевле.

Между тем русские суда в то время не пользовались правом входа в открытые китайские порты. В начале 1803 г. министр коммерции граф Н. П. Румянцев докладывал Александру I, что «сколько бы Компания, усиливаясь в своих заведениях, и ни старалась в Кяхте выдерживать пушным товарам цен, но англичане и бостонцы, доставляя из Нотке-Зунда и Шарлоттских островов рухлядь свою прямо в Кантон, всегда будут в торге сем преимуществовать, и дотоле продолжаться сие будет, пока россияне сами в Кантон пути не продолжат»¹.

Не довольствуясь контрабандной торговлей, англичане и американцы стали снабжать местное население порохом, свинцом, ружьями, пушками, подстрекая индейские племена к вооруженным нападениям на русских².

Попытки русского правительства путем дипломатических переговоров прекратить хищничество американцев и англичан в Русской Америке остались безуспешными. Для охраны русских поселенцев на Аляске и устранения иностранного соперничества необходимо было предпринять решительные меры. Небольшие, промыслового типа суда, которые имелись в распоряжении Компании на Тихом океане, не могли обеспечить необходимую охрану промысловых угодий и русских поселений, а постройка военных судов в Охотске, на Камчатке или Аляске тормозилась главным образом финансовыми соображениями, ибо, как справедливо указывал Соймонов, «вооружение на сих морях трех или четырех фрегатов издержками своими сравнится вооружению на европейских морях целого флота, а сверх

¹ Архив внешней политики (АВП), Москва, фонд Министерства иностранных дел, Азиатский департамент, 1803 г., д. № 11, л. 1.

² В. М. Головнин. Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах, ч. I. Сочинения и переводы Василия Михайловича Головнина. т. III, СПб., 1864 г., стр. 120.

того и не малого времени на таковое заведение будет потребно»¹.

Вместе с тем свои требования предъявляло развивающееся хозяйство Русской Америки; необходимо было улучшить снабжение Аляски различными товарами. Все это требовало безотлагательных изысканий других удобнейших способов доставки необходимых предметов в колонии и пушных товаров в Китай. Оставался единственный выход—послать в тихоокеанские воды военные и торговые корабли из Кронштадта морем—вокруг света.

К началу XIX в. русский флот был вполне подготовлен для осуществления этого грандиозного плавания.

С начала своей истории русские выступали как отважные и предприимчивые мореходы. Морские походы запорожцев и донских казаков, отважные плавания поморов, экспедиции казаков-землепроходцев подготовили почву для развития замечательных боевых качеств русского флота.

В начале XVIII в., при Петре Первом, русский флот стал мощной боевой силой, а Россия — могучей морской державой. В морских кампаниях шведских и турецких войн XVIII в. русские моряки прославили флот своей родины победами под Гангутом, Гренгамом, Чесмой и дали таких блестящих флотоводцев, как Ушаков, Сенявин, Спиридов, имена которых стали бессмертны. Русские военные моряки внесли также ценнейший вклад в изучение природы земного шара. Труды их широко известны и составляют славу и гордость не только русской, но и мировой науки. Мужественные и искусные русские моряки открывали неведомые побережья, моря и острова, заливы и проливы во всех концах земли; они запечатлели русские имена на карте мира. В эту славную летопись русских географических открытий блестящие страницы вписали русские кругосветные экспедиции.

С 1803 по 1850 год русские мореплаватели совершили 38 кругосветных путешествий—значительно больше, чем англичане и французы вместе взятые². Эти путешествия

¹ Архив внутренней политики, культуры и быта (АВПК и Б), Ленинград, фонд Непременного совета, д. № 103.

² Н. А. И в а ш и н ц е в. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год, СПб, 1872 г. Некоторые из них нельзя считать в строгом смысле кругосветными, т. к. плавания их располагались лишь в одном полушарии земли (см. список русских кругосветных экспедиций, стр. 12—13).

Список русских кругосветных экспедиций первой половины XIX столетия

№ п/п	Фамилия мореплавателя	Название корабля	Годы	Кем снаряжена
1	Крузенштерн	корвет «Надежда»	1803—1806	Российско-Американской компанией
2	Лисянский	» «Нева»	1803—1806	» » »
3	Гагемейстер	» «Нева»	1806—1807	» » »
4	Головнин	военный шлюп «Диана»	1807—1809	Военная
5	Лазарев М. П.	корвет «Суворов»	1815—1816	Российско-Американской компанией
6	Коцебу	бриг «Рюрик»	1815—1818	гр. Румянцевым
7	Гагемейстер	корвет «Кутузов»	1816—1819	Российско-Американской компанией
8	Понафидин	» «Суворов»	1816—1818	» » »
9	Головнин	военный шлюп «Камчатка»	1817—1819	Военная
10	Понафидин	корвет «Бородино»	1819—1821	Российско-Американской компанией
11	Беллинсгаузен	военный шлюп «Восток»	1819—1821	Военная
12	Лазарев М. П.	» » «Мирный»	1819—1821	»
13	Васильев	» » «Открытие»	1819—1822	»
14	Шишмарев	» » «Благонамеренный»	1819—1822	»
15	Дохтуров	корвет «Кутузов»	1820—1822	Российско-Американской компанией
16	Клочков	бриг «Рюрик»	1821	» » »
17	Кислаковский	» «Елизавета»	1821	» » »
18	Тулубьев и Хрущев	военный шлюп «Апполон»	1821—1824	Военная
19	Филатов	» » «Аякс»	1821	»

№ п/п	Фамилия мореплавателя	Название корабля	Годы	Кем снаряжена
20	Лазарев М. П.	военный фрегат «Крейсер»	1822—1825	Военная
21	Лазарев А. П.	» шлюп «Ладога»	1822—1824	»
22	Коцебу	» » «Предприятие»	1825—1826	»
23	Дохтуров	» » «Смирный»	1824	»
24	Чистяков и Муравьев	корвет «Елена»	1824—1826	Российско-Американской компанией
25	Врангель	военный транспорт «Кроткий»	1826—1827	Военная
26	Станюкович	» шлюп «Моллер»	1826—1829	»
27	Литке	» » «Сенявин»	1826—1829	»
28	Хромченко	корвет «Елена»	1828—1830	Российско-Американской компанией
29	Гагемейстер	военный транспорт «Кроткий»	1828—1830	Военная
30	Хромченко	» » «Америка»	1831—1833	»
31	Шанц	» » «Америка»	1834—1836	»
32	Тебенюков	корвет «Елена»	1835	Российско-Американской компанией
33	Беренс	» «Николай»	1837—1839	» » »
34	Кадников и Воеводский	» «Николай»	1839—1841	» » »
35	Зарембо	корвет «Наследник Александр»	1840	» » »
36	Юнкер	военный транспорт «Або»	1840—1842	Военная
37	Вонлярлярский	» » «Иртыш»	1843—1845	»
38	Невельской	» » «Байкал»	1848	»

создали целую эпоху русских географических исследований Мирового океана.

Причины, вызвавшие русские кругосветные путешествия, определили и характер задач, поставленных перед ними. Начальникам кораблей поручалось изучать торговлю различных стран, завязать морскую торговлю с восточноазиатскими странами — Японией и Китаем, доказать преимущество провоза товаров морским путем из Петербурга в Камчатку и Северо-Западную Америку и т. п. С этими задачами они успешно справились.

Уже первое кругосветное плавание, возглавлявшееся И. Ф. Крузенштерном и Ю. Ф. Лисянским, блестяще доказало правильность идеи снабжения дальневосточных территорий и американских владений России из Петербурга морским путем. Поэтому Компания стала систематически прибегать к посылке кораблей из столицы в Тихий океан.

Как видно из приведенного списка русских кругосветных плаваний первой половины XIX столетия, Российско-Американская компания снарядила 16 кругосветных экспедиций.

Кругосветные экспедиции содействовали развитию внешней торговли России, успешному освоению Дальнего Востока и русских владений на северо-западе Америки.

Русские кругосветные экспедиции вписали также яркую страницу в историю отечественного флота. Они показали всему миру, что русские офицеры и матросы — замечательные мореходы, умеющие преодолевать все трудности океанских плаваний. Многие офицеры совершили по несколько кругосветных плаваний: Беллинсгаузен, Головин, Дохтуров, Хромченко, Понафидин — по два, а Коцебу, М. П. Лазарев, Гагемейстер — по три плавания.

Кругосветные экспедиции, сопряженные с немалыми трудностями и опасностями, стали школой воспитания кадров военно-морского флота.

С именами русских кругосветных мореплавателей связаны многие нововведения в организации морского дела в России, которые способствовали росту и укреплению боеспособности русского флота.

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ

Мысль о возможности и выгоде кругосветных сообщений с восточными окраинами России возникла задолго до образования Российско-Американской компании.

Еще при разработке планов второй Камчатской экспедиции Беринга в 1732 г. президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Николай Федорович Головин и адмирал Сандерс предложили осуществить экспедицию на Камчатку морским путем вокруг мыса Горн¹. В отчете о Камчатской экспедиции, составленном в Адмиралтейств-коллегии 5 октября 1738 г., рассказывается, что члены коллегии: адмиралы Гордон, Сенявин, Сандерс, Дмитриев-Мамонов, Гослер, Бредаль, Кошелев, Мишуков и Вильбоа «представляли, что мочно отправить на Камчатку из Санкт-Петербурга корабли, которые-де могут там, о чем намерение есть, исправить и к тому морские офицеры практику иметь, при чем требовали, чтоб дать им в коллегию известие о том, что надлежит к той экспедиции касающееся, а они могут изыскивать в том полезных способов»².

Это—первая в России и очень ранняя мысль о кругосветном плавании. Адмиралы Головин и Сандерс мотивировали свое предложение большой экономией времени. По их мнению, на плавание из Петербурга к западному берегу Северной Америки потребуются от 10 до 12 месяцев и не более года на исследования в Восточном океане, тогда как для достижения Камчатки сухим путем нужно не менее двух лет. Кроме того, на постройку судов в Камчатке уйдет также два года и столько же времени потребуются на обратное возвращение в Петербург.

Правильность этих доводов впоследствии вполне подтвердилась, так как вторая Камчатская экспедиция Беринга продолжалась десять лет.

¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л., 1935 г., стр. 135—136. См. также Соколов А. Зап. Гидр. Деп., IX, 1851, стр. 206, 468; Марков С. Юконский ворон, ч. 2, 1946, Летопись Аляски, стр. 208; Ст. «Начало наших кругосветных плаваний». Зап. Гидр. Деп., ч. VII, 1849, стр. 502.

² Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовил к печати А. Покровский. М., Главное архивное управление, 1941 г., стр. 89.

Головин предполагал сам возглавить эту экспедицию, но проект его не был принят по неизвестным причинам.

В 1764 г., при отправлении капитана Креницына и лейтенанта Левашева для описи Алеутских островов, правительство было намерено послать два судна из Кронштадта на Камчатку кругом света. Но вспыхнула русско-турецкая война, и предприятие это было оставлено¹.

В 1781 г. вице-президент Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышев, по собственной инициативе, на казенных верфях выстроил судно, и, нагрузив товарами, собирался отправить его к северо-западным берегам Северной Америки². Экспедиция не состоялась, видимо по техническим причинам.

В 1786 г. начальник экспедиции, работавшей в северной части Тихого океана, капитан Биллингс просил Адмиралтейств-коллегию разрешить возвратиться с Дальнего Востока морем в Кронштадт. «Не приказано-ли будет, по окончанию экспедиции обратный путь сделать, обойдя мыс Доброй Надежды, прямо в Кронштадтскую гавань, с тем намерением, что оное будет впредь служить для распространения знаний и искусства; сверх того, удобнее и сохраннее все вещи и редкости собранные доставляться могут в целости»³.

Это плавание Биллингс думал предпринять на судах, построенных экспедицией в Охотске. Ему было отказано. Причины отказа связаны, вероятно, со снаряжавшейся тогда из Кронштадта кругосветной экспедицией.

Еще в 1785 г., по совету капитана Г. А. Сарычева, ввиду прекращения торгового дела на Кяхте, Шелехов подал проект о посылке судов в Китай и русско-американские владения

¹ Предприятия Екатерины II для путешествия вокруг света. Записки Ученого комитета Морского министерства, XV, 1840 г. См. также О медалях в память знаменитых происшествий до флота относящихся. Записки Ученого комитета Морского штаба, ч. 10, 1833 г.

² Центральный государственный архив Военно-Морского флота (ЦГАВМФ), Ленинград, ф. гр. И. Г. Чернышева, д. № 44.

³ Цитировано по статье «Начало наших кругосветных плаваний». Зап. Гидр. Деп. Морского министерства, VII, 1849 г., стр. 502.

прямо из Архангельска или Балтийского моря¹. Проект этот был разработан капитаном Тревеноном при участии академика Палласа. Составлением инструкции для участников экспедиции занимался адмирал Л. И. Голенищев-Кутузов, впоследствии президент Адмиралтейств-коллегии. Большое участие в подготовке этой экспедиции принимала Петербургская Академия наук. В академической обсерватории обучались проведению астрономических наблюдений и употреблению мореходных инструментов пять офицеров и несколько штурманов под руководством профессора Академии наук П. Б. Иноходцева².

Первоначально предполагалось отправить в кругосветное плавание только два корабля³. Позднее правительство решило известить все морские державы о присоединении к России открытых русскими людьми территорий на северо-западном побережье Сев. Америки и запрещении захода в русские гавани иностранных судов. Для подкрепления этого заявления решено было отправить в тихоокеанские воды не два корабля, а военную эскадру, состоящую из четырех военных кораблей.

Перед экспедицией были поставлены такие задачи: охрана прав России на земли, открытые русскими мореплавателями, доставка грузов в Охотск, установление торговли с Китаем и Японией и, наконец, открытие в пути новых земель⁴.

Для кругосветного плавания Адмиралтейств-коллегия назначила четыре военных корабля: два больших—

¹ Ф. Ш. (вероятно Федор Шемелин, совершивший кругосветное путешествие в 1803—1806 гг. под начальством Крузенштерна в должности приказчика Американской компании). Историческое известие о первом путешествии россиян кругом света. «Русский Инвалид», 1823 г., №№ 23, 28, 31, 36. См. Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, I, 1861 г. См. Ахматов. В. Картография, Сборник «Тихий океан», Академия наук СССР, 1926 г., стр. 28.

² Записки Ученого комитета Морского министерства, XV, 1840 г., стр. 365. См. также Л. Голенищев-Кутузов. Предприятия императрицы Екатерины II, для путешествия вокруг света в 1786 г., СПб, 1840, in 16°, стр. 8.

³ ЦГАВМФ. Указ Екатерины II Адмиралтейской коллегии об отправлении двух судов в Камчатку от 22 декабря 1786 г., ф. графа Чернышева, 1788 г., д. № 367, л. 322.

⁴ А. Соколов. Приготовление кругосветной экспедиции 1787 г., под начальством Муловского. Зап. Гидр. Деп., VI, 1848 г.

«Холмогор»—капитан I-го ранга Муловский и «Соловки»—капитан Киреевский, и два меньших размеров—«Турухтан»—капитан-лейтенант Сиверс и «Сокол»—капитан князь Трубецкой¹.

В письме к Ивану Григорьевичу Чернышеву в феврале 1787 г. академик Паллас рекомендовал увеличить эскадру на одно транспортное судно, так как пушки, полосовое железо, такелаж и особенно астрономические инструменты невозможно было доставить на Дальний Восток сухим путем². Адмиралтейств-коллегия назначила командиром транспорта лейтенанта Креницына.

Для улучшения снабжения русских владений в Америке Паллас в том же письме к Чернышеву советует завести на Дальнем Востоке хлебопашество.

Повидимому, Паллас не знал, что еще во время управления Камчаткою М. К. Бема с 1773 по 1779 г. рожь и ячмень приносили там хорошие урожаи. Ему также было неизвестно и о существовании на Камчатке еще более древних пахотных земель³.

Совершенно неосновательно предполагая, что на Камчатке хлебопашество невозможно из-за плохого климата, Паллас предлагал выстроить селение на Сахалине. «Остров Сахалин, при устье реки Амура, непременно должен иметь пристани: на нем растет круглый дубовый и других пород лес, способный к строению; он изобилует всякою дичью; земля там плодородна, и тем предпочтительнее можно избрать его для такого намерения, что он будет нам ключем к Амуру»⁴.

В этом письме Паллас советовал также организовать поселение на острове Уруп. «Остров Уруп, например, считая до Камчатки осьмнадцатый, имеет около двух-сот верст длины, двадцать поперешника, весьма горист, с прекрасными по берегам долинами». И далее: «На тамошних горах находится довольно лесу березоваго, ольховаго,

¹ Записки Ученого комитета Морского министерства, ч. XV, 1840 г.

² Письмо Палласа графу И. Г. Чернышеву об экспедиции Муловского, «Москвитянин», 1849 г., № 24.

³ П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, т. II, СПб, 1844 г., стр. 319.

⁴ «Москвитянин», 1849 г., № 24.

рябинового, ивового и два или три рода крепкого дерева, сходного с Японским»¹.

По современным описаниям, остров Уруп простирается в длину всего лишь на 117 км². Повидимому, Паллас путает его с Итурупом. Очевидно он пользовался картой Шестакова³, на которой остров Итуруп помещен севернее Урупа, или работой Миллера⁴, который Итуруп считает двенадцатым, а Уруп тринадцатым островом.

Итуруп—самый богатый и самый большой остров во всем архипелаге. Длина его разными авторами указывается различно. Л. С. Берг считает длину равной 211 км, а А. И. Соловьев⁵—203 км. Эти цифры близки к данным Палласа об острове Урупе.

Начальником снаряжающейся экспедиции был назначен капитан 1-го ранга Григорий Иванович Муловский, молодой (ему было тогда 29 лет), отлично образованный моряк.

Все подготовительные работы были проведены полностью: для участия в экспедиции были приглашены натуралист и астроном, врач и четыре художника; были приобретены карты, астрономические и физические инструменты, подобраны противоцынготные лекарства, заготовлена провизия на три года плавания, а также теплая и холодная одежда и т. д.⁶.

В Охотске и на Камчатке велась подготовка к встрече этой экспедиции.

Предполагалось кораблям пройти мимо мыса Доброй Надежды и далее Зондским проливом или вдоль берегов Новой Голландии (Австралии) проникнуть в Тихий океан. Здесь им предписывалось разделиться. Один отряд,

¹ «Москвитянин», 1849 г., № 24, стр. 56—57.

² А. И. Соловьев. Курильские острова. Изд. Главсевморпуть, 1945 г.

³ Карта Шестакова (1826 г.) воспроизведена в книге академика Л. С. Берга, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Ленинград, 1935 г., стр. 108.

⁴ Г. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, т. 1, СПб, 1758 г.

⁵ А. И. Соловьев. Курильские острова, 1945 г., стр. 221.

⁶ Л. Голенищев-Кутузов. Предприятия императрицы Екатерины II для путешествия вокруг света в 1786 г., СПб, 1840 г., in 16°, стр. 9.

под командой Муловского, должен был следовать к Северной Америке для исследования ее берегов, Алеутских островов и изучения гидрографии Тихого океана. Другому отряду предписывалось обследовать Курильские острова, обойти большой остров «Сагалин-анга-гата» (Сахалин)¹ и осмотреть устье реки Амура².

С тех пор, как Сахалин стал известен в России, его всегда считали островом, и в 1786 г. капитану Муловскому предлагалось обойти вокруг острова.

Экспедиции Муловского предлагалось также собрать достоверные сведения о Японии, «а наипаче о северной ее части и лежащих близ нея в северную сторону больших островов, как без сомнения, мнимую землю Езо представляют»³.

К осени 1787 г. все суда были готовы к плаванию и оставалось только поднять паруса, но плаванию этому не суждено было совершиться. Началась война с турками, а затем со шведами, и экспедиция была отложена⁴.

В 1789 г. Муловский, который командовал военным судном «Мстислав», был убит в сражении у острова Эланд.

Как утверждают биографы, Муловский, будучи командиром корабля «Мстислав», неоднократно делился

¹ А. Соколов. Зап. Гидр. Деп., VI, 1848 г. На первых картах северо-востока Азии, появившихся в Европе в XVIII в., остров именовался «Saghalian anga hata», то-есть «остров устья Черной реки». Из этого названия, как известно, образовалось современное название острова.

² ЦГАВМФ. Наставление ... «г-ну флота капитану I ранга Григорию Муловскому, начальствующему над эскадрою, назначенною для плавания между Камчаткою, Япониею и Западными Американскими берегами», ф. дела гр. Чернышева, 1788 г., д. 367, лл. 285—321.

³ Цитировано по статье А. Соколова Зап. Гидр. Деп., VI, 1848 г. На картах XVII и XVIII столетий господствует необычайная путаница в отношении острова Иезо: одни соединяют его с материком Азии, другие причисляют к Америке, третьи изображают в виде громадного острова между Азией и Америкой, а на карте Страленберга 1730 г. Иезо отождествляется с Камчаткой («Terra Kamtszatka alias Iedso»).

Подробности см. в книге Л. С. Берга «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», 1946 г., стр. 172.

⁴ Указ об отмене экспедиции Муловского был издан 28 октября 1787 г. Текст указа опубликован в статье Соколова («Приготовление кругосветной экспедиции 1787 г. под начальством Муловского»). Зап. Гидр. Деп., VI, 1848 г., стр. 189. См. также «Материалы для истории русского флота», ч. XIII, № 166, стр. 197.

с подчиненными мыслями о предстоящем кругосветном путешествии, и молодой мичман Иван Федорович Крузенштерн, с жадностью слушая его слова, тогда уже понял важность и пользу такого предприятия¹. Он даже заручился согласием Муловского включить его участником этой экспедиции.

Вопрос о первой русской кругосветной экспедиции, вновь встал на очередь дня лишь к началу XIX в.

ПРОЕКТ ПЕРВОГО РУССКОГО КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ И. Ф. КРУЗЕНШТЕРНА

Иван Федорович Крузенштерн родился 8 ноября² 1770 г. в отцовском имении Гонгунд (Гаггуд), в Эстляндии, недалеко от г. Ревеля, в семье небогатых дворян, ведущих свой род от Филиппа Крузенштерна (1598—1676)³.

Иван Федорович был младшим из шести братьев и сестер. До двенадцати лет он учился дома, а затем три года (с 1782 г. по 1785 г.) вместе с тремя братьями посещал в Ревеле Вышгородскую церковноприходскую школу.

По совету приехавшего к Крузенштерну друга их семьи, пятнадцатилетнего юношу в январе 1785 г. отдали учиться в Морской кадетский корпус, который находился в Кронштадте.

¹ Адмирал Иван Федорович Крузенштерн. Изд. Академии наук, СПб, 1869 г., стр. 4. См. «Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений», т. LXV, № 257, 1847 г.

² Некоторые источники ошибочно относят день рождения Крузенштерна на 6 ноября 1770 г. (См. статью: «Адмирал И. Ф. Крузенштерн», «Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений», т. LXV, № 257, 1847 г.). А. Добровольский и Н. Зубов во вступительной статье к книге И. Ф. Крузенштерна «Путешествие вокруг света», (Географгиз, 1950 г., стр. 4) относят день рождения Крузенштерна на 8 сентября 1770 г.

³ Известный дипломат Филипп Крузенштерна в 1633 г. во главе голштинского посольства ездил через Московию в Персию.

Материалы, собранные им во время поездки, легли в основу известного сочинения Олеария, который сопровождал его в качестве секретаря. Впоследствии Филипп Крузенштерна был генеральным директором Эстонии и Ингерманландии и жил в г. Нарве.

Морской кадетский корпус существовал уже более 80 лет и его справедливо называли «колыбелью русского флота».

Еще в 1701 г. в Москве Петром I была учреждена школа «Математических и навигацких, то-есть мореходных хитростно наук учению». Быстрый рост русского военно-морского флота и острая нужда в отечественных кадрах побудили Петра I открыть в 1715 г. в Петербурге Морскую академию, куда были переведены старшие классы «Навигацкой» школы.

Морская академия выпустила несколько сот морских офицеров, гидрографов и геодезистов. Среди них были: Чириков, Малыгин, Гвоздев, Челюскин, Креницин, Хметевский, Нагаев и многие другие, ставшие впоследствии выдающимися моряками. По уровню теоретических знаний и практической подготовки офицеры, окончивавшие академию, стояли значительно выше иностранных моряков, находившихся на русской службе.

В 1752 г. Морская академия и «Навигацкая» школа были объединены в Морской шляхетский кадетский корпус, во главе которого поставили А. И. Нагаева.

В 1771 г. во время большого пожара сгорело петербургское здание, и Морской корпус перевели в Кронштадт. Директором в это время был Иван Логинович Голенищев-Кутузов, один из первых питомцев Морской академии.

Шестилетняя программа обучения в корпусе делилась на два курса: кадетский и гардемаринский, каждый по три года. Воспитанники обучались на трудах русских ученых— А. И. Нагаева, С. И. Мордвинова, Н. Г. Курганова и получали обширные для того времени теоретические познания. Среди преподавателей корпуса были передовые люди, современники великого Ломоносова. Они передавали воспитанникам прогрессивные идеи о развитии русского флота, воспитывали их на лучших традициях русских моряков, на подвигах героев Гангута, Гренгама и Чесмы.

В этой детской военной школе екатерининских времен, наряду с хорошими традициями, процветали жестокие и грубые нравы: брань, телесные наказания, тупая муштра. Само помещение было мало благоустроенным. Крузенштерн рассказывал впоследствии своему будущему биографу Ф. Ф. Веселаго, как ему, чтобы не мерзнуть, в спальне

приходилось затыкать подушками стекла и в числе других отправляться по ночам через забор, в ближайшие склады за дровами для топки печей¹.

27 мая 1787 г. Крузенштерн окончил общий кадетский курс и был произведен в гардемарины. В том же 1787 г. он впервые ходил в учебное плавание по Балтийскому морю на фрегате «Мстиславец», во время которого сблизился с Юрием Лисянским.

Наступил 1788 г., который стал памятной датой в жизни девятнадцатилетнего Крузенштерна.

Русский флот в это время вел операции против турок в Черном море, и шведский король Густав III решил, что наступило наиболее удобное время для нападения на Россию. Он хвастливо заявил, что истребит все русские памятники, кроме памятника Петру I, на котором напишет свое имя.

Против шведов был мобилизован весь Балтийский флот. Сказался недостаток в офицерах, и тогда последовал указ о выпуске из корпуса офицерами всех гардемарин, даже не окончивших курса, если только они хоть один раз были в море. Крузенштерн принадлежал к числу последних. Итак, годом раньше срока, в мае 1788 г., он был выпущен за мичмана и получил разрешение носить офицерскую форму, хотя не был офицером и поэтому носил саблю без темляка.

Крузенштерн был определен в эскадру адмирала С. К. Грейга на линейный корабль «Мстислав» под команду образованного моряка, капитан-бригадира Г. И. Муловского.

В 1788 г. «Мстислав» принимал деятельное участие в битве при острове Гогланд. Здесь Крузенштерн получил первое боевое крещение.

За храбрость, проявленную в этой операции, Крузенштерн 1 января 1789 г. был произведен в мичманы. Гогландское сражение имело важнейшие последствия: оно заставило шведский флот укрыться в Карлскронской гавани (Швеция) и перейти от наступления к обороне.

Прозимовав в Ревеле, Балтийская эскадра весной 1789 г. пошла на соединение с эскадрой контр-адмирала Повалишина, которая шла из Архангельска и

¹ Ф. Ф. Веселаго. Адмирал Иван Федорович Крузенштерн, СПб, 1869 г., стр. 3.

провела зиму в Копенгагене. У острова Эланд произошло горячее сражение, но шведы не сумели воспрепятствовать соединению эскадр и вынуждены были вновь укрыться в Карлскроне. В этом сражении 15 июля 1789 г. пушечным ядром был убит капитан Муловский.

Этот человек, оказал, как отмечалось выше, большое влияние на Крузенштерна.

Команду над «Мстиславом» принял капитан Эссен. Все лето прошло спокойно, так как шведский флот не осмелился больше вступать в бой.

В следующем году Крузенштерн был участником одной из достопамятных битв 2 мая 1790 г., когда десять русских линейных кораблей, стоявших на ревальском рейде, под командой адмирала В. Я. Чичагова (1726—1809), были атакованы тридцатью шведскими кораблями.

Но, несмотря на количественное превосходство и прекрасную позицию, шведы, потеряв два корабля, вынуждены были отступить и укрыться в Выборгском заливе, где были блокированы. Вскоре шведскому флоту ценою больших потерь удалось прорвать блокаду. Корабль «Мстислав», обрубив якоря, первый бросился за бегущим врагом в то время как другие корабли еще только снимались с якорей.

Настигнув шведский линейный корабль экипаж «Мстислава» вступил в сражение, и через три четверти часа шведский корабль спустил флаг.

В бою Крузенштерн отличился, и ему было поручено взять флаг побежденного и сдавшегося шведского корабля.

За участие в этом сражении двадцатилетний Крузенштерн 6 июля 1790 г. был произведен в лейтенанты.

Таким образом, первые шаги Крузенштерна были ознаменованы военными подвигами.

13 августа 1790 г. война со Швецией закончилась победой России.

В 1791—1792 гг. Крузенштерн жил в Ревеле и ни разу не ходил в море. Он не мог проводить жизнь в праздности и занялся самообразованием. В Ревеле он сдружился с молодым лейтенантом Яковом Берингом, внуком знаменитого мореплавателя.

То обстоятельство, что Яков Беринг числился в списке участников кругосветной экспедиции Муловского в чине

И. Ф. Крузенштерн

мичмана¹, позволяет предполагать, что молодые люди не раз говорили об этой экспедиции, и желание Крузенштерна совершить подобное предприятие лишь упрочилось. В то время иногда посылали морских офицеров за границу для ознакомления с опытом и практикой иностранных флотов.

Крузенштерн и Беринг в 1793 г. попали в число шестнадцати «отличных молодых офицеров», отправленных на несколько лет в Англию. Крузенштерну было тогда 23 года.

В конце апреля 1793 г., после непродолжительного пребывания в Лондоне, русских офицеров распределили по эскадрам и кораблям². Англия вела тогда войну против французской республики за сохранение реакционных феодальных режимов в странах Европы.

Крузенштерн, Лисянский, Салтанов, Поликоти и Баскаков были определены на суда эскадры контр-адмирала Джорджа Муррея, которая 21 мая 1793 г. вышла из Англии в Северную Америку, где неоднократно участвовала в сражениях против французского флота. Крузенштерн плавал на фрегате «Тетис»³.

Фрегат «Тетис» после сильного удара о береговые скалы вынужден был зайти в Норфольк для исправления.

Пользуясь этим случаем, Крузенштерн в начале 1795 г. на небольшом судне отправился в Вест-Индию, где посетил Барбадос, Суринам и Бермудские острова.

В 1796 г. Крузенштерн вместе с Лисянским и Баскаковым, возвращаясь в Англию на фрегате «Клеопатра» под начальством капитана Пенроза, едва не попал в плен к французам⁴.

¹ Предприятия Екатерины II для путешествия вокруг света. Записки Ученого комитета морского Министерства, ч. XV, 1840 г., стр. 364.

² Беринг вскоре умер в плавании в Средиземном море.

³ В других источниках фрегат, на котором Крузенштерн ходил из Англии в Северную Америку, называется «Фетида» (см. Военно-Энциклопедический лексикон, т. VII, 1855 г.) или «Эстада» (см. «Всемирная иллюстрация», № 255, 1873 г.).

⁴ В архиве Всесоюзного Географического общества хранится записка И. Ф. Крузенштерна, в которой он красочно изобразил это событие. Архив Всесоюзного Географического общества, ряд 119, д. № 361. «О экспедиции французов в Ирландию в 1796 г.», 1841 г.

Не ограничиваясь изучением военно-морского дела, Крузенштерн, наряду с этим, всюду старался познакомиться с учеными людьми, изучал все, относящееся к географии и «статистике» посещенных им мест, вникал в торговые отношения между народами и интересовался состоянием колоний.

В эти годы Крузенштерна все более занимала мысль открыть русской торговле путь в Ост-Индию. «Участие россиян в торговле морем с Китаем и Индией казалось мне не невозможным»¹. Он хотел побывать в индийских морях, но английское правительство ревниво охраняло свое монопольное положение в индийских водах и препятствовало посещениям иностранцев. Лишь благодаря стараниям русского посланника в Англии, удалось выхлопотать разрешение.

В середине марта 1797 г. Крузенштерн с Лисянским и Баскаковым вышли из Портсмута к мысу Доброй Надежды на английском линейном корабле «Резонабль» под командой капитана Бойля. У мыса Доброй Надежды Крузенштерн нашел фрегат «Уазо», который имел назначение следовать в Ост-Индию. На корабле «Уазо» Крузенштерн посетил города Мадрас и Калькутту. В Калькутте фрегат «Уазо» встал на ремонт, и Крузенштерн на другом корабле три месяца крейсировал в Бенгальском заливе.

Попав в Калькутту, он познакомился с соотечественником Торклером, который бывал у северо-западных берегов Америки, и после разговоров с ним еще более убедился, как выгодно было бы для России отправлять товары из американских владений морем прямо в Кантон.

Крузенштерн решил побывать в Кантоне, чтобы на месте изучить меховую торговлю европейцев с Китаем и условия плавания в опасных китайских морях. Недостаток средств препятствовал исполнению этого намерения, и Крузенштерну вновь пришлось идти в плавание на фрегате «Уазо». Вскоре фрегат, поврежденный бурей, вынужден был встать на ремонт в Пуло-Пенанге. Отсюда Крузенштерн на собственные средства направился в Малакку, где тяжело заболел. Только в 1798 г. Крузенштерн на небольшом судне достиг Кантона. Здесь он жил в про-

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 18.

должение целого года (1798—1799) и подробно изучил торговлю европейских купцов¹.

После третьего кругосветного путешествия Кука, который обратил внимание на изобилие морских бобров у тихоокеанского побережья Северной Америки, европейские купцы завязали меховую торговлю с Китаем (примерно лет за десять до прибытия Крузенштерна в Кантон) и получали огромные выгоды. «В бытность мою в Кантоне,—пишет Крузенштерн,—в 1798 и 1799 годах пришло туда небольшое, в 90 или 100 тоннов, Английское судно от Северо-западного берега Америки. Оно вооружено было в Макао и находилось в отбытии из Китая 5 месяцев. Груз, привезенный оным, состоял в пушных товарах, которые проданы за 60 000 пиастров»².

Крузенштерну было хорошо известно, что русская меховая торговля с Китаем происходит невыгодным сухопутным путем через всю Сибирь. У него окончательно созрело решение о необходимости русского кругосветного путешествия.

Возвращаясь в Европу из Китая в 1799 г. на корабле «Бомбай Кастль», Крузенштерн составил подробный проект русской кругосветной экспедиции. Из Англии он просил позволения приехать в Россию, где надеялся «начертание» свое подать лично президенту Коммерц-коллегии Сойманову. Но разрешения на приезд в Петербург не последовало.

Проект был послан из Англии в 1799 г. министру военно-морских сил графу Кушелеву. По содержанию он разделялся на две части. В одной части Крузенштерн указывал на возможность организовать правильное морское торговое сообщение между Европейской Россией и Американскими колониями. «Владение Камчаткою и Алеутскими островами подает, уповательно, средство к пробуждению Российской торговли, от дремоты, в коей искусная политика торгующих Европейских держав старалась долгое время усыплять ее с удачным успехом»³. Описав кратко русские промыслы зверя на Тихом океане и указав все трудности, кото-

¹ 27 марта 1798 г. Крузенштерну присвоили чин капитан-лейтенанта. См. «Общий Морской Список», ч. IV, СПб, 1890 г., стр. 163—167.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 19.

³ Там же, стр. 6.

рые приходится преодолевать предприимчивым людям, Крузенштерн показал, от каких выгод отказывается Россия, предоставив монополию на торговлю морем иностранцам. Он предлагал послать из Кронштадта к северо-западному берегу Америки два корабля, нагрузив их снастями и инструментами, нужными для построения судов, а также взять искусных кораблестроителей и учителей мореплавания, снабдив их картами и астрономическими приборами. Все это, по мнению Крузенштерна, дало бы возможность русским поселенцам на северо-американском берегу строить хорошие суда для того, чтобы возить меха морем прямо в Кантон и, взяв там нужные товары, отвозить их обратно в Америку. Корабли же, приходящие из Европейской России, взяв в Кантоне китайские товары, на обратном пути могли бы заходить в Батавию или Индию для закупки товаров, нужных в России. «Чрез сие можно бы было достигнуть до того, чтобы мы не имели более надобности платить англичанам, датчанам и шведам великие суммы за Ост-Индские и Китайские товары. При таковых мерах скоро бы пришли Россияне в состояние снабжать сими товарами и немецкую землю дешевле, нежели англичане, датчане и шведы; потому что для них построение, оснастка и содержание судов стоит гораздо дороже и что они покупают товары за наличные деньги»¹.

Вторая часть проекта доказывала необходимость возвысить русский флот посредством дальних плаваний до уровня лучших иностранных флотов. Россия должна догнать иностранные флоты и, в частности, английский флот в искусстве дальних плаваний. Для этого Крузенштерн предлагал брать в Морской кадетский корпус юношей не только из дворян, но и из других сословий. Особенно предлагал он обратить внимание на корабельных юнг. «Сим образом можно было бы приобрести со временем людей, весьма полезных для государства»².

Предложения Крузенштерна не встретили сочувствия и были погребены в дебрях министерской канцелярии. Наоборот, проект этот встретил противников среди консервативно настроенных моряков, которые считали Россию неспособной организовать дальние плавания. Адмирал Ханыков, голос которого тогда много значил, совето-

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 22.

² Там же, стр. 20.

вал нанять английских матросов, полагая, что с русскими это предприятие никогда не удастся¹.

Предприятие Крузенштерна, «которое по одной новости своей подвержено было великому противоречию», в 1799 г. было отвергнуто.

По приезде в Россию в том же 1799 г. Крузенштерн пытался заинтересовать своим проектом торговые круги, но и эти попытки оказались тщетными. Иван Федорович, огорченный неудачами, думал уже отказаться от своей великой идеи, оставить службу и заняться сельским хозяйством или преподаванием географии в Ревельской школе, где раньше учился сам, но в 1801 г. место Кушелева в Морском министерстве занял адмирал Николай Семенович Мордвинов.

Крузенштерн вновь приводит в порядок свое «начертание» и в начале 1802 г. отсылает его в Петербург к Мордвинову, который вскоре отвечает, что оно достойно внимания и обещает содействовать его осуществлению².

«Записки ваши,—сообщает Крузенштерну Мордвинов,—о которых вы мне пишете от 23 минувшего апреля (речь идет о напоминании Крузенштерном о них), мною получены во время продолжавшейся в глазах моих боли и для этого принужден я был рассматривать их гораздо позже. Я оные нахожу во многих частях полезными и достойными монаршего внимания и только избираю удобный случай, дабы с пользою вашей доложить о них. До сего времени прошу вас покорно принять терпение, я же уповаю, что вы не оставлены будете за ваши труды без вознаграждения... Мая 13 дня 1802 г.»³.

Мордвинов правильно оценил значение кругосветных плаваний для жизненных интересов России и русских колоний в Америке.

Еще в 1792 г. приказчик Шелехова Федор Шемелин в Петербурге, а затем в Москве пытался завязать сношения с английскими коммерсантами Макинтошем и Бон-

¹ Адмирал И. Ф. Крузенштерн. «Журнал для чтения воспитанников Военно-Учебных Заведений», т. LXV, № 257, 1847 г.

² После возвращения в Россию Крузенштерн 23 мая 1800 г. был определен командиром на катер «Нептун», на котором плавал в Англию. В 1801—1802 гг., находясь при Петербургском порте, командовал фрегатом «Нарва». 26 ноября 1802 г. за восемнадцать морских кампаний награжден орденом (Св. Георгия 4-го класса).

³ Архив гр. Мордвиновых, том III, стр. 311—312.

нером и дабы договориться с ними о доставке в Охотск одного корабля с продуктами и припасами. Демидов (Никита Никитович), знакомый с делами Шелехова, советовал Шемелину купить в Дании свой корабль и отправить его в колонии. Шемелин не решился на этот шаг, но сразу же написал об этом Шелехову в Иркутск¹.

С 1798 г. промысловые товары из американских колоний не поступали, так как морские сообщения с Россией были прерваны². Правитель колоний Баранов сообщал Главному правлению Компании, что у него осталось одно небольшое судно, которое он не решается отправить, и меха стоимостью на полмиллиона рублей, лежащие несколько лет без движения³. Отправленный в 1799 г. из Охотска в колонии фрегат «Феникс» затонул, и колонии терпели нужду как в продовольствии, так и в товарах, необходимых для обмена с местным населением на меха. «Даже соли,— писал впоследствии Крузенштерн,—сей необходимой приправы яств наших, часто у них не бывает». Через иностранную печать в Россию дошли известия о нападении индейцев на крепость острова Ситха. Главное правление Компании сообщало Баранову, что «в Кяхте торговля не сильно выгодная, и в сравнении минувших лет очень плохая»⁴. Все эти обстоятельства заставили поторопиться со снаряжением кругосветной экспедиции. Компания тогда думала послать из Петербурга только один корабль, купив его в Гамбурге. Для управления этим судном пригласили приехавшего в Россию в июле 1802 г. англичанина Макмейстера, который в продолжение десяти лет ходил на иностранных судах в Восточную Индию. Кроме руководства экспедицией, он брался также на одном из Курильских островов (Уруп) в течение четырех лет устроить порт, завести хлебопашество и скотоводство, организовать кораблестроение, показать выгоду китовых, тюленьих и рыбных промыслов. Кроме

¹ Центральный исторический архив (ЦИА), ф. 1108 Шелеховых, И. Г. и Н. А., письма, 1792 г. от 12 и 14 июня.

² Центральный госуд. архив нар. хоз. (ЦГАНХ). Ф. Главного правления Российско-Американской компании по управлению в России, д. I, т. I, л. 96.

³ ЦГАНХ Ф. Главного правления Российско-Американской компании по управлению в России, д. I, т. I, л. 49.

⁴ ЦГАНХ. Ф. Главного правления Российско-Американской компании по управлению в России, д. I, т. I, л. 81.

того, он обязался положить начало торговли с соседним Японским государством. Так как Макмейстера Компания решила послать в колонии для «экономических заведений», то нужно было найти мореплавателя, который бы это судно мог доставить обратно.

Капитан-лейтенант Юрий Федорович Лисянский изъявил желание перейти на службу в Компанию для осуществления первого кругосветного путешествия.

Об этом он подал бумагу в Главное правление Компании, в которой ставил ряд условий: «Чтобы служить мне на одном из кораблей начальником. Вести его из Петербурга до русских селений в Америке, а оттуда в Кантон и в С.-Петербург. В случае если корабль нужно будет задержать в колониях, то, находясь под начальством Главного управителя колоний Баранова, по его приказанию готов служить на море, где только потребуются: описывать и открывать неизвестные места, посещать уже открытые, одним словом, помогать во всем, что соответственно практическим знаниям и способностям поручено будет»¹. За труды он просил жалованья 5 тысяч рублей в год.

Адмирал Мордвинов посоветовал директорам Компании послать два судна для того, чтобы они могли сразу доставить большое количество товаров в колонии, и в случае несчастья с одним судном, другое могло бы подать помощь. Для руководства экспедицией он рекомендовал капитан-лейтенанта Ивана Федоровича Крузенштерна, с проектом которого незадолго перед тем познакомился². Макмейстеру было отказано.

В июле 1802 г. Крузенштерн был вызван из Ревеля в Петербург, где Мордвинов ему объявил, что он сам должен быть исполнителем своего проекта, и если он откажется, то предприятие это будет совсем оставлено. Это лестное предложение теперь лишь опечалило Крузенштерна. «Более полугода уже прошло, как я разделял счастье с любимой супругою и ожидал скоро именоваться отцом. Никакие лестные виды уже не трогали сильно меня. Я вознамерился было оставить службу, дабы наслаждаться

¹ ЦГАНХ. Ф. Главного правления Российско-Американской компании ...д. I, т. I; см. Ф. Ш. Историческое известие о первом путешествии Россиян кругом света. «Русский Инвалид», 1823 г., №№ 23, 28, 31, 36.

² Ст. «Начало наших кругосветных плаваний». Зап. Гидр. Деп., ч. VII, 1849 г., стр. 505—506.

ся семейственным счастьем. Но от сего надлежало теперь отказаться и оставить жену в сугубой горести. Чувствования мои воспрещали принять сие лестное поручение. Но адмирал Мордвинов объявил мне, что если ли не соглашусь быть сам исполнителем по своему начертанию, то оно будет вовсе оставлено. Я чувствовал обязанность к отечеству в полной мере и решился принести ему жертву. Мысль сделаться полезным, к чему стремилось всегда мое желание, меня подкрепляла; надежда совершить путешествие счастливо ободрила дух мой, и я начал всемерно пещися о приготовлениях в путь, не испытанный до того Россиянами»¹. Крузенштерн согласился, и 7 августа 1802 г. был отдан указ о снаряжении экспедиции.

Своим помощником и командиром одного из двух кораблей Крузенштерн избрал Юрия Федоровича Лисянского. Вследствие отсутствия кораблей экспедиция была отложена до другого лета.

Юрий Федорович Лисянский родился 2 августа 1773 г. в г. Нежине в семье священника².

16 марта 1783 г. девятилетний Юрий Лисянский был определен в Морской кадетский корпус, где он со старшим братом Ананием учился около шести лет. Здесь во время летних учебных плаваний Лисянский сдружился с Иваном Крузенштерном.

1 марта 1788 г. Лисянский в числе 142 выпускников был досрочно выпущен из корпуса. Лисянский попал на фрегат «Подражислав», на котором служил до 1791 г., участвуя во всех боевых операциях против шведов.

В 1793 г. Лисянский был произведен в лейтенанты и в числе шестнадцати лучших офицеров направлен волонтером в английский флот. В течение пяти месяцев он жил в Лондоне, посещал различные приморские города, усердно изучал английский язык, а также жизнь и нравы населения.

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 25.

² Е. Л. Штейнберг пишет, что Лисянский принадлежал к старинному дворянскому роду («Жизнеописание русского мореплавателя Юрия Лисянского», Москва, 1948 г., стр. 12 и 13). В действительности же отец Лисянского добился установления своего дворянства в 1785 г., а дворянский герб роду Лисянских был утвержден лишь в 1828 г. (См. «Протокол об установлении дворянского достоинства рода Лисянских», 1785 г., январь 7, Выпись 1798 г., июля 13. Центральный Военно-морской музей (ЦВММ), № 9170-22-А (1938))

Ю. Ф. Лисянский

В одном из первых писем на родину к брату Ананию он пишет: «Народ, с которым мы теперь имеем дело, весьма просвещен в денежных обстоятельствах и к карманному величию имеет безмерную подчительность; коротко сказать, всякий шаг наш здесь стоит не меньше шиллинга. Съехавши в Гулль, взяли с нас по гинее за несколько рубах и мундир, которые были в чемодане у каждого. Взяли за то, что мы русские, за то, для чего едем в Лондон, и по крайней мере полгиней за то, для чего мы не говорим по-аглицки»¹.

21 мая 1794 г. Лисянский на фрегате «Луазо» был направлен в Северную Америку, где, так же как и Крузенштерн, неоднократно принимал участие в военных операциях англичан против французского флота.

В начале 1795 г. Юрий Федорович плавал в Вест-Индию (на острова Антигуа и Невис), где едва не погиб от желтой лихорадки. В письмах на родину он описывает ужасы работорговли и невыносимый невольничий труд. «Об Вест-Индии Вам могу сказать коротко, что она наполнена неграми, невольниками европейцев, которые производят сахар, кофе, ром и прочие продукты жарких климатов для своих господ. Положение сих эсклавов весьма бедное везде, их же властители проводят свою жизнь в изобилии. Я бы никогда не поверил, что англичане могут так жестоко обходиться с людьми, ежели бы не был сам тому свидетелем на острове Антиго, где нередко случалось видеть несчастных арапов, употребляемых вместо лошадей»².

Вернувшись из Вест-Индии в Галифакс в мае 1795 г., Лисянский получил отпуск и до весны 1796 г. путешествовал по Соединенным Штатам Америки, причем в г. Филадельфии был принят президентом Джорджем Вашингтоном, командовавшим американскими войсками во время войны колоний с Англией за независимость.

¹ ЦВММ. «Журнал лейтенанта Юрия Лисянского с 1793 по 1800 г.», № 9170/1938, л. 3. Этот «Журнал», состоящий из 70 листов, является дневником Лисянского за время плаваний его в английском флоте. Кроме того, в нем имеются черновики его писем к брату Ананию.

² Центральный государственный литературный архив (ЦГЛА), «Записки лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, веденные им во время службы его волонтером на английском флоте», М. ф. XVIII в., № 5196, л. 41. Эти «Записки» Лисянского впервые были обнаружены Е. Л. Штейнбергом (см. «Жизнеописание русского мореплавателя Юрия Лисянского», Москва, 1948 г.).

ИЗДАНИЕ
№ 28. 25.46 - 1

3420

Дневники и письма Лисянского содержат богатые сведения по географии, экономике, политической жизни, культуре и быту населения Соединенных Штатов Америки того времени.

Летом 1796 г. Лисянский вместе с Крузенштерном и Баскаковым на фрегате «Клеопатра» вернулись в Англию. В Англии они добились разрешения посетить Индию и в середине марта 1797 г. отплыли к мысу Доброй Надежды. «Мое намерение, — писал Лисянский к брату, — есть остаться у мыса Доброй Надежды на четыре или пять месяцев, дабы познакомиться с Африкой, а особливо с окончностью оной, которая весьма нужна для плавающих к востоку оной, я думаю, что через сие не буду в дураках»¹.

Лисянский несколько месяцев провел в Южной Африке, бывал в поселениях голландских колонистов, посещал их плантации; собирал гербарий и коллекцию южноафриканских раковин. Отсюда он плывал к о. Св. Елены, который исходил вдоль и поперек. В 1798 г. Лисянскому было присвоено звание капитан-лейтенанта.

В январе 1799 г. на корабле «Септр» Лисянский прибыл в Индию, в г. Мадрас, а затем в г. Бомбей. В Индии он пробыл немного более трех месяцев. Не пожелав участвовать в несправедливой войне против индийского народа, который отстаивал свою независимость, Лисянский просил разрешения покинуть Индию. Он решил отправиться с английской географической экспедицией к берегам Австралии, но получил приказ немедленно вернуться на родину, так как Павел I решился на разрыв с Англией и вел переговоры о союзе с наполеоновской Францией. На купеческом корабле «Роялистэ» Лисянский вернулся в Англию, а затем прибыл в Кронштадт после семи лет отсутствия.

В 1801 г. Лисянский, командуя фрегатом, плывал в Балтийском море².

В Кронштадте Лисянский встретился с Крузенштерном, который познакомил его со своим проектом кругосветного плавания. В 1802 г. Крузенштерн предложил Лисянскому принять участие в кругосветном плавании

¹ ЦГЛА, ф. XVIII в., л. 86.

² В 1802 г. Лисянский за восемнадцать морских кампаний получил орден (Георгия 4-го класса).

в качестве своего помощника и командира одного из двух кораблей.

Перед началом этого важного предприятия правление Компании советовалось с акционерами на общем собрании и, получив одобрение, 29 июля 1802 г. через министра коммерции Николая Петровича Румянцева руководящие деятели Компании подали ходатайство Александру I¹. В этой бумаге среди многих причин, обосновывавших необходимость кругосветной экспедиции, были названы следующие²:

1. «Снабжение американских селений сразу на несколько лет,—пишет дирекция Компании,—уменьшит провозы к Охотскому порту, а тем самым понизит цены сухопутных транспортов и предохранит всю Якутскую область от изнурения, которое терпят жители ее от этих перевозок, приводящих их в большую бедность».

2. «Компания может открыть в Кантоне выгодную торговлю мехами. Таковым началом торговли с Японией и Китаем надеется Компания в скором времени выиграть над иностранными народами поверхность, а на возвратном из Кантона пути испытать торговлю и в селениях иностранных Ост-Индских компаний, как-то: Калькутте, Бенгалах, Ботавии и протчих местах, где по уверению бывшего и там того же господина Крузенштерна все порты и народы нас благосклонно принять готовы и тогда можем мы со временем привозить сахар, кофе, индиго и протчее прямо к петербургскому порту».

В январе 1803 г. Крузенштерн прибыл из Ревеля в Петербург, чтобы лично наблюдать за всеми приготовлениями к экспедиции. Здесь он узнал, что с экспедицией должно будет ехать посольство в Японию.

¹ ЦГАНХ. Ф. Главного правления Российско-Американской компании по управлению в России, д. I, т. I.

² Из донесения Главного правления Компании Александру I видно, что Крузенштерн подал свой проект в 1802 г., раньше чем явился в Петербург Макмейстер. Однако купец Компании Федор Шемелин утверждает обратное (см. Историческое известие о первом путешествии Россиян кругом света. «Русский Инвалид», 1823, №№ 23, 28, 31, 36). В неверном свете историю этого вопроса излагает Н. В. Думитрашко (см. Ю. Ф. Лисянский и русские кругосветные плавания. Вступительная статья к кн. Ю. Ф. Лисянского: Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 годах. Москва, 1947, стр. 15—17). Она утверждает, что инициатива в организации первого русского кругосветного плавания принадлежит не Крузенштерну, а Н. П. Румянцеву и Н. П. Резанову.

Еще в 1792 г., в царствование Екатерины II, в Японию было отправлено посольство из Охотска во главе с поручиком Адамом Лаксманом, сыном академика натуралиста Кирилла (Эрика) Лаксмана.

6 августа 1783 г. пять японских промышленников потерпели кораблекрушение у Алеутских островов (остров Амчитка), где встретились с русскими промышленниками, которые также спаслись здесь после кораблекрушения. В 1788 г. они вместе из обломков русского и японского кораблей построили судно и благополучно достигли Камчатки. Отсюда японцы были отправлены в Иркутск. В 1790 г. японец Кодаю был привезен академиком Кириллом Лаксманом в Петербург. Здесь от него были получены некоторые сведения о Японии. Для посылки русской экспедиции в Японию, с целью завязать торговые сношения с этой страной, Лаксман посоветовал воспользоваться, как предлогом, необходимостью отправки японцев на родину¹.

К. Лаксман вышел из Охотска 13 сентября 1792 г. на галиоте «Екатерина» под командой штурмана Ловцова. Они морем пришли в г. Хакодате, а оттуда сухим путем в г. Матсмай, где сдали привезенных с собою японцев и получили письменное² позволение, в котором говорилось, что один русский корабль может притти для торговых переговоров в Нагасаки в безоружном виде. В противном случае корабль и люди будут задержаны как пленные. В сентябре 1793 г. Лаксман вернулся в Охотск².

В июле 1796 г. Екатерина повелела иркутскому и колыванскому генерал-губернатору Семифонтову снарядить вторую экспедицию в Японию под предлогом отправления на родину 15 японцев, спасшихся от кораблекрушения на Андреановском острове (Алеутские острова)

Эта экспедиция не состоялась, вероятно, по причине смерти Екатерины II³.

Прошло десять лет со времени отправления экспедиции Лаксмана, и лишь теперь Россия решила воспользоваться полученным тогда позволением.

¹ В. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Перевод со шведского. А. Н., СПб, 1890 г., стр. 240—241.

² Описание экспедиции Лаксмана и содержание полученных им документов см. Лагус В., 1890 г., стр. 255—266.

³ Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, СПб, 1893 г.

Маршрут первого русского кругосветного плавания был намечен следующий: экспедиция должна была следовать вокруг мыса Горн к Гавайским (Сандвичевым) островам. Отсюда кораблю «Нева» под командой капитана Юрия Лисянского предписывалось направиться к берегам Северной Америки. Другой корабль «Надежда» под командой Крузенштерна должен был следовать в Японию с посольством, а оттуда на Камчатку или на остров Кадьяк.

Перезимовав и встретившись в условленном месте, они должны были идти в г. Кантон для обмена пушнины на китайские товары. Обратный путь предлагалось Крузенштерну выбрать самому¹.

Экспедиция эта называлась коммерческой, и, вероятно, поэтому ей даже не была дана инструкция по научным исследованиям.

В инструкции, данной Крузенштерну 29 мая 1803 г., о научных наблюдениях говорится вскользь: «если время и обстоятельства позволят». Лишь в одном месте о научных наблюдениях сказано более определенно: «Все, что узнаете и приобретете вашими наблюдениями в вояже вашем для натуральной истории, географии, мореплавания и до прочих наук, так равно карты и описания, конечно, не оставите доставить Американской компании, а потому излишним почитаем, зная ваше усердие о том, вам в подробности изъяснять»².

Мы должны поставить в большую заслугу Крузенштерну и Лисянскому то, что они превратили это купеческое предприятие в экспедицию мирового научного значения.

Следует отметить, что в подготовке первой русской кругосветной экспедиции приняла горячее участие Русская Академия наук. 25 апреля 1803 г. она избрала Крузенштерна своим членом-корреспондентом, хотя научных трудов у него тогда еще не было³.

Кроме того, по поручению Академии наук ученым экспедиции были вручены инструкции, составленные крупными специалистами. Известный русский минералог

¹ ЦГАНХ. Ф. Главного правления Российско-Американской компании, д. I, т. I.

² Там же, д. I, т. I, л. 159.

³ См. протокол Конференции Академии наук от 13 апреля 1803 г.

академик Севергин М. В. написал для ученых экспедиции инструкцию по минералогии и «Теории земли»¹.

Инструкция по ботанике была составлена профессором Т. А. Смеловским, а по зоологии—академиком А. Ф. Севастьяновым². Кроме того, министр коммерции граф Н. П. Румянцев 13 июня 1803 г. послал Крузенштерну письмо, в котором предложил сделать попытку отыскать лежащие к востоку от Японии острова серебра и золота (Rica de Ogo и Rica de Plata), о которых ходили легендарные слухи среди испанских и голландских моряков XVI и XVII столетий. «Одним словом, вообще, надобно принять за правило,—пишет Румянцев,—чтоб стараться изведывать поверхность моря неизвестную, хотя бы и случилось не иметь Вам той чести, чтоб воскресить бытие желаемого острова. Но статья может, что Гений открытий предоставил эту славу Российскому флагу под управлением вашим»³.

МЕТОДИКА И ТЕХНИКА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кругосветные плавания имели большое значение для развития географии, так как до этого времени почти ничего не знали об океанах, занимающих $\frac{2}{3}$ поверхности земли. Эпоху географических исследований Мирового океана открыли русские моряки, которые в первой половине XIX в. совершили около сорока кругосветных плаваний, т. е. значительно больше, чем англичане и французы, вместе взятые. При анализе исследовательских работ океанографических экспедиций этого времени необходимо учитывать отсутствие правильной методики изучения природы и недостаток технических средств. Без учета этих особен-

¹ М. В. Севергин. Инструкция для путешествия около света по части минералогии и в отношении к Теории земли. «Северный Вестник», № 2 и 3, 1804 г.

² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. № 183, д. № 89 иркутского купца В. Н. Боснина, «Об отправлении из С-Петербурга морем на Восточный океан действительного камергера Резанова на кораблях «Надежде», под командою капитан-лейтенанта Крузенштерна, и «Неве», под командою капитан-лейтенанта Лисянского, для образования Русских владений в Америке, образования края и заведения торговли с Японией, Китаем, Бенгалом, Испанской Америкой и другими владениями».

³ Письмо г. министра коммерции графа Николая Петровича Румянцева к г. капитану Крузенштерну (См. Крузенштерн. Путешествие вокруг света, ч. III, стр. 411—412).

ностей невозможно правильно оценить научные результаты, добытые первой русской кругосветной экспедицией

Астрономические наблюдения. Астрономические приборы и инструменты начала XIX в. позволяли с большой точностью определять положение корабля на море.

Долготу в море уже стали определять при помощи хронометров. На каждый корабль приходилось брать два, три и более хронометра, так как показания их при непрерывной смене физических и метеорологических воздействий давали значительные погрешности. Погрешность особенно возрастала при плавании в жарком поясе, где часто приходилось менять ход хронометров. Верным обычно считали средний вывод по двум или трем хронометрам.

Показания хронометров постоянно требовали внесения поправок на основе точных астрономических наблюдений.

Наилучший способ нахождения долготы места в те времена сводился к определению углового расстояния между луной и различными звездами при помощи секстана. Кроме того, долготу измеряли октантом, который давал разность с секстаном в 1 или 2 минуты.

Такие измерения делались в большом количестве. Вычисления производились обычно по лунным таблицам, для чего требовалось немало времени¹. Во время первого русского кругосветного плавания употреблялись лунные таблицы, усовершенствованные французским астрономом Биргом.

Спутник Головнина в экспедиции 1807—1813 гг. капитан П. Рикорд говорит, что точность установленных Крузенштерном пунктов такова, что они могут быть сравнены с измерениями Гринвичской обсерватории. Данные Крузенштерна на очень небольшие величины расходятся с последующими определениями. Обычно разница выражается в секундах, редко в минутах².

¹ Способ определения долготы по измерению лунных расстояний был изобретен во второй половине XVIII в. и во время экспедиции Крузенштерна и Лисянского являлся общеупотребительным; впоследствии от него отказались из-за его сложности и недостаточной точности.

² В период парусного судоходства, когда корабли месяцами плавали без всякой возможности поверки хронометров (теперь благодаря радио такая поверка производится ежедневно), высокая точность определения координат указывает на хорошую подготовку и мастерство русских моряков.

Широта определялась из многих меридиональных высот солнца и звезд. Точности измерений препятствовала, главным образом, сильная качка.

Местоположение кораблей вблизи берегов определяли пеленгованием. По компасу брали пеленги—направления на какие-либо приметные пункты, точно нанесенные на карту. При помощи двух или трех взаимно пересекающихся пеленгов, дающих на карте точку, определяли место корабля.

Трудности мореплавания того времени препятствовали проведению картографических съемок. Ход парусного судна сильно зависел от направления и силы ветров и течений. Это обстоятельство не позволяло кораблям подходить близко к берегу, поэтому на карте береговая линия изображалась лишь приближенно. Требования, предъявляемые мореплавателями к морским картам, удовлетворялись лишь частично.

Изображенные на карте районы моря и прилегающие к ним участки берега иногда не имели точного соответствия с действительностью. Изображались лишь отдельные ориентиры, видимые с моря (береговые возвышенности, в особенности горы и приметные вершины, выдающиеся мысы и т. п.). Их передавали утрированно, иногда в ущерб точности. Приходилось дополнять карты большим количеством планов, панорам и профилей наиболее характерных участков берега. Следует также отметить, что карты того времени были бедны навигационными и гидрографическими данными. Однако эти карты отличались замечательной четкостью и изяществом рисунка, чистотой и точностью штрихов.

Метеорологические наблюдения. Океанские плавания периода парусного судоходства существенно отличались от современных океанских плаваний.

В плавании парусных кораблей роль метеорологических факторов была решающей: положение и ход судов зависели от всей совокупности метеорологических условий.

Однако состояние метеорологических знаний в то время было чрезвычайно низким. Несмотря на отдельные замечательные догадки, еще в 1800 г. даже выдающиеся научные авторитеты объясняли смену ветров, атмосферного давления и все изменения погоды притяжением небесных тел.

Русские моряки проводили серьезные, систематические работы по изучению метеорологических условий посещенных ими стран. Содержание метеорологических наблюдений, производившихся на кораблях «Надежда» и «Нева», состояло в систематическом изучении температуры, влажности и давления воздуха, в определении ветров, их силы и продолжительности, в наблюдениях за прозрачностью воздуха, облачностью, туманами и т. п. Это были первые научно поставленные метеорологические работы на море, которые в то время имели большое значение не только для мореплавания, но и для географии, так как тогда еще не было достаточных сведений о метеорологических условиях и климате над обширными пространствами Мирового океана.

Имея набор хороших инструментов, Крузенштерн и астроном Горнер не располагали научно обоснованной методикой производства самих наблюдений, потому что в то время ее еще не было. Это сказалось отрицательно на результатах исследований.

Например, при изучении суточного хода температуры воздуха исключались ночные часы. Время наблюдений не было уточнено; допускались пропуски в отдельных наблюдениях в течение суток и по целым суткам. Промежутки между наблюдениями или сильно сближались и наблюдения производились каждый час, или же наступали длительные перерывы во времени наблюдений¹. Эти замечания относятся и к барометрическим наблюдениям.

Следует отметить, что на показания барометра влияла корабельная качка. Чтобы избежать этого, барометр подвешивали за кольцо, но, несмотря на это, при сильной качке положение ртути повышалось или понижалось более чем на $\frac{1}{2}$ дюйма (1,27 см)².

Во время тайфуна у берегов Японии барометр разбился, так что сравнить показания его с другими оказалось невозможным. Влажность воздуха измеряли гигрометром, изготовленным из китового уса. Он также испортился во время путешествия.

¹ Температура на «Надежде» измерялась термометром Реомюра, на «Неве» термометром Фаренгейта. Термометр и гигрометр висели на шканцах в тени.

² Шкала барометров, которыми пользовались Крузенштерн и Лисянский, была разделена на английские дюймы и на десятые доли их, или линии. Один дюйм равен 2,54 см, а одна линия 2,54 мм.

В последующих русских кругосветных плаваниях методика наблюдений температуры воздуха и давления была усовершенствована.

В инструкции, полученной О. Коцебу в 1823 г. для проведения научных работ, было предусмотрено уже 3—4 барометрических наблюдения в день: в 6 или 8 часов утра, в полдень и в 10 часов вечера. Особенного внимания заслуживает тот факт, что при барометрических наблюдениях предписывалось учитывать и температуру. Любопытно замечание Коцебу в отношении двух морских барометров. Один, английский, работы Долонга, оказался неверным, но «недостаток одного вознаграждался другим, превосходящей работы мастера Самойлова при Адмиралтейских Ижорских заводах»¹.

В отличие от всех предшествующих плаваний, во время кругосветной антарктической экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева производились температурные и барометрические наблюдения и в ночные часы суток.

Методика наблюдений над ветрами была более совершенна. Все наблюдения велись в определенные сроки, а сила ветра определялась по степени наполнения парусов. По этому признаку ветры получали второе определение, например: юго-западный легкий—бомбрамсельный; юго-западный умеренный—брамсельный; юго-западный свежий—марсельный. Хотя в это время уже появились анемометры, но экспедиция Крузенштерна и Лисянского ими не располагала.

Во время плавания Коцебу на «Рюрике» впервые силу ветра измеряли «ветромером» Бугера и Вольтмана. Коцебу производил также специальные наблюдения над изменением скорости ветра по вертикали, «Дабы узнать, подлинно ли, как иные утверждают, некоторые ветры идут снизу вверх, а другие сверху вниз»².

Эти наблюдения, хотя и спорадические и часто несравнимые между собою, имели огромное значение для развития климатологии.

¹ О. Коцебу. Путешествие вокруг света... на военном шлюпе «Предприятие» в 1823—1826 годах. СПб, 1828, стр. 7.

² Горнер. Инструкция, данная флота-лейтенанту г. Коцебу об астрономических и физических наблюдениях во время путешествия его на корабле «Рюрик», Путешествие в Южный океан и Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле «Рюрик» под начальством флота-лейтенанта Коцебу. ч. I, СПб, 1821, стр. СLXIX,

Они явились первыми систематическими наблюдениями, произведенными при помощи точных измерительных инструментов на огромных просторах Мирового океана.

Морские течения. Современное судоходство опирается на высокое состояние технических средств, на подробные карты течений и лоции. В рассматриваемый нами период знание морских течений было крайне недостаточным.

В третьей части своего путешествия, в главе «О наблюдениях, учиненных во время путешествия над течениями», И. Ф. Крузенштерн пишет: «Познание течения моря столь важно для мореплавания, что мореходец должен поставить себе обязанностью производить над оными наблюдения во всякое время со всевозможною точностию. Хотя из сих наблюдений и нельзя вывести точных законов, однако и одно приближение уже важно, наипаче же есть ли причины течений объясняются с некоторою достоверностию, и сходство между оными может служить порукою их точности. Есть ли же направление и сила течения в известных странах показаны разными мореходцами различно, в таком случае, прежде утвердительного о том разрешения, должно изведать, что виною такой разности, также и рассмотреть с точностию самые показания и мнения о случайной неправильности»¹.

Техника и методика определения направления и силы морских течений состояла в сопоставлении показаний суточного пути корабля, измеряемого при помощи лага и компаса, и данных определения широты и долготы места с помощью секстана и хронометров. Определение течения по разности счислимого и обсервованного места— один из наиболее старых способов определения скорости и направления течения.

О степени точности этого рода исследований Крузенштерн пишет: «Есть ли бы можно принять, что все стихии, входящая в счисление пути корабля, определяемы были с толикою же верностию, тогда разность между счислениями и наблюдениями с точностию бы определяла направление и силу течения. Но известно, сколь многим погрешностям подвержено корабельное счисление, например: и самой лучший рулевой матроз не может всегда держать корабль на одном курсе, при крепком же ветре сие никак не возможно; иногда погрешности уничтожаются одна

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 149—150.

другую, однако точности при том ожидать нельзя. При бросании лага не может быть соблюдена строгая точность. Величина дрейфа и действие волнения (случающегося нередко по иному направлению, нежели востр), увлекающего корабль от настоящего его курса, полагается часто весьма произвольно. Но величайшее препятствие к достижению точности в счислении состоит в склонении магнитной стрелки; должно признаться, что я часто находился в недоумении, какое принять при счислении, ибо погрешность нескольких градусов в склонении может в корабельном счислении и одних суток произвести уже немаловажную разность. Склонение магнитной стрелки, сколь часто только позволяла возможность, наблюдаемо было посредством двух троутоновых азимуфных компасов г-ном Горнером, мною и прочими корабля офицерами» ...

...«Из всего сего явствует, сколь трудно определять с верностию силу и направление течения, и сколь невозможно предписать для того правила. Сие затруднение увеличивается весьма много и тем, что направление течения подлечит часто и действию ветров, следовательно, и большим переменам. Все, к чему достигнуть можно, состоит в определении вероятного онаго направления. Однако великая выгода происходит уже и от того, есть ли определить можно, что в таких-то странах Океана приемлет течение такое-то постоянное направление, с погрешностию, простирающеюся хотя до нескольких градусов в румбе и до одной мили в скорости его. В сем то отношении только могут быть полезны наблюдения, учиненныя во время нашего путешествия, а особливо есть ли сравнивать их с прежними подобными наблюдениями в тех же морях и с наблюдениями, могущими последовать в будущия времена»¹.

Надо отметить, что методика наблюдений над течениями осталась такая же самая и при последующих русских кругосветных плаваниях, но техника этих наблюдений несколько усовершенствовалась. Головин уже во время плавания на «Диане» применил лаг непрерывного действия (perpetual lag). Иногда эти показания Головин проверял наблюдением по поплавам. Впоследствии наблюдения русских моряков были использованы для составления карт морских течений.

¹ И Ф Крузенштерн, ч. III, стр. 151—153,

Располагая далеко не совершенными техническими средствами, русские мореплаватели и ученые все же смогли установить ряд существенных законов движения океанических вод. Так, например, Лисянский и Крузенштерн впервые установили наличие Экваториальных противотечений в Атлантическом и Тихом океанах. В научных работах известного русского физика Э. Ленца (участника плавания О. Коцебу на корабле «Предприятие» в 1823—1826 годах) встречается идея о постоянстве морских течений Мирового океана, направленных от экватора к полюсам (теплые) и от полюсов к экватору (холодные)¹.

Измерения глубинных температур. На особом месте среди других океанографических исследований первой русской кругосветной экспедиции стояли работы по определению вертикального ряда глубинных температур (до глубины 400 м).

«По времени это были первые наблюдения вертикальных рядов температур на глубинах океана»².

Работы производились с помощью Гельсовой машины, изобретенной русским мастером Шишориным, и термометром Сикса, который был изобретен в 1782 г. и впервые применен для океанографических работ первой русской кругосветной экспедицией.

Гельсова машина представляла пустой медный цилиндр высотой до полуметра с диаметром около четверти метра. Вверху и внизу были сделаны клапаны, которые при спуске прибора в воду открывались на внешнюю сторону, а при подъеме закрывались. Внутри цилиндра подвешивался ртутный термометр, по которому и определялись температуры воды, взятой в прибор. Недостатки прибора заключались в том, что его трудно было вытаскивать, а также открывание и закрывание клапанов было ненадежно, из-за чего нельзя было гарантировать взятие пробы воды с заданной глубины; из-за большой теплопроводности цилиндра изменения внешней температуры (особенно в верхних слоях воды и на палубе корабля) легко передавались воде в цилиндре.

Так, например, 24 мая 1804 г. в Тихом океане (0°56' ю. ш. и 146° 16' з. д.) была установлена огромная разность пока-

¹ В. А х м а т о в. Океанография. Статья в сборнике «Тихий океан». Изд. Акад. наук СССР, Л., 1926 г.

² Ю. М. Ш о к а л ь с к и й. Океанография, 1917 г., стр. 33.

заний. Термометр Сикса на глубине 100 саженей показал температуру $11,5^{\circ}\text{R}$., а Гельсова машина на той же глубине 19°R .

Недостатки термометра Сикса¹ сводились главным образом к тому, что стеклянный шарик прибора не был достаточно защищен от внешнего давления. Это обстоятельство вызывало выдавливание термометрической жидкости в трубку при больших опусканиях и давало для последних повышенные показания. Все же термометр Сикса давал показания, являющиеся, по существу, первыми сравнительно точными определениями температуры глубинных вод океана. Большую часть измерений Крузенштерн сделал термометром Сикса.

Методика проведения наблюдений имела существенные недостатки. На одних станциях брали 4—5 измерений на разных глубинах, а на других бралось только одно измерение.

Особенно снижало ценность наблюдений отсутствие одинаковых (стандартных) глубин, что необходимо для сравнения: так, брались глубины в 14, 16, 18, 21, 30 и 60 м на одной станции, а на другой—1, 55, 80 и 90 м. Но и при таком положении эти исследования для того времени имели большое прогрессивное значение и дали толчок к развитию океанографических работ последующими мореплавателями.

Полученные экспедицией данные были использованы С. О. Макаровым в сводной таблице температур воды северной части Тихого океана².

В кругосветном плавании Коцебу на «Рюрике» глубинные температуры измерялись также термометром Сикса. Погружение термометра попрежнему производилось при помощи лотиня, но методика исследований была несколько улучшена.

В инструкции о проведении астрономических и физических наблюдений во время путешествия на «Рюрике», составленной Горнером, указывалось на важность этих наблюдений для изучения климата земного шара и реко-

¹ См. описание термометра Сикса, сделанное Горнером, Инструкция, данная флота-лейтенанту г. Коцебу об астрономических и физических наблюдениях во время путешествия его на корабле «Рюрик».

² С. О. Макаров «Витязь» и Тихий океан», СПб, 1894, стр. 219, 398

мендовалось измерять температуры на одинаковых глубинах через каждые 5° географической широты.

Во время второй кругосветной экспедиции О. Коцебу на корабле «Предприятие» исследования глубинных температур продолжались под руководством известного русского физика Э. Ленца и составили новый этап в развитии океанографии. Ленц построил первый батометр, приносящий воду с больших глубин с мало измененной температурой¹. Стенки и днища батометра были сделаны из 17 различных слоев. Термометр был изготовлен из толстого стекла чтобы предохранить его от давления. Были найдены поправки для изменения температуры воды при поднятии батометра, а также поправки на укорачивание логгиня от намокания и на отклонение его от вертикального направления вследствие дрейфа корабля. Все это впервые принималось во внимание. Наблюдения рядов глубинных температур, произведенные Ленцем, дали первые правильные представления о температурах на больших глубинах океана (до 1 972 м) и позволили ему высказать положение, ставшее впоследствии правилом, о постепенном понижении температуры воды от поверхности моря вглубь, при быстром снижении ее до глубины 300 м и более медленном на последующих глубинах.

Измерения глубин океана. Измерение глубин океана в работах первой русской кругосветной экспедиции фактически сводилось к прибрежным промерам (до глубины 400 м) при помощи ручного лота. Эти работы были немногочисленны, так как взятие каждой отдельной глубины требовало немало времени. Обычно промеры производились лишь при небольшой скорости судна, а для глубин, превышающих 250—300 м, требовалась полная остановка судна.

Точные определения больших глубин океана впервые в истории мореплавания проводились во время второй кругосветной экспедиции О. Коцебу на корабле «Предприятие» в 1823—1826 гг.

Ленцем и Парротом был сконструирован первый глубомер с полуавтоматическим тормозом, позволявший определять момент достижения лотом дна. Прибор позволял получить точные глубины почти до двух километров. Эти

¹ Описание батометра Ленца и Паррота см. Ю. Шокальский. Океанография, 1917 г., стр. 35—36. К сожалению, этот прибор был забыт и лишь впоследствии нашел себе полное подобие в приборе сделанном норвежскими учеными Нансеном и Петтерсоном.

работы показывают широкое и глубокое понимание задач научного океанографического исследования. «Даже во много более позднейшие научные экспедиции,— пишет Ю. М. Шокальский,— как, например, во время плавания Чарльза Дарвина на корабле «Бигль» в 1831—1836 гг. под командой выдающегося военного моряка Англии Фицроя, и там за все плавание не было сделано ни одной попытки измерить глубину океана»¹. К сожалению, этот прибор в свое время также не был достаточно известен и потому, не получив распространения, был забыт.

Только в 1870 г. подобный прибор был предложен В. Томсоном.

Удельный вес морской воды. В комплекс научных работ экспедиции Крузенштерна и Лисянского, помимо рассмотренных исследований, входило определение удельного веса морской воды. Для этого применялся медный ареометр Фаренгейта (волчок). Этот прибор довольно прост, однако до первого русского кругосветного плавания его не употребляли ни в одном путешествии, так как его применение предусматривает одновременное проведение наблюдений по барометру и термометру.

Исследования Крузенштерна и Лисянского впервые позволили установить приближенное распределение солености на поверхности различных частей Мирового океана. Они были настолько точны, что позволили Горнеру уловить ряд важных закономерностей этого явления, так например, впервые в истории географической науки была отмечена большая соленость Атлантического океана по сравнению с Тихим океаном². Лишь много лет спустя на это явление вновь обратил внимание великий русский климатолог А. И. Воейков, который дал ему правильное объяснение.

В плавание О. Коцебу на «Рюрик» эти исследования проводились в более широких масштабах. В инструкции к его путешествию, написанной Горнером, этот вопрос трактовался так: «К особенным свойствам моря принадлежит преимущественно соленость морской воды. Но

¹ Ю. М. Шокальский. Столетие со времени отправления Русской антарктической экспедиции под командою Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева 4 июля 1819 г. из Кронштадта. Известия Госуд. Русск. Географ. общ., т. LX, 1928 г.

² Горнер. О некоторых достопримечательных свойствах морской воды. «Технологический журнал», т. V, ч. III, 1820 г., стр. 53.

едва ли можно испытывать оную на кораблях химическими разложениями. А так как от количества соли, растворенной в воде, зависит и тяжесть сей последней, то определение удельной тяжести морской воды преподает удобный способ к определению соответствующего количества содержащейся в оной морской соли»¹.

Во время второй кругосветной экспедиции О. Коцебу на корабле «Предприятие» Э. Ленцем проводились исследования удельного веса морской воды не только на поверхности, но и на глубинах. Они были настолько правильны, что вошли в известную работу С. О. Макарова: «Витязь» и Тихий океан». В 23-й главе этого труда Макаров пишет: «Наблюдения Ленца не только первые в хронологическом отношении, но первые и в качественном, и я ставлю их выше своих наблюдений и наблюдений «Challenger'a»².

Кроме вышперечисленных исследований, во время первого кругосветного плавания производились наблюдения над волнениями, приливами, отливами и т. п., а также изучалась жизнь моря.

В местах кратковременных остановок производилась съемка берегов, физико-географические, экономико-географические и этнографические описания. В трудах Крузенштерна и Лисянского особенно большое место занимают сведения, имеющие характер лоций, т. е. описания побережий, бухт, якорных стоянок, подходов к ним и т. п., которые в то время имели большое практическое значение для нужд судоходства. Эти сведения, в изобилии собиравшиеся русскими мореплавателями, впоследствии легли в основу при составлении лоций океанов, которых в те времена не было и роль которых в значительной мере выполняли описания путешествий.

СНАРЯЖЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ. УЧАСТНИКИ

Плавание парусных кораблей было подвержено многим опасностям: штили, встречные ветры и течения, шквалы, ураганы, продолжительные дожди и туманы представ-

¹ Г о р н е р. Инструкция, помещенная в книге Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан ... на корабле «Рюрик», ч. I, СПб 1821 г.

² С. О. М а к а р о в. «Витязь» и Тихий океан», т. I, ч. III, стр. 247.

ляли силы, преодоление которых требовало быстрого и своевременного использования всех возможностей, благоприятствующих движению.

Корабли были деревянные. Прочность и срок их службы определялись как материалом и качеством постройки, так и условиями плавания. Вынужденное продление плавания укорачивало срок службы корабля и требовало дополнительных затрат на ремонт.

Не меньшее значение имели вопросы питания и гигиены труда моряков. Океанское плавание связано было с крайне ограниченным ассортиментом продуктов, притом продуктов не свежих, а заготовленных преимущественно в закисленном, соленом и сушеном видах. При плохой заготовке очень часто продукты портились, приходилось их употреблять в недоброкачественном виде, или массами выбрасывать за борт. Питание ухудшалось, и на кораблях появлялась цынга. Эта болезнь была постоянным спутником дальних океанских плаваний, уносила массу жизней, понижала работоспособность команд и часто целые корабли превращала в пловучие лазареты. Так, например, английский адмирал Ансон в плавании из Англии вокруг мыса Горн на пятидесятипушечном корабле «Центурион» в 1740 г. потерял от цынги 200 человек экипажа. Среди моряков и даже ученых того времени господствовало убеждение, что в самом морском воздухе присутствуют носители этой болезни. Особенно опасными в этом отношении считались Конские широты, зона затишья и высокие широты. При безветрии, большой влажности воздуха и высокой температуре в зоне затишья приходилось проходить иногда месяцами. Жизнь команды парализовалась непривычными климатическими условиями, а ограниченность и низкое качество питания порождали цынгу.

Отсутствие свежей пищи, употребление портившейся от длительного провоза пресной воды, развитие плесени и сырости в помещениях—все это вызывало максимальное поражение этой болезнью в экваториальной зоне¹.

В хранящихся в Государственном историческом архиве в Москве фондах семейного архива главного директора Российско-Американской компании М. М. Булда-

¹ В 1801 г. был разрешен вопрос консервирования продуктов, но в первом русском кругосветном плавании консервированные продукты еще не были использованы. Впервые консервы были использованы русскими моряками в кругосветном плавании

кова имеется тетрадь, представляющая книгу приказов («Приказной протокол командной») по кораблям «Надежде» и «Неве». Первый приказ от 15 июля 1803 г. (до выхода в путь) состоит из 28 параграфов. Он посвящен расписанию обязанностей и внутреннему распорядку во время плавания. Второй приказ как бы слит с первым. Он тщательно и вдумчиво разработан и посвящен мерам к сохранению здоровья людей. Для примера приведем один из параграфов этого приказа: «Когда случится дождь во время ночи, и вахта была по должности оставлена вся наверху, то всем господам вахтенным офицерам бдительно смотреть, чтобы никто не ложился в койку в мокром своем платье, ибо ничто не может быть вреднее здоровью. Фланелевые рубашки даются команде больше для того, чтобы надевать их, сменившись в дождь с вахты, то и не позволить им ни под каким видом ложиться спать, не взяв сей осторожности, поелику от беспрестанного и бдительного только присмотра всех офицеров за одеждою, благовременною переменою оной и чистотою команды зависит людей здоровье, следовательно и благополучный успех нашего вояжа... Я, со своей стороны, за первый и важнейший долг почту быть неусыпным в стараниях моих, касающихся до сохранения здоровья команды. Не сомневаюсь, будут следовать и все офицеры сему примеру»¹.

В Центральном Военно-морском музее в Ленинграде хранится подлинник «Журнала» приказов командира корабля «Нева», отражающий все стороны жизни корабля и заботу Лисянского о здоровье матросов. Один из пунктов приказа по кораблю гласит: «Движение для команды столько же нужно, как и покой, и для того господам вахтенным и стараться занять людей подвахтенных во время

О. Е. Коцебу на корабле «Рюрик» в 1815—1818 гг. Коцебу взял в плавание также прибор для получения искусственного льда и прибор по возгонке морской воды, незадолго перед тем изобретенные (см. О. Коцебу. Путешествие в Южный океан и Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода в 1815, 1816, 1817 и 1818 гг. на корабле «Рюрик», СПб, 1821 г., ч. I)

¹ Центральный исторический архив (ЦИА), ф. 853, Булдаков М. М., ед. хр. 74, «Журнал приказов капитана Крузенштерна команде судов «Надежда» и «Нева».

Впоследствии приказ послужил основанием для целого трактата И. Ф. Крузенштерна «О сохранении здоровья матросов на кораблях» (Записки Ученого комитета морского министерства, ч. XIV, 1838 г., стр. 187—214).

дня таким образом, чтоб ни одному не оставалось времени для сна, а ночью их не тревожить без самаважнейших обстоятельств»¹. Из этого же документа видно, что на «Неве» матросы, так же, как и офицеры, стояли на три вахты, тогда как на других кораблях матросы стояли на две вахты, что приводило к истощению организма и к заболеваниям.

Кроме привезенных Лисянским противоцынготных средств, во время стоянок производились обязательные сборы диких растений: дикого лука, сараны, макарши, черемши, разных ягод, хвои можжевеловой, сосновой, еловой и т. д.

На стоянках возобновлялись запасы свежего мяса, овощей, фруктов, вина и т. п. Пищевой рацион устанавливался в зависимости от климата и здоровья команды. В сырых климатах производилась топка печей, частое вентилирование и окуривание помещений и другие санитарно-профилактические меры, способствующие укреплению здоровья матросов. Командиры кораблей проявляли большую заботу об отдыхе экипажа, особенно после многодневных штормов, с которыми им не раз приходилось бороться. Работа во время стоянок была организована так, что ежедневно часть команды сходила на берег.

Все это понуждало мореплавателей того времени серьезно и долго готовиться к дальним плаваниям, так как от состояния корабля, выучки личного состава и снаряжения зависел не только успех предприятия, но и жизнь самих моряков.

Надо отметить, что первое русское кругосветное плавание снаряжалось с большой тщательностью и долго служило примером для кораблей, отправлявшихся в дальние плавания. Известный русский гидрограф Н. А. Ивашицев писал в 1849 г.: «... И теперь еще, когда уже многое по части мореплавания и морской гигиены усовершенствовано, путешествие капитанов Крузенштерна и Лисянского может служить примером во всех отношениях»².

7 августа 1802 г. капитан-лейтенант Иван Федорович Крузенштерн был назначен начальником первой русской

¹ ЦВММ, «Журнал корабля «Нева» 1803—1806 гг.», № 9170-8/1938, л. 10.

² Н. А. Ивашицев. Русские кругосветные путешествия, Зап. Гидр. Деп. Морского министерства, ч. VII, СПб, 1849 г.

кругосветной экспедиции. Экспедицию думали отправить в том же году, но «кораблей на такой конец годных,— пишет Крузенштерн,— не только совсем не было, но и сыскать их в России нельзя»¹.

Директора Компании решили отправить все грузы в Гамбург и там купить нужные корабли. Крузенштерн не согласился с этим решением. «Но как надлежало в таком случае весьма спешить и покупкою и нагрузкою кораблей, и при всем том нельзя было отправиться прежде октября или ноября, то счел я за необходимо нужное представить о всех вредных последствиях, какие могут произойти от позднего отправления и поспешной покупки кораблей, от благонадежности которых должен зависеть успех Экспедиции, тем более, что я имел намерение идти около мыса Горна, к которому по выходе из Гамбурга в октябре или ноябре месяца следовало придти в самое худое время года»². Возражение Крузенштерна было учтено, и экспедиция отложена до следующего лета. Выбор начальника другого корабля и всего личного состава экспедиции был предоставлен Крузенштерну. Начальником другого корабля Крузенштерн пригласил капитан-лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, как «человека беспристрастного, послушного, усердного к общей пользе»..., «имевшего как о морях, по коим нам плыть надлежало, так и о морской астрономии в нынешнем усовершенствованном состоянии достаточные познания»³.

Казалось, что назначение Крузенштерна начальником всей экспедиции могло послужить причиной для возможных недоразумений между командирами, так как они были в одинаковых чинах и Лисянский имел даже бóльший стаж. В действительности ничего подобного не произошло. Вот что пишет по этому поводу Лисянский: «Долговременное мое с сим отличных дарований человеком знакомство, прежнее путешествие наше в Америку и в Восточную Индию, а наипаче желание быть полезным отечеству при столь важном случае, были причиною, что я, не взирая на старшинство своей службы, с великою охотою согласился совершить сие толико отдаленное путешествие под его начальством, с тем однако ж, чтобы мне самому позволе-

¹ И Ф. Крузенштерн, ч. 1, стр. 2.

² Там же.

³ Там же, стр. 3.

но было избрать для корабля, управлению моему вверенного, чиновников и морских служителей по собственному моему усмотрению»¹.

Вместе с корабельным мастером Разумовым 24 сентября 1802 г. Лисянский выехал в Гамбург для приобретения кораблей. Оказалось, что в Гамбурге приобрести нужные корабли невозможно. Тогда Лисянский, не теряя времени, поспешил в Лондон, но и там купить их было нелегко. Наконец, в Петербурге было получено известие о покупке двух небольших кораблей, один назывался «Леандр», шестнадцатипушечный, водоизмещением в 450 тонн, другой—«Темза», четырнадцатипушечный, водоизмещением в 370 тонн. Корабли были переименованы: первый назвали «Надеждой», второй—«Невой». В январе 1803 г. Крузенштерн приехал из Ревеля в Петербург, чтобы лично руководить подготовкой экспедиции.

Так как посольство, возглавляемое камергером Н. П. Резановым², должно было задержать экспедицию, правительство приняло один корабль на свое полное содержание, предоставив право Российско-Американской компании нагрузить его своими товарами. Компания получила от правительства заем в 250 тысяч рублей, все товары ей отпускались по государственным ценам. За счет государства экспедицию укомплектовали офицерским составом, а также научным и медицинским персоналом. Экспедиция вызвала к жизни еще одно посольство в Китай, возглавляемое графом Головкиным³.

¹ Ю. Ф. Лисянский, Путешествие вокруг света в 1803—1806 годах на корабле «Нева», СПб, 1812 г., ч. I, стр. 3—4.

² Действительный статский советник Николай Петрович Резанов (1764—1807) был одним из учредителей Российско-Американской компании. Некоторое время он являлся правителем канцелярии Г. Р. Державина. В 1797 г. Резанов был назначен обер-секретарем Сената. Он был женат на дочери Г. И. Шелехова, крупного деятеля русской колонизации на северо-западе Америки. Тесно связанный с интересами русских колоний, Резанов в 1795 г. подал прошение на высочайшее имя об учреждении Российско-Американской компании. В 1803 г. в звании камергера он был назначен посланником в Японию с целью завязать торговые сношения с этой страной. Эта задача не была выполнена. 5 июня 1805 г. Резанов оставил корабль «Надежду» и остался в Русской Америке для управления колониями. Скончался 1 марта 1807 г. в Красноярске при возвращении из Камчатки в Петербург.

³ В. Н. Баснин. О посольстве в Китай гр. Головкина. Чтения в Общ. истории древн. Рос., 1875 г., № 4, стр. 1—103.

Таким образом, первое русское кругосветное плавание приобрело характер государственной экспедиции с широкими политическими задачами. Во время подготовки экспедиции ее руководителям была дана масса разнообразных поручений экономического, политического, научного характера.

Экспедиции и ее участникам посвящались статьи в газетах и журналах. Известия о ней проникли за границу. «Российско-Американская компания, — сообщали «Гамбургские Ведомости» (№ 137, 1802 г.), — ревностно печется о распространении своей торговли, которая со временем будет для России весьма полезна, и теперь занимается великим предприятием, важным не только для коммерции, но и для чести русского народа, а именно, она снаряжает два корабля, которые нагрузятся в Петербурге съестными припасами, якорями, канатами, парусами и пр., и должны плыть к северо-западным берегам Америки, чтобы снабдить сими потребностями русские колонии на Алеутских островах, нагрузиться там мехами, обменять их в Китае на товары его, завести на Урупе, одном из Курильских островов, колонии для удобнейшей торговли с Японией, итти оттуда к мысу Доброй Надежды, и возвратиться в Европу. На сих кораблях будут только русские. Император одобрил план, приказал выбрать лучших флотских офицеров и матросов для успеха сей экспедиции, которая будет первым путешествием русских вокруг света. Начальство поручается господину Крузенштерну, весьма искусному офицеру, который долго был в Ост-Индии»¹.

Отправление посольства вызвало изменение проекта экспедиции. Кораблям необходимо было разлучиться в Тихом океане у Сандвичевых (Гавайских) островов, откуда «Надежда» должна была итти с посольством в Японию, в порт Нагасаки, а затем на Камчатку, а «Нева» — к берегам северо-западной Америки.

5 июня 1803 г. купленные Лисянским корабли прибыли в Кронштадт². Несмотря на то, что на починку их

¹ См. «Вестник Европы», 1802 г., № 5, стр. 146. Выписка из газеты «Гамбургские Ведомости» — «О кругосветном путешествии русских».

² Крузенштерн пишет, что за корабли было заплачено 17 тысяч фунтов стерлингов (ч. I, стр. 3), а в статье «Русское посольство в Японию в начале XIX века» сообщается, что корабли куплены за 25 тысяч фунтов стерлингов (См. «Русская Старина», 1895 г., кн. 7, стр. 126).

в Лондоне было затрачено 5 тысяч фунтов стерлингов, на «Надежде» пришлось сменить две мачты и весь такелаж. Во время плавания оба судна также неоднократно приходилось ремонтировать.

Лисянский привез астрономические и физические инструменты: хронометры, барометры, гигрометры, термометры и др. Кроме того, астроном Горнер приобрел для экспедиции телескоп, дорожный барометр, электрометр и термометр Сикса (максимально-минимальный) для измерения глубинных температур морской воды. Для этой же цели адмиралом Павлом Васильевичем Чичаговым была доставлена на «Надежду» Гельсова машина, изобретенная русским мастером Шишориным. Крузенштерн захватил в плавание большое количество карт и морских книг.

Провизия была заготовлена в большом количестве и самая лучшая. Белые сухари не испортились в течение двух лет, а петербургская и гамбургская солонина выдержала все путешествие. Масла взяли немного, так как оно в тропиках быстро портится.

Из противоцинготных средств закупили большое количество сахара, чаю, клюквенного соку, кислой капусты, сушеных дрожжей, горчицы, лука, солодового и елового экстракта и лучших лекарств того времени. Вся команда была снабжена хорошей одеждой.

Груз Российско-Американской компании состоял из железа, якорей, парусины, канатов, пушек, пороху, свинца, ружей, пистолетов, сабель, медной посуды, муки, вина, водки, табаку, кофе, чаю, сахару и др.—всего на сумму более 600 тысяч рублей.

Компания так загрузила корабли, что девятимесячный запас продовольствия для команды пришлось оставить перед самым отходом. Перегрузка была опасна для кораблей, а теснота вредна для здоровья команды. 10 июля особым рапортом Крузенштерну Лисянский потребовал списания за отсутствием места на корабле «всех компанейских людей», а кроме того, художника В. П. Причетникова и иеромонаха Гедеона¹.

Со своей стороны Крузенштерн о перегрузке судов сообщил Румянцеву, и 2 августа Румянцев, вместе с товарищем министра морских сил Чичаговым и послом Реза-

¹ Центральный исторический архив (ЦИА), ф. 583, Булдакова М. М., письма.

... ..

О. Е. Коцебу

новым, прибыли на корабли. Было сокращено пятнадцать человек.

6 июля корабли были выведены на Кронштадтский рейд, где из-за встречных западных ветров задержались до августа. Для научных наблюдений правление Компании думало послать с экспедицией двух студентов¹, но Крузенштерн просил министра Румянцева пригласить для участия в экспедиции опытного астронома, так как специалисты-астрономы тогда редко посещали южное полушарие Земли. Румянцев согласился с просьбой Крузенштерна, и только тогда был приглашен астроном Горнер, швейцарец по национальности.

Еще осенью 1802 г. для участия в экспедиции был приглашен ботаник, адъюнкт Петербургской Академии наук доктор В. Г. Тилезиус-фон-Тиленау² из Лейпцига, который присоединился к экспедиции вместе с естествоиспытателем.

¹ ЦГАНХ, ф. Главного правления Российско-Американской компании, д. I, т. I.

² Вильгельм-Готлиб Тилезиус-фон-Тиленау (1769—1857), естествоиспытатель, адъюнкт Петербургской Академии наук, родился в Тюрингии. В 1797 г. получил степень доктора философии Лейпцигского университета, где изучал также медицину. Во время русской кругосветной экспедиции вел наблюдения преимущественно по зоологии. Результатом этих исследований явился ряд работ, напечатанных в изданиях Академии наук. Они посвящены, главным образом, кишечнополостным, иглокожим и рыбам. С 1809 по 1826 г. нет почти ни одного тома академических *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg*, в котором отсутствовало бы какое-нибудь исследование Тилезиуса. Большая часть работ основана на материалах, собранных во время кругосветного плавания: «Новый вид гигантской камчатской актинии», «Рыбы Камчатки «терпуг» и «вахня», «Раки Камчатки», «Самый маленький в мире вулкан» и др. Основной труд В. Г. Тилезиуса, изданный в Петербурге в 1813 г., озаглавлен: «*Naturhistorische Früchte der ersten kaiserlich-russischen unter dem Kommando des Herr von Krusenstern glücklich vollbrachten Erdumseglung: 1. Ueber die Seeblasen; 2. Bemerkungen über den Jocko oder Ogang—Outang*» и др. В Архиве Академии наук в Ленинграде (разряд IV, т. I, № 800) хранится «Дневник путешествия Тилезиуса вокруг света». Рукопись содержит 67 разрозненных листов. В ней с большими пробелами изложен ход экспедиции и научные наблюдения над морскими животными на отрезке пути от Кронштадта до Вашингтоновых островов. В сравнении с трудами Крузенштерна, Лисянского, Лангсдорфа и других участников экспедиции, «Дневник» Тилезиуса не представляет никакой ценности. Заслуга Тилезиуса состоит в том, что он во время путешествия сделал много прекрасных зарисовок, которые изданы Крузенштерном в 1813 г. вместе с собранием карт под названием: «Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна», СПб, 1813 г.

телем Г. Х. Лангсдорфом¹, явившимся к Крузенштерну в Копенгаген. В России тогда было немало выдающихся ученых, но правящие круги им не доверяли и слепо преклонялись перед всем иностранным.

Из медицинского персонала на «Надежде» находился доктор медицины Карл Эспенберг и его помощник подлекарь Иван Сигдам, а на «Неве» — доктор Мария Либанд и доктор медицины и ботаники Брыкин, открывший на о. Тенерифе ряд неизвестных до этого растений.

Всероссийская академия художеств назначила в экспедицию двух живописцев, из которых один — Василий Петрович Причетников — из-за недостатка места не был взят, а другой — Степан Курляндцев — покинул корабль «Надежда» на Камчатке и через Сибирь вернулся в Петербург.

Особенно внимательно Крузенштерн подбирал морских офицеров. Состав команды и офицеров выделен был из

¹ Доктор медицины Георг Лангсдорф (1774—1852) 25 июня 1805 года в Петrspавловске-на-Камчатке перешел на корабль Компании «Мария», с которым направился для исследования Северо-Западной Америки, а затем сухим путем через Сибирь вернулся в Петербург. После возвращения из путешествия был избран адъюнктом Русской Академии наук по ботанике, а затем ординарным академиком по зоологии. В 1812 г. в Германии он издал двухтомное описание русского кругосветного путешествия под названием: «*Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 bis 1807, Frankfurt am Main, 1812*». Этот труд в настоящее время переводится на русский язык. Другая работа Лангсдорфа, написанная по материалам, собранным во время русской кругосветной экспедиции, называется «*Plantes recueillies pendant le voyage des Russes autour du monde par Langsdorf et Fischer, Tubingen, 1810—1818*». В 1812 г. Лангсдорф был назначен генеральным российским консулом в Бразилии, где зарекомендовал себя как замечательный исследователь природы. В течение 1821—1829 гг. академик Лангсдорф произвел обширное исследование в Бразилии и собрал громадные естественно-исторические и этнографические коллекции, хранящиеся в музеях Академии наук.

В 1830 г. он вернулся в Европу и поселился в г. Фрейбурге, где и умер. Смерть помешала путешественнику опубликовать результаты его исследований. О них мы узнали только после русской экспедиции в Бразилию в 1914—1915 гг., в которой участвовали Г. Г. Манзер, И. Д. Стрельников и др. Манзер составил биографию Лангсдорфа и описание его путешествия по Бразилии. [См. Г. Г. Манзер, Экспедиция Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1828), Географгиз, 1948 г.]. Деятельность Г. И. Лангсдорфа на протяжении всей его жизни была неразрывно связана с русской наукой и заслуги его полностью принадлежат России.

кадров военно-морского флота и продолжал числиться в списках военного флота в течение всей экспедиции.

На «Надежду» были приглашены офицеры: Ратманов Макар, старший лейтенант, участник многочисленных морских сражений на Балтийском, Черном и Адриатическом морях, до экспедиции в течение десяти лет бывший командиром военного судна; Ромберг Федор, лейтенант, служивший в 1801 г. под командой Крузенштерна на фрегате «Нарва»; Головачев Петр, лейтенант; Левенштерн Ермолай, лейтенант, находившийся перед экспедицией 6 лет в Англии и Средиземном море под командой адмиралов Ханыкова, Ушакова и Карцева; Беллинсгаузен, Фаддей Фаддеевич, мичман, во время путешествия был произведен в лейтенанты. В 1819—1822 гг. Беллинсгаузен стал начальником русской кругосветной экспедиции, открывшей шестую часть света—Антарктиду, впоследствии адмирал—главный комендант Кронштадтского порта.

Были также взяты по просьбе известного писателя Августа Коцебу его сыновья, Мориц и Отто Коцебу. Отто Коцебу в 1815—1818 и 1823—1826 гг. возглавлял две русские кругосветные экспедиции на кораблях «Рюрик» и «Предприятие». На «Надежде» находились и свита посла (семь человек), составленная из богатых дворян, и приказчик Российско-Американской компании Федор Шемелин, издавший в 1816 г. описание кругосветного путешествия¹. Кроме того, на «Надежде» находились шесть пассажиров, едущих в колонии, и пять японцев, которых с посольством возвращали на родину.

На корабле «Нева», кроме Лисянского, находились офицеры: лейтенанты Павел Арбузов и Петр Повалишин, мичманы Федор Коведяев и Василий Берх (впоследствии известный историк русского флота, который умер в 1834 г. в чине полковника—начальника отдела в Гидрографическом департаменте). Из посольской свиты на «Неве» находился иеромонах Гедеон и приказчик Российско-Американской компании Николай Коробицын, записки которого были изданы в 1944 г.².

¹ Ф. Шемелин. Журнал первого путешествия Россиян вокруг земного шара, СПб, 1816 г.

² Записки приказчика Российско-Американской компании Н. И. Коробицына Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв., Сборник материалов под ред. А. И. Андреева. Изд. Акад. наук, М.—Л., 1944 г.

Всего на «Надежде» находилось 76 человек, а на «Неве»—53 человека¹.

Крузенштерну советовали нанять нескольких английских офицеров и матросов, но он отказался. Впоследствии он писал: «Известно, что наши матросы сугь лучшие в свете, когда имеют случай посвятить себя единственно исполнению своего звания»².

Как писал Крузенштерн, помимо двух естествоиспытателей, астронома и врача, «на обоих кораблях в путешествии нашем ни одного иностранца не было»³.

Страсть к путешествиям у русских людей оказалась столь велика, что если бы принимали всех желающих, то укомплектовали бы не два корабля, а целую эскадру.

7 августа 1803 г., ровно через 100 лет после основания Петром Петербурга и Кронштадта, корабли снялись с якоря.

Очевидцы писали, что весь Петербург был приведен в движение известием об отплытии первой русской экспедиции вокруг света. Жители толпами двигались в Кронштадт⁴.

Историк Карамзин писал об экспедиции и об отношении к ней различных кругов русского общества: «Англоманы и галломаны, что желают называться космополитами, думают, что русские должны торговать на месте. Петр думал иначе—он был русским в душе и патриотом. Мы стоим на земле и на земле русской, смотрим на свет не в очки систематиков, а своими природными глазами, нам нужно и развитие флота и промышленности, предприимчивость и дерзание»⁵. В «Вестнике Европы» Карамзин печатал письма офицеров, ушедших в плавание, и вся Россия с трепетом ждала этих известий.

¹ В описании путешествия Крузенштерном и Лисянским перечислены не только фамилии офицеров, но также помещены и списки матросов. Крузенштерн по этому поводу писал: «Я поставляю обязанностью поместить здесь не только имена офицеров, но и служителей, которые все добровольно первое сие столь далекое путешествие предприняли» (И. Ф. Крузенштерн, ч. I, глава I). Крузенштерн выхлопотал матросам жалованье: 120 рублей в год. В те времена, когда на корабли набирали матросов из крепостных, это был первый и совершенно исключительный случай.

² И. Крузенштерн. Введение к книге Коцебу О. Е. «Путешествие в Южный океан ... на корабле «Рюрик», ч. I, СПб, 1821 г.

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 19.

⁴ «Русский Инвалид», № 30, 1839 г.

⁵ «Вестник Европы», 1803 г., июнь, стр. 167—171.

СОВМЕСТНОЕ ПЛАВАНИЕ КОРАБЛЕЙ «НАДЕЖДА» И «НЕВА»

ПЛАВАНИЕ ИЗ РОССИИ В АНГЛИЮ

7 августа¹ 1803 г., в 10 часов утра² «Надежда» и «Нева» подняли паруса. День был прекрасный и теплый, но неожиданно погода переменилась, подул западный ветер и до 10 августа корабли принуждены были лавировать вблизи острова Гогланд.

12 августа миновали мыс Дагерорт³ и на следующий день вышли из Финского залива. Потянулись однообразные дни. Отправляли службу, производили морские учения, все по расписанию и по свистку вахтенного. Каждому матросу в сутки было положено по одному фунту говядины, столько же сухарей и по чарке водки⁴. Кроме того, по одному фунту масла в неделю и соразмерное количество уксусу, горчицы и крупы. За обедом и за ужином давали одно блюдо: кислые щи со свежим мясом, с солониной или с рыбой или кашницу с большой порцией русского масла.

17 августа суда прибыли на Копенгагенский рейд. Нужно было перегрузить корабли, чтобы принять

¹ Стиль новый, как и всюду ниже.

² В начале XIX столетия у моряков было принято астрономическое счисление: сутки считались с полудня предыдущего дня; в настоящей работе даты приводятся по обычному, гражданскому счислению.

³ Дагерорт—маяк, стоит на полуострове того же названия (остров Хиума—Даго).

⁴ Тем, кто не пил, ежемесячно уплачивалось по девять копеек за каждую невыпитую чарку.

груз для Российско-Американских колоний, заготовленный в Гамбурге.

За время стоянки моряки осмотрели город и его окрестности. «Город Копенгаген,—пишет Коробицын,—есть датская столица, местоположение имеет посредственной возвышенности, находится на острове Вепе при Зунте между Балтикой и Каттегатом. Стросние города генерально каменные, дома большей частью 3-х или 4-х этажные, но не обширны. Улицы во оном весьма узкие»¹.

В Копенгагенской обсерватории поверяли хронометры. Обсерватория эта основана учеником известного астронома Тихо Браге Христианом Лонгомонтаном² на двадцать лет раньше Парижской и Гринвичской. Моряки осмотрели также обширное адмиралтейство, военный порт, арсенал и судостроительные верфи.

В Копенгагене к экспедиции присоединились иностранные ученые: астроном Горнер и натуралист Тилезиус-фон-Тиленау, а также естествоиспытатель Лангсдорф.

8 сентября, в 6 часов вечера, вышли из Копенгагена. Через пролив Каттегат шли при туманной и непостоянной погоде. 18 сентября, в 1 час ночи, в Скагерраке разразился шторм. Шквал налетал за шквалом, и стало так темно, что в нескольких шагах нельзя было видеть друг друга.

Удары волн, разбивающихся о борта, которые стонали и скрипели, свист снастей, крики людей производили оглушающие звуки, приводившие в трепет. «Нам казалось, что все страшилища со всего света стеклись сюда пугать нас»³. Корабль наклоняло до такой степени, что, казалось, он потеряет равновесие и перевернется вверх килем. Бортами черпали воду, и в кают-компании бродили по колено в воде.

Волны беспрестанно обливали палубу и уносили с собою все, что не было прикреплено. Никто не мог удержаться на ногах, не ухватившись за что-нибудь. Многие

¹ Записки приказчика Российско-Американской компании Н. И. Коробицына. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв. Сборник материалов под редакцией А. И. Андреева. Изд. Акад. наук, М.—Л., 1944 г., стр. 134.

² Датский астроном Христиан Северин, прозванный Longomontanus (1561—1647), был любимым учеником и помощником Тихо Браге.

³ Ф. Шемелн. Журнал первого путешествия Россиян вокруг земного шара, ч. I, СПб., 1816 г., стр. 12.

корабли в эту бурную ночь остались без мачт. Но экипаж «Надежды» и «Невы» с честью выдержал это первое сражение с разъяренной стихией.

«По первому же мне случаю бытности моей в море, — пишет Коробицын, — при столь жестоком ветре, искусство в мореплавании командующего и офицеров, равно проворство и неутомимость наших матросов в исправлении своей должности, мне по новости казалось удивительным»¹. Во время шторма «Надежда» и «Нева» разлучились.

19 сентября у южной оконечности Норвегии с корабля «Надежда» наблюдали северное сияние. На небе появилась светлая дуга с висящими под ней отвесно огненными столбами, сквозь которые можно было видеть звезды второй величины.

Путь по Северному морю проходил при переменных ветрах с дождливою погодою. Плыть приходилось осторожно, так как в Дании не удалось взять лоцмана. Северное, или Немецкое, море в то время моряки считали опаснейшим. Берега его усеяны мелями, морские течения были плохо изучены, а условия погоды не позволяли определять место корабля астрономическими наблюдениями так часто, как требовала безопасность плавания.

В Северном море Крузенштерн сделал первый опыт по определению глубинных температур воды при помощи Гельсовой машины. Этот опыт был поставлен лишь с предельным опусканием термометра на глубину 24 сажень (44 м)².

Разница в показаниях температуры поверхностного слоя воды и взятого для исследования оказалась незначительной.

Ветер благоприятствовал плаванию Английским каналом. Погода стояла ясная и между портами Дувр и Кале видны были одновременно английские и французские берега.

26 сентября, в 4 часа дня, прошли Гринвичский меридиан и через два дня бросили якорь в гавани города Фальмут в графстве Корнваллис (Корноул), где соединились с кораблем «Нева», пришедшим сюда двумя днями раньше.

¹ Н. И. Коробицын, «Записки», стр. 137.

² На море Крузенштерн и Лисянский употребляли морские сажени 6-футовые (1,88 м), а на суше — русские сажени.

В Фальмуте «Надежду» конопатили, так как после шторма в Скагерраке в судне открылась течь. Только мужество и искусство офицеров и матросов спасли ее от неминуемой гибели. «...Я весьма радовался,—пишет Лисянский,—что г. Крузенштерн нашел своих матросов также искусными и расторопными, каковы были наши. Следовательно, нам ничего более не оставалось желать, как токмо обыкновенного счастья мореходцев для совершения своего предприятия»¹.

Яркую картину города Фальмут рисует купец Шемелин: «Домы с одной стороны улицы, по причине малого пространства, примкнуты задами к самой горе, а с другой—вдоль по берегу. Половина всякого дому поставлена на землю, а другая в воде, так, что во время морского прилива вода поднимается до третьей части стен сих домов; и ежели в то время смотреть из залива на город, то представляется оный как будто весь стоит на воде»².

Переулки были настолько узки, что по ним могли ходить только пешеходы. Жители города испытывали недостаток даже в пресной воде. «По неудобности же местоположением города в пресной воде имеет недостаток, почему находящиеся внутри города колодези всегда бывают заперты, почему во воном городе, кроме трактиров, в случающиеся жары для утоления жажды воды отыскать негде»³.

Промышленности в городе не было, и все товары привозились из Лондона.

Рыбная ловля и работа на приходящих кораблях были единственными средствами к жизни для населения города. Окрестности Фальмута отличались пустынностью, сухостью и неплодородностью. Горы и дикий камень. Пашни попадались редко, вместо садов росли одни кустарники. Скотоводство также не было развито. Но в недрах земли находились большие сокровища: цинк, мышьяковистая медная руда, а также некоторое количество каменного угля и серебра. Рядом с Фальмутом находилась деревня Менакан, от которой происходит название менаканит, или титановый песок⁴.

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 14.

² Ф. Шемелин, ч. I, СПб, 1816 г., стр. 22.

³ Н. И. Коробицын, «Записки», стр. 139.

⁴ Графство Корнвалис, расположенное в юго-западной части острова Великобритании, славилось богатствами своих недр,

Крузенштерн отмечает бедственное состояние горняков по сравнению со всеми другими слоями населения.

СТОЯНКА У ОСТРОВА ТЕНЕРИФ

5 октября корабли вышли из Фальмута в Атлантический океан. Дул свежий ветер. Корабли шли быстро, и английские берега скоро скрылись из виду. Ночь была светлая, совершенно безоблачная, последняя у европейских берегов. Перемена в температуре воздуха была очень чувствительна; в течение 24 часов температура повысилась на 4° С. Крузенштерн предполагал идти к острову Мадейра и там сделать остановку для закупки вин и свежей провизии, но, не желая терять попутный ветер, решил направиться прямо к Канарским островам, тем более что продукты там изобильнее и дешевле.

Дул резкий южный ветер. Погода сделалась сырой, и на кораблях появились желтоватые ржавые пятна, превратившиеся потом в сизо-черные, распространявшие отвратительный запах. На нижней палубе поставили жаровни с горящими углями и всюду опрыскивали корабль горячим уксусом. «Таковое средство в холодных и сырых климатах гораздо полезнее частого мытья, которое не имея способу просохнуть рождает болезнь, а потому должно быть употребляемо токмо в сухую и ясную погоду»¹. Приходилось бороться и с другим неприятным явлением. Вода, натекая в корабль, плесневела, испускала несносный запах, вызывающий тошноту и головную боль.

Чтобы предохранить экипаж от болезни, дважды в неделю наливали в интрьом² свежую морскую воду, а затем выкачивали ее насосами.

Каждый вечер наблюдали свечение моря. Местами казалось, что вода состояла из одних огненных искр. 10 октября возле Гибралтара появилось множество небольших птичек, которые, повидимому, были отнесены от берегов юго-восточными ветрами. Птицы позволяли людям брать себя руками и служили лакомством для корабельных

которые частично были известны уже в то время. Особенной известностью пользовались медные рудники, описанные Лисянским. Впоследствии ископаемые богатства были сильно истощены, и их роль в общей экономике Англии сейчас незначительна.

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, 1812 г., стр. 20.

² В прежнее время интрьомом назывался трюм.

кошек. Вокруг корабля играли дельфины (*Delphinus delphis*), достигающие четырех метров в длину.

В тот же день, в 8 часов вечера, на $37^{\circ}40'$ с. ш. и $14^{\circ}5'$ з. д. наблюдали появление кометы.

При пересечении «Надеждой» широты Гибралтарского пролива Крузенштерн отметил морское течение, имеющее направление к востоку. Происхождение течения он объясняет «стремлением воды из океана в пролив Гибралтарский»¹.

С этим заключением невозможно согласиться, так как на 14° з. д. гибралтарское течение не ощущается. В наше время почти все мореплаватели при прохождении широты Гибралтара отмечают SO или OSO течение, которое является юго-восточным ответвлением Атлантического течения и называется Северо-африканским, или Канарским². При следовании кораблей вдоль Марокканских берегов моряки зарядили все пушки, «поелику в сих местах алжирцы и другие морские наездники не редко нападают на суда»³.

13 октября в тихую погоду астроном Горнер и естествоиспытатель Лангсдорф на шлюпке производили измерения глубинной температуры воды посредством Гельсовой машины.

18 октября, в 5 часов дня, с марса увидели принадлежащие Португалии совершенно изолированные утесы, носящие название Сальважи. На рассвете следующего дня показалась сверкающая над облаками, покрытая снегом вершина горы Пико де Тейде (*Pico de Teydos*), имеющая вид конуса наподобие сахарной головы. Это — вулкан расположенный в южной части гористого с утесистыми берегами острова Тенерифа, одного из группы Канарских островов.

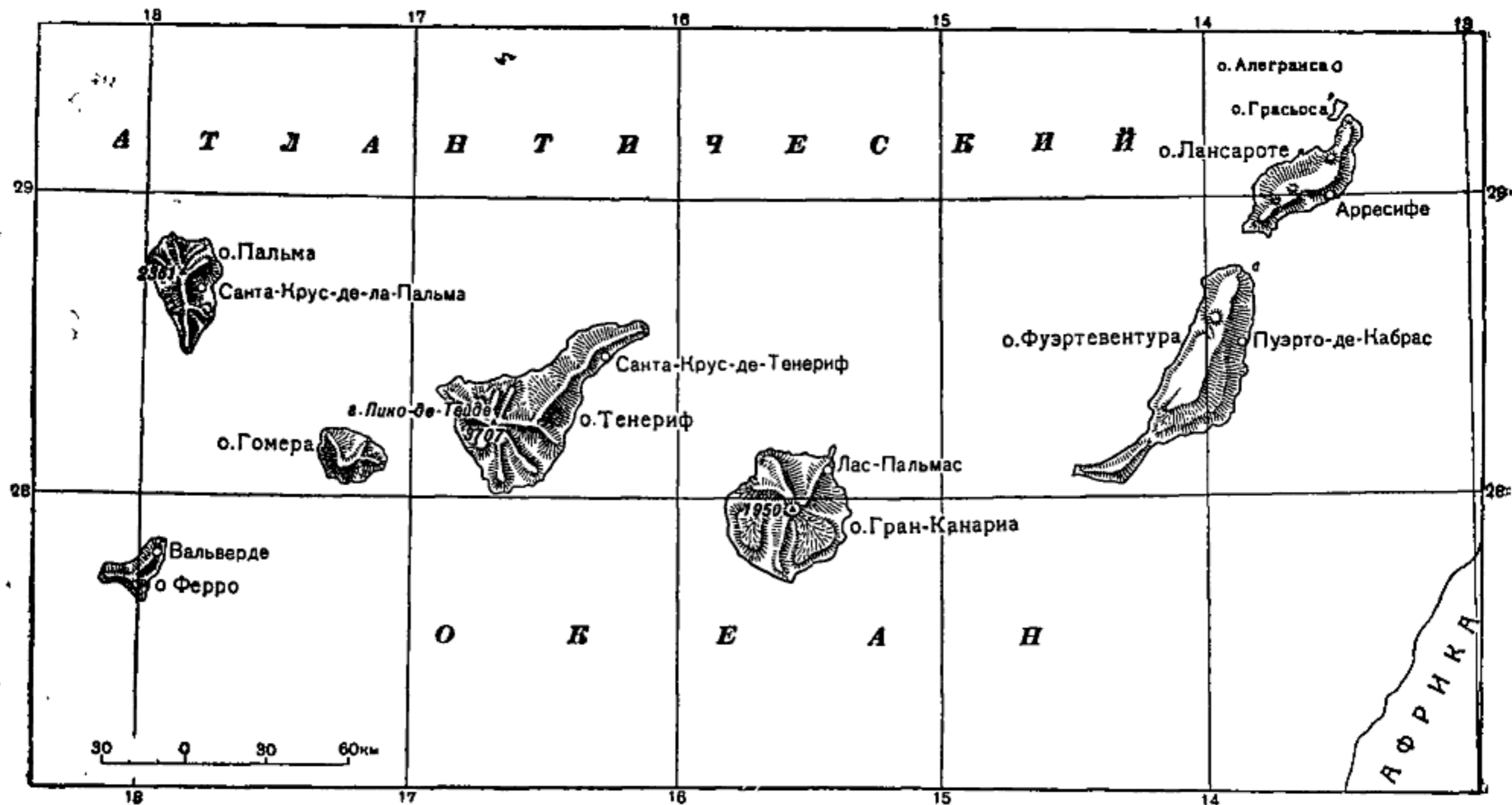
Офицер «Надежды» Ромберг пишет, что русским кораблям удалось сделать удивительный для того времени переход. «Перуз тщеславится, что он в две недели перешел из Бреста до Мадейры и что мы сказать должны перешед в две ж недели но от Фальмута и до Тенерифа»⁴.

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 154.

² Ю. М. Шокальский, Океанография, 1917 г., стр. 499.

³ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 19.

⁴ «Письмо Федора Ромберга к друзьям 16 августа 1804 г. из Петропавловска на-Камчатке», РОЛГПБ, Собрание Титова, охр. № 791 (№ 2272), л.л. 35—38.

Современная карта Канарских островов

20 октября бросили якорь в гавани г. Санта Крус на северо-востоке острова Тенериф.

Ниже мы приводим описание острова, составленное по материалам участников русской экспедиции. Эти материалы для того времени имели значительный интерес.

Канарские острова впервые стали известны римлянам, которые называли их *Insulae Fortunatae* (Счастливые острова). Плиний производит современное название Канарских островов от *canis* (собака). Больших собак местной породы еще застали испанцы, посетившие острова в конце XIV столетия. В это время Канарские острова были заселены рослыми светлокожими людьми, которые называли себя гуанчи (люди). Они жили в пещерах, не знали употребления металлов и орудия выделывали из базальта и обсидиана. К началу XVII столетия испанцы истребили последние их семейства, поэтому едва ли когда-нибудь удастся восстановить их родословную¹.

Канарский архипелаг состоит из семи крупных островов: Гран-Канария, Лансароте, Фуертавентура, Тенериф, Гомера, Пальма и Хиеро (Ферро). Кроме перечисленных крупных островов, в архипелаге много мелких. Русские мореплаватели посетили только один остров Тенериф².

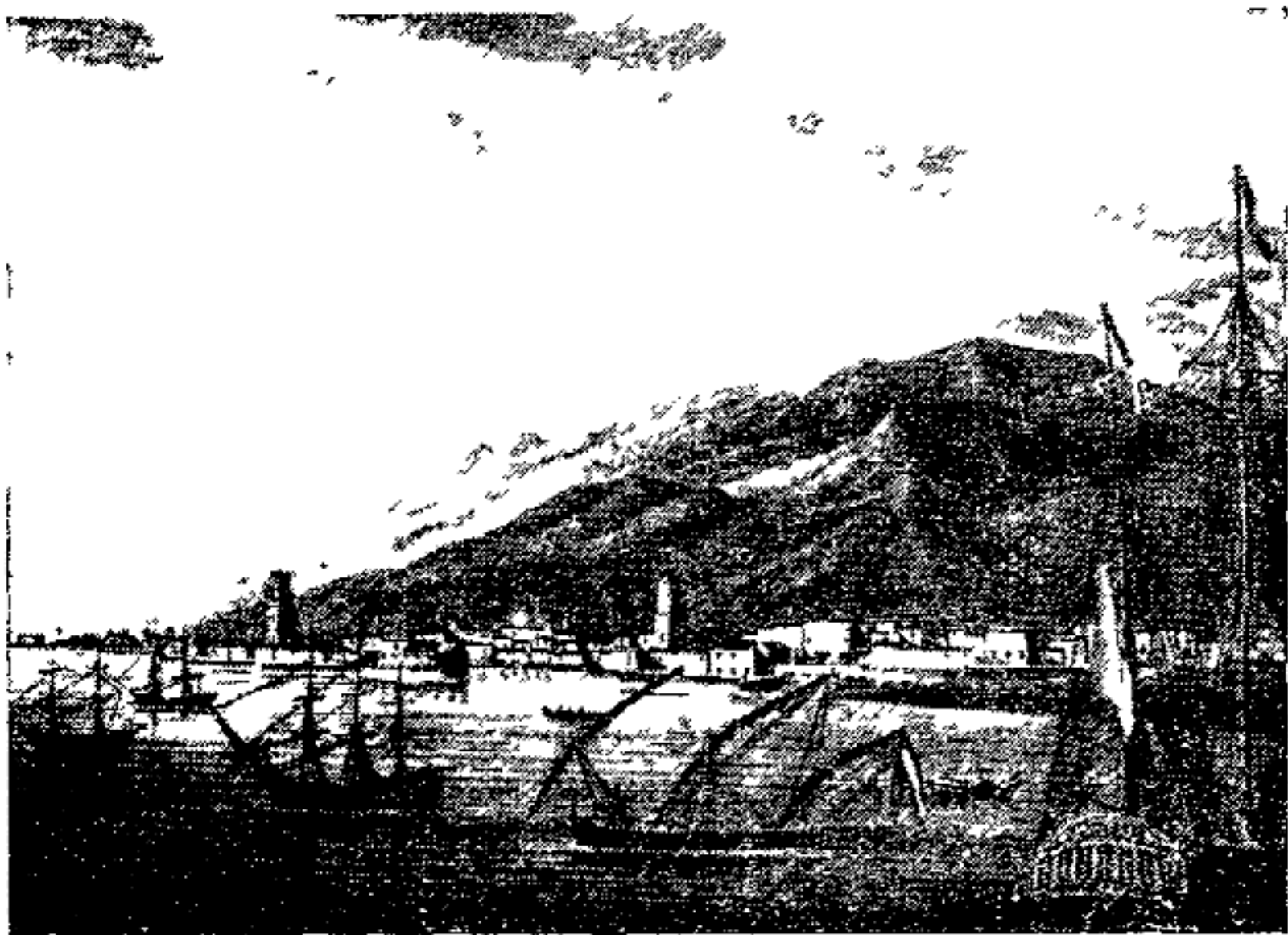
По описанию русских мореплавателей, берега острова Тенериф весьма высокие и неприступные, за исключением побережья у г. Санта Крус и г. Ортава.

Несмотря на то, что европейцы уже несколько веков жили на этом острове, Лисянскому пришлось исправлять его карту «Долгом себе поставляю заметить, что вид острова Тенерифа, со стороны северной, находящийся в Ост-Индском англинском Атласе, весьма не походит на действительный, а потому и прилагаю свой к карте земного шара»³. Русский мореплаватель О. Е. Коцебу во время плавания на «Рюрик» в 1815 г. также снял

¹ Повидимому, часть гуанчей смешалась с испанскими колонизаторами, у которых сохранились некоторые нравы и обычаи гуанчей (См. *Bernard. Geographie universelle, Afrique Septentrionale et Occidentale, part 11, t. XI, 1939, p. 389.*)

² Название острова произошло, повидимому, от имени последнего вождя гуанчей *Chiperfe*, или *Tiperfe*. См. Н. И. Березин. Географические имена, объяснение их в связи с историей открытий, вып. I, СПб, 1894 г., стр. 21.

³ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 29.

Вид г. Санта Крус на о. Тенериф

(Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна)

с карты несуществующую надводную скалу между островами Тенериф и Канария

Остров Тенериф состоит из крутых, почти неприступных гор. Западную часть острова занимает гора Пико-де-Тейде, а северо-восточную часть — голый, скалистый, зубчатый хребет. Они разделяются широким проходом, высоту которого занимает город Лагуна (550 м). На юго-восточной стороне этого прохода расположен г. Санта Крус, а на противоположном конце, у подножия Пика — гавань Ортава.

Город Санта Крус расположен в удобной бухте у подножия горы и с моря представляет прекрасный вид. Улицы широкие, с тротуарами, вымощенными чернобурой лавой. На берегу построены три крепости.

Крузенштерн в следующих словах рисует жизнь города: «Всеобщая бедность народа, в высочайшей степени разврат женского пола и толпы тучных монахов, шатающихся ночью по улицам для услаждения чувств своих, — суть такие отличия сего города, которые в иностранцах

возбуждают отвращение. Нигде в целом свете нельзя, может быть, найти более в содрогание приводящих предметов. Нищие обоего пола и всех возрастов, покрытые рубищами и носящие на себе знаки всех отвратительных болезней, наполняют улицы вместе с развратными женщинами и монахами... «Инквизиция господствует здесь равномерно, как и во всех владениях Гишпанских, и притом, по уверению многих, с великою строгостию. Она имеет главное свое пребывание на острове Канарии. Для человека, свободно мыслящего, ужасно жить в таком месте, где злость инквизиции и неограниченное самовластие губернатора действуют в полной силе, располагающей жизнью и смертью каждого гражданина»¹.

Ромберг пишет, что большую часть жителей г. Санта Крус составляли монахи, попы и монашенки, «почему вошед в город, как будто в монастырь какой—навстречу попадаются постные рожицы, укутанные черною фланелью, с притворною набожностью. Тут боялся каждый из нас, чтобы не попасть в инквизицию»².

21 октября Резанов, мичман Берх и ученые экспедиции вышли из г. Санта Крус и через горы направились к г. Лагуна. Дорога, идущая с горы на гору по слоям лавы, была так крута, что по ней с трудом могли продвигаться верховые лошади. Голая местность имела мало привлекательный вид. Изредка попадались исполинские, подобные столбам, молочаи, на скалах ютилась одичавшая здесь опунция (*Cactus oruntia*), образующая заросли высоких кустарников.

В тот же день к полудню путешественники прибыли в г. Лагуну—бывшую столицу острова Тенерифа. В городе было около ста домов, из них—пять монастырей. Монахи были удивительно необразованны и не знали даже историю своего монастыря. Библиотека состояла из нескольких церковных книг.

Город Лагуна расположен в голой долине с отдельными кустами кактуса и одиночными фиговыми и тутовыми деревьями, несмотря на то, что почвы, образовавшиеся здесь на продуктах выветривания лавы, чрезвычайно

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 56.

² «Письмо Федора Ромберга к друзьям». РОЛГПБ, Собр. Титова, охр. № 791.

плодородны. Всюду ощущался недостаток влаги. В 2 часа дня путешественники вышли из Лагуны.

Дорога была усыпана обломками лавы и иногда покрыта колючими растениями скал. На крутых склонах встречались гроты и пещеры, в которых, повидимому, жили когда-то гуанчи. Во многих пещерах лежали кости, иногда трупы, зашитые в бараньи шкуры. Резанов получил от губернатора в подарок одну такую мумию. 22 октября утром пришли в маленький городок Ортава, расположенный у подножия северного склона горы Пико-де-Тейде, тень которой защищает его от солнца в полуденные часы. Долина Ортавы представляет небольшую равнинную площадку, окруженную с трех сторон горами, достигающими 800 м высоты. В окрестностях города разведены обширные виноградники и насаждения финиковой пальмы (*Phoenix dactylifera*)¹. Вблизи города расположен прекрасный ботанический сад, имеющий около 3 тысяч видов растений, привезенных из Мексики, Чили, Перу и т. д. Он основан в 1795 г. Из местных растений при осмотре ботанического сада внимание мореплавателей привлекло гигантское драконово дерево (*Dracono draco*). Ему было не менее 6 тысяч лет. Толстый, неуклюжий ствол с наплывами и бороздами как бы подтверждал его древний возраст.

23 октября путешественники возвратились в г. Санта Крус другой дорогой². В описаниях путешествия Крузенштерн и Лисянский дают верную картину ландшафта прибрежной растительной зоны, которая простирается вокруг острова до высоты 700—800 м (в зависимости от экспозиции). Растительность здесь носит ксерофильный характер и напоминает африканскую степную и прибрежную растительность субтропического пояса. Ощущается сильный недостаток влаги, особенно в летние месяцы, когда дует северо-восточный пассат (от 2 до 3 месяцев абсолютная сухость).

¹ На Teneriffe произрастает также местная финиковая пальма (*Phoenix jubae*), но плоды ее несъедобны. (А. П. Ильинский. Растительность земного шара, 1937 г., стр. 265. См. также Вульф Е. В. Историческая география растений, 1944 г., стр. 122).

² Н. Нозиков (Русские кругосветные мореплавания, стр. 26), пишет, что ученые экспедиции собрали на Teneriffe и других Канарских островах большую коллекцию. Это замечание неправильное, так как ученые были только на одном острове Teneriffe.

Выше 700—800 м над ур. моря климат становится сыр¹. Нижняя часть этой зоны представлена вечнозелеными рощами атлантического лавра, близкого к средиземноморскому благородному лавру, но больших размеров, с примесью древовидного вереска (*Erica arborea*), достигающего 20 метров высоты. С высоты 1 000 м появляются сосновые боры. Выше пояса лесов располагается сухая, холодная нагорная пустыня (до 3 200 м). Участки голой почвы чередуются здесь с огромными безлистными кустами белого дрока (*Retama blanca*)². Кусты вырастают до 3,5 м высоты и до 6 м в диаметре. Они растут настолько редко друг от друга, что иногда этот ландшафт сравнивают со шкурой леопарда.

Вершина горы Пико-де-Тейде оголена. Шемелин пишет, что Пик—«высочайшая гора во вселенной»³. Крузенштерн считает высоту Пика 3 480 м, что почти соответствует современным определениям⁴.

В дневниках русских путешественников ярко отразились своеобразные представления, которые господствовали в науке того времени о вулканических извержениях. Шемелин сообщает, что гора Пик «изрыгала прежде вулканические извержения, но слишком уже сто лет, как совсем погасла, и ничего из себя, к спокойствию жителей, не извергает... Равнину или площадь на вершине ее полагают продолговато-круглою. Самый длинный поперешник во сто сорок, а в ширине сто десять сажень. По середине которой находится пропасть или жерло Пика, изрыгавшее прежде пламень»⁵.

Спутник Лисянского Коробицын пишет, что «прежде изрыгала гора огонь и со оным большие куски лавы»⁶.

¹ На склонах Пико-де-Тейде на этой высоте видно кольцо облаков, указывающее границу пассатов и антипассатов.

² Листья ретама появляются в мае, а в июне они засыхают.

³ Ф. Шемелин, ч. I, стр. 31.

⁴ Н. Нозиков (Русские кругосветные мореплаванья, стр. 24), неправильно пишет, что высота Пика равна 1 220 м. По современным данным, высота Пика равна 3 707 м. (См. G. Schott. Geographie des Atlantischen Ozeans, 1926, S. 64).

⁵ Ф. Шемелин (ч. I, стр. 31) имеет в виду извержение 1706 г., во время которого был разрушен г. Гварачико. Но сообщение его, что с тех пор вулкан совсем погас, ошибочно, так как последнее извержение Пика происходило за пять лет до прихода русских кораблей в 1798 г. (см. Ф. Ганн. Африка, 1903 г., стр. 561).

⁶ Н. И. Коробицын, «Записки», стр. 144.

Лаву он называет «перегарной землей». В этих описаниях нет ничего курьезного, так как в то время в науке господствовала теория, что вулканические извержения происходят от подземных пожаров. Известный русский минералог академик М. В. Севергин, в инструкции, данной естествоиспытателю Тилезиусу, в разделе «Об огнедышащих горах» рекомендует наблюдать: «Извергаются ли вещества смоляные, или подобные остаткам от сгорания каменных углей»¹.

Русские путешественники отмечают, что на острове Tenerif имеется много потухших вулканов.

Наличие действующих и потухших вулканов на многих Канарских островах подало повод впоследствии геологам и географам утверждать, что эти острова обязаны своим существованием подводным вулканическим извержениям. И в настоящее время еще имеются защитники этой теории, как, например, французский географ А. Бернард, который утверждает, что Канарские острова возникли вследствие вулканических извержений миоценового возраста².

Обнаруженные на Канарских островах гнейсы, глинистые сланцы и другие осадочные породы, залегающие в основании гор, дают право думать, что острова обладают не вулканической основой. Поэтому Шотт считает острова Азорские, Мадейру, Канарские и Зеленого мыса остатками затонувшего обширного континента (криптоокеанические острова), а вулканические части их—возникшими паразитически в позднейшие времена³. Этот затонувший гипотетический континент некоторые ученые стали отождествлять с платоновской Атлантидой.

В настоящее время академиком Л. С. Бергом было найдено единственно возможное решение вопроса об острове Атлантиде, который он помещает вблизи Балканского полуострова в области Эгейского моря, где крупные опускания суши происходили в четвертичный период, может быть, на памяти человека⁴.

¹ М. В. Севергин. Инструкция для путешествия около света по части минералогии и в отношении к Теории земли, «Северный Вестник», № 2 и 3, 1804 г.

² Bernard. Geographie Universelle, part II, t. XI, 1939 г., p. 387.

³ G. Schott, 1926 г., S. 64.

⁴ Л. С. Берг. Атлантида и Эгеида, «Природа», № 4, 1928 г.

Из замечаний русских путешественников складывается правильное представление о чрезвычайной засушливости прибрежной полосы острова Тенерифа. В среднем за год в прибрежной полосе выпадает немного более 300 мм осадков. Дожди идут зимою, когда пассат прекращается, уступая место западным ветрам.

Зима на острове Тенерифе мягкая, жители ходят в легких одеждах. В конце октября цветут розы.

За время стоянки кораблей в гавани Санта Крус температура воздуха поднималась до $27,5^{\circ}\text{C}$ и ни разу не спускалась ниже $24,4^{\circ}\text{C}$. Колебания барометра были также очень незначительны. Эти сведения вполне согласуются с современными данными. Действительно, климат Тенерифа здоровый (Оротава—один из широко известных курортов), отличается незначительной годовой разностью температур ($6-8^{\circ}$) и удивительно теплой осенью (октябрь почти такой же теплый, как июль)¹. На Тенерифе никогда не бывает морозов, а снег выпадает только высоко в горах. Коробицын пишет, что гора Пико-де-Тейде до половины покрыта вечным льдом. «В половине же горы воздух весьма пронизательно холодный, почему во всякое время года находится неизчезающий лиод, через который и проход на поверхность горы весьма затруднителен»². Однако Лисянский не подтверждает это сообщение. Он пишет: «Вершина горы Пик покрыта снегом, от которого очищается только в июне и июле»³. Лисянский совершенно прав. Вечных снегов и ледников на Тенерифе нет. Снег выпадает ежегодно от февраля до апреля, и граница его опускается до высоты 1 500 м⁴.

Но сообщение Лисянского, что Пик очищается от снега только в течение двух месяцев, нуждается в уточнении. Представление Коробицына о существовании вечных снегов и ледников на Пике, видимо, возникло потому, что жители г. Санта Крус привозят на мулах

¹ Таблицу распределения температур в г. Санта Крус, Лагуне и Оротава см. J. H a n n. Handbuch der Klimatologie, Klimatographie, Bd. III, Stuttgart, 1911, S. 45.

² Н И К о р о б и ц ы н, «Записки» стр. 144. О вечных льдах и снегах на вершине Пико-де-Тейде пишет также старший офицер корабля «Надежды» Ратманов. «Журнал» М. Ратманова с 1803 по 1 февраля 1805 г. Рукописный отдел Ленинградской государственной публичной библиотеки (РОЛГПБ, шифр 68/39, л. 23).

³ Ю. Ф. Л и с я н с к и й, ч. I, стр. 28.

⁴ Ф. Г а н н. Африка. СПб, 1903 г., стр. 562.

лед с вершины Пика, который они добывают в ледяных пещерах¹.

Несмотря на прекрасный климат и плодородие почв Тенерифа, жители острова терпели сильную нужду, и русские путешественники описывают бедственное состояние населения. В лохмотьях, едва прикрывающих гноящееся тело, жители бродят по острову, собирая дикие фрукты и корни.

Большая часть жителей Тенерифа занималась хлебопашеством, «которое по причине каменистого грунта, большого стоит затруднения, так что во многих местах для онаго из неудобных мест и буераков на выгодные местоположением, но каменистые грунтом места имеют нужду наваживать на оные землю»².

Жители не употребляли печеного хлеба. Они растирали зерно между камнями и ели муку, замешивая ее в руке с водой, или питались поджаренным зерном. Скотоводство из-за недостатка травы было развито слабо.

Из фруктовых деревьев жители культивировали яблоки, сливы, груши³, абрикосы, финики, миндаль, каштаны. В огородах росли дыни, тыквы, лук и огурцы⁴. Большие пространства вблизи города Ортава занимали виноградники. Виноград разводили белый и красный. Отдельные гроздья вырастали до 10 фунтов (4 кг) весом. Вино являлось главным предметом экспортной торговли. Эта выгоднейшая отрасль хозяйства была в то время в руках английских купцов. Их деятельность Шемелин характеризует следующим образом: «Это искусная машина, высасывающая жизненные соки из тела нации; патриотизм, силою золотого порошка приведенный в забвение, не чувствует болезненных вередов сих»⁵.

Русские путешественники сообщают также, что жители прибрежных районов Тенерифа занимались рыболовством.

¹ J. Haupp, Bd. III, 1911, S. 53.

² Н. И. Коробицын, «Записки», стр. 143.

³ Груши большие, но невкусные, так как растут на диких деревьях. (И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 286).

⁴ Коробицын упоминает также картофель, который, по утверждению доктора Эспенберга, в то время не культивировали на Тенерифе. Повидимому, Коробицын картофелем называет бататы (*Solanum tuberosum*). Они имеют вкус мороженого картофеля.

⁵ Ф. Шемелин, ч. I, стр. 34.

Рыбу ловили удочками, но вместо лес употребляли медную проволоку. Макрелей (*Scomber scomber*) обычно удили ночью на лодках при огне. На рыбном базаре можно было видеть *Esox belone* (морская щука), *Mugaena helena* (из отряда угрей Муренс), *Raja aquila* (морской скат—*Muliobatis*) и др. Беднота употребляла в пищу акул.

Закончив астрономические наблюдения, определив географическое положение ряда пунктов острова Tenerif и ознакомившись с его природой, моряки сделали большой запас овощей, фруктов, свежего мяса и вина. Предстоял большой переход через Атлантический океан.

ПЛАВАНИЕ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

27 октября, в 12 часов дня, корабли снялись с якорей и, подгоняемые северо-восточным пассатным ветром, направили свой путь к берегам Бразилии. Только удалившись на сто морских миль от берегов Tenerifa, потеряли из виду вершину Пико-де-Тейде. «Миновав Канарские острова,—пишет Лисянский,—весьма ощутительно было, что мы оставили умеренный климат и страны, наслаждающиеся чистой атмосферой».

Над шканцами развесили широкую парусину для защиты от солнца. «В пасадных широтах,—пишет Ромберг,—фрегат наш превратился в палатку от чрезвычайных жаров. Приятное плавание между тропиками. Ежедневный балет выскакивающих бонит, прожор и летучих рыб, или, вдруг задумавшись, плывет большая черепаха, которую без всякой хитрости поднимаешь на ялик и ешь прекрасный суп»¹.

Матросам запретили спать на палубе под открытым небом.

Доктор корабля «Надежды» Эспенберг пишет, что мнение мореплавателей о вредных последствиях сна на открытом воздухе ошибочно. «Сей случай может быть только тогда, если находится корабль близ вредоносного берега, а не в открытом океане между поворотными кругами, где росы не бывает и где температура остается одинаковою и воздух как ночью, так и днем бывает в одном и

¹ «Письмо Федора Ромберга к друзьям». РОЛГПБ, Собр. Титова, охр. № 791.

том же состоянии»¹. Мореплаватели, проходя пассатные широты, отмечают необыкновенную прозрачность воздуха, обилие солнечного света, кобальтово-синий цвет воды. Небо большей частью чистое с отдельными волнистыми облаками. Пассатные ветры дуют постоянно, так что почти не приходится трогать парусов. Для парусного мореплавания это область идеальных вод. Испанцы пассатные широты Атлантического океана называли «Дамским морем».

Ратманов пишет: «Мы часто острогами бьем рыб и ловим на крючки; битых срисовывают, а из изловленных кожи сдирают и делают чучелы наши господа ученые, или разыскивают натуру, отделяя самые малейшие животные от морской воды, которая миллионами изобилует оных. Мы также несколько видим морских птиц и летучих рыб»².

В море встречались большие касатки (гранпасы—*Grampus griseus*)³; множество бонитов или тунцов—*Scomber relatus* (большие рыбы из отряда скумбриеобразных или макрелиеобразных); они иногда попадались на гарпун. У бортов играли дельфины (*Delphinus delphis*); моряки дельфина называют—рыба-прыгун, так как он часто плывет по гребням волн. Дельфинам предшествовали целые стаи рыб, называемых лоцманами—*Naucrates ductor* (величиной с макрель, но короче и толще, тело белое, полосатое). Часто встречались акулы: *Squalus coeruleus* и *Squalus corcharias* (синяя акула до 4 м длины). Их сопровождали постоянные спутники: прилипало—*Echeneis remora* L. и колюшка—*Dasterosteus ductor* (особенность ее строения—сходство с маленьким пузырем, с которого свисает красивого цвета бахромы). Целые стада летающих рыб (*Exocoetus volitans*), спасаясь от дельфинов, выскакивали из воды и пролетали по воздуху расстояние до 200 м в длину. Некоторые из них перелетали через корабль. Моряки употребляли их в пищу и уверяли, что они очень вкусные. Граница распространения летающих рыб поразительно точно совпадает

¹ См. статью доктора экспедиции Эспенберга: «Замечания по врачебной части, учиненные во время путешествия» (И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 289).

² «Журнал» М. Ратманова, РОЛГПБ, шифр 68/39, л. 42—43.

³ Морское млекопитающее из отряда китообразных (семейство дельфинов).

с границами тропического пояса, несколько перемещаясь к северу и югу, в зависимости от времени года. Только с теплыми течениями, как, например, с Гольфстримом, эти рыбы проникают до айсбергов Лабрадорского течения (до южного края Большой Ньюфаундлендской банки). Их встречают также у Гибралтара и в Средиземном море (особый вид).

Из птиц в тропической области океана моряки встречали только фазтона (*Phaeton aethereus*) и фрегата (*Fregata aquila*).

Тропических птиц легко узнать, так как у них два хвостовых пера превышают длину крыльев. Обе птицы хорошо летают, особенно фрегат. Иногда, колеблясь, он стоит на одном месте высоко в воздухе и вдруг неожиданно бросается в воду за добычей.

6 ноября на рассвете увидели остров Св. Антония, самый западный из группы островов Зеленого мыса, который издали «более походит на дикую пустыню, которая составлена из каменных гор и рашелин»¹.

«Ежели нет никаких особенных причин,—пишет Лисянский,—то гораздо лучше оставлять острова Зеленые по восточную сторону и не подходить даже к Св. Антонию ближе десяти или 12 миль, ибо нередко случается, что когда в море дует свежий пасадной ветер, то у берегов бывает совершенная тишина»². Из этого факта Крузенштерн делает правильный вывод: «Острова Зеленого мыса, по обширности своей довольно достаточны к тому, чтобы переменить обыкновенное направление пасадных ветров»³.

В хорошую погоду с корабля «Надежда» спускали бот для измерения поверхностной и глубинной температуры и удельного веса морской воды. Ученые экспедиции Лангсдорф и Горнер занимались также исследованием причин свечения морской воды.

Свечение моря с давних времен занимало мысли ученых и мореплавателей, и об этом явлении высказывались самые различные мнения: А. Гумбольдт считал, что свечение моря происходит от фосфорического газа, об-

¹ «Журнал» М. Ратманова, РОЛГПБ, шифр 68/39, л. 25.

² Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 34.

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 65.

разующегося при гниении¹. Английский естествоиспытатель Гук считал, что «свет морской воды происходит от разрушенных частиц умерших морских рыб, которые в соленой и горькой морской воде не скоро истлевают»². Некоторые ученые объясняли свечение моря действием электричества, находящегося в морской воде. Только ученые русской экспедиции установили истинную природу свечения морской воды. «Сии опыты, — пишет Крузенштерн, — казалось, утверждали, что морская вода светится не от движения и трения частиц оной, но что действительною виною того суть органические существа. Они брали чашку, положи в нее несколько деревянных опилок, покрывали ее белым, тонким, в двое сложенным платком, на которой тотчас лили почерпнутую из моря воду; причем оказалось, что на белом платке оставались многие точки, кои при трясении платка светились; процеженная же вода не оказывала ни малейшего света»³.

Лангсдорф исследовал воду под микроскопом и показал, что носителями света являются микроскопические животные, которых он срисовал. Среди них оказались большие и малые⁴.

Это было значительным открытием.

Крузенштерн, наблюдая, что море светится не равномерно каждый день, а только во время движения воды, предполагал, что причиной, заставляющей светиться микроскопических животных, является электричество, находящееся в воздухе. Более ясное представление об этом явлении высказывает Горнер, который отмечает различные формы свечения. «Наиболее же заслуживает ближайшего исследования бледный свет, издаваемый морем, который почитаем был электрическим или фосфорическим образованием света из самой воды, при чем надлежит

¹ См. Горнер. Инструкция, помещенная в книге О. Е. Коцебу «Путешествие в Южный океан... на корабле «Рюрик», ч. I, СПб, 1821 г

² Цитирую по статье Иноходцева: «О свете и теплоте морской воды», «Технологический журнал», ч. I, т. II, 1805 г., стр. 179.

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 67.

⁴ Выписка из письма Г. Лангсдорфа к академику Крафту о Камчатке. «Технологический журнал», ч. II, т. II, 1805 г., стр. 156—157.

особенно замечать, не производится ли сей свет также живыми светящими животными, может быть только меньшей величины»¹. Эти опыты дали блестящие результаты, которые вполне согласуются с современными представлениями. Так, Н. И. Тарасов² различает три формы свечения моря. Первая форма не зависит от движения воды и вызывается светящимися морскими бактериями. Эта форма свечения наблюдается в районах с большим количеством органического распада—прибрежные и предустьевые районы, а также в областях конвергенции (стыка) холодных и теплых течений, где происходит массовая гибель планктона из-за резкой смены температур. Остатки планктонных организмов служат пищей и субстратом для бактерий. Малая концентрация бактерий в воде за бортом обуславливала заявление капитанов, что море светится без участия организмов.

Вторая форма свечения наблюдается при беспокойном море. Светятся (только при стимуляции) простейшие микроскопические организмы—жгутиковые (Flagellata), причем светятся два их подкласса—Peridineae и Cystoflagellata. В этом случае море светится яркими вспышками серебристобелого или зеленоватого цвета. Третья форма свечения происходит от раздражения животных из кишечного-полостных (медузы, сифонофоры), оболочниковых и ракообразных. Они производят крупные вспышки света.

При прохождении тропических широт Крузенштерн и Лисянский установили на кораблях строгий режим расходования пресной воды. Пить разрешалось сколько угодно, но на другие нужды без разрешения капитана никто не смел израсходовать ни одной капли.

15 ноября на $6^{\circ} 58'$ с. ш. и 21° з. д. установили южный предел северо-восточного пассата. В широтах, где перестают дуть пассатные ветры, обычно господствуют штили или переменные ветры, сопровождаемые проливными дождями. Крузенштерн пишет, что жестокие и частые шквалы с громом и молниями беспрестанно находили с разных сторон горизонта, дождь мочил ежечасно так, что развешенный на шканцах тент в минуту наполнял

¹ Горнер. Инструкция, помещенная в книге Коцебу, ч. I, 1821 г.

² Н. И. Тарасов. Биология моря и флот, М., 1943 г.

бочку пресной водой. «Распущенный тент между грот-¹ и фок-мачтами² представлял маленькое озеро, в котором около 20 человек сразу мыли белье, купались сами и обмывали друг друга». Небо было покрыто черными тучами, так что многие дни совсем не видели солнца. Чем ближе подходили к экватору, тем непостояннее становилась погода. Платье и постели нельзя было просушить, появилась плесень и ржавчина. На кораблях поставили жаровни с раскаленными углями и, кроме того, Крузенштерн приказал два раза в неделю топить печи. Переменные ветры вызывали на море сильную и неправильную зыбь. Эти волны валили корабль то с носу на корму, то с боку на бок. Тихие ветры принуждали нести все паруса, даже в ночное время, иначе и целого месяца недостаточно, чтобы пройти эту полосу океана. Беспреданно меняющиеся ветры заставляли каждый час менять курс и поворачивать паруса. При частых и жестоких шквалах целостность мачт, да и самого корабля, была в опасности. Казалось, что птицы и рыбы избегают этого неприятного климата. Встречались только дельфины, гоняющиеся за летучими рыбами, да одна неизвестная тропическая птичка.

22 ноября встретили корабль, идущий в Батавию. Отправили письма, которые капитан этого корабля передал в Россию с мыса Доброй Надежды (они пришли в Петербург в мае 1804 г.).

26 ноября, в 10 ч. 30 м. утра перешли экватор под 24° 20' з. д. Корабли «Нева» и «Надежда» сблизились, и капитаны поздравили друг друга с благополучным прибытием в южное полушарие³.

Матросы были расставлены по вантам и прокричали несколько раз «ура». «Поелику еще ни один Российский корабль, кроме «Невы» и «Надежды», не проходил экватора,—пишет Лисянский,—то, желая отметить сей столь редкий случай, приказал на каждую артель зажарить по две утки, сделать по пудингу и сварить свежий суп с картофелем, тыквою и прочею зеленью, которая у нас велась от самого Тенерифа, прибавя к сему по бутылке

¹ Грот-мачта—вторая, считая от носа.

² Фок-мачта—передняя мачта на корабле.

³ До этого только Крузенштерн и Лисянский пересекали экватор.

портеру на каждых трех человек. Поднят был военный флаг, производилась пальба из всех пушек».

Матрос «Надежды» Павел Курганов изображал морского бога Нептуна. С трезубцем в руках он приветствовал русских моряков со вступлением в южное полушарие. Вечером команда развлекалась: пели песни, вспоминали о своих родных и знакомых на далекой родине.

Температура на экваторе была от $27^{\circ},3$ до $28^{\circ},7$ С. Нозиков пишет, что под экватором термометр показывал 40° С и более и что морская вода была той же температуры¹. Эта цифра сильно им преувеличена.

Наблюдения наших моряков над течениями моря в тропических широтах установили ряд важных в гидрографическом отношении фактов. Удивительно верную картину течений тропического пояса дает Лисянский: «Со времени отплытия нашего от островов Канарских до прибытия в переменные ветры или в широту северную 6° , море стремление свое имело к S и к W; потом переменило оное к N и O и продолжало до $1^{\circ} 34' N$ или когда подул юго-восточный пасадной ветр. С того времени морское течение устремилось большею частию к западу»².

Замечательно в этой схеме то, что Лисянский отметил в полосе затишья течение, идущее в восточном направлении. Таким образом, экваториальное противотечение впервые было установлено в Атлантическом океане Лисянским во время первого русского кругосветного плавания.

Этим открытием Лисянский впервые ввел в практику мореплавания и в географическую науку идею об экваториальном противотечении. Его наблюдения вполне согласуются с современными представлениями. «Между двумя экваториальными течениями,— пишет Шокальский,— летом северного полушария (с июля по декабрь) идет на E заметное течение, называемое экваториальным противотечением, которое в настоящее время часто называют также и Гвинейским течением»³.

Только в конце XIX в. удалось найти причину этого противотечения, которая коренится в том, что пассатные течения при своем движении на запад в конце концов упи-

¹ Н. Н о з и к о в. Русские кругосветные мореплаватели, стр. 27.

² Ю. Ф. Л и с я н с к и й, ч. I, стр. 39.

³ Ю. Ш о к а л ь с к и й. Океанография, 1917 г., стр. 490.

раются в берег и, разветвляясь, дают течения к северу и к югу.

Ветви, идущие к югу от Северного и к северу от Южного течений, встречаются, сталкиваются, и в месте их столкновения скопляется вода и поднимается уровень океана. Естественно, что эта вода будет стремиться стекать в более низкие уровни и единственным доступным для нее путем будет пространство между пассатными течениями, тем более что в этой полосе господствуют штили и ветры почти не препятствуют течению. Учеными разных стран было сделано немало попыток дать более строгий анализ этого явления природы. Только советскому ученому В. Б. Штокману удалось дать стройное математическое объяснение и вскрыть глубже причины существования такого противотечения. Оказалось, что огромную роль в развитии этого течения играет неравномерность скорости ветра по меридиану: смена пассата полосой затишья, а затем новая смена—затишья другим пассатом. Однако в этой теории есть еще ряд неразрешенных вопросов, которые ждут специальных наблюдений. Экваториальное противотечение существует во всех трех океанах и составляет элемент общей циркуляции водных масс Мирового океана.

Анализируя наблюдения над морскими течениями Кука, Лаперуза, д'Антеркасто и других предшественников, Крузенштерн впервые в истории гидрографии подмечает три важные особенности экваториальных течений:

1. Границы экваториальных течений изменяются в зависимости от времени года. «Сии принимаемые Куком пределы должны быть весьма переменны, хотя мы и не знаем, от чего то происходит. Разность времени года имеет уповательно на то действие»¹. Обычно это открытие приписывалось А. Гумбольдту.

2. На внешней границе экваториальное течение слабее, чем на внутренней. «Почти все мореходцы находили на юге от экватора, или определительнее сказать, по входе в пасада SO сильное к западу течение. Кук нашел оное во время третьего своего путешествия от 2°N и 25°W до 3°S и 30°W 115 миль в 4 дня. От 3° ю. ш. было сие течение слабее и уклонялось мало по малу более к западу и северу: у мыса же Св. Августина оказалось прямо к

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 157.

северу. На юге от сего мыса не заметил Кук никакого течения. Д'Антеркасто нашел также сие течение к западу очень сильным в начале SO пасада; но когда он прошел мыс Св. Августина, то оное почти совсем не действовало или весьма слабо»¹. Этот замечательный вывод вполне согласуется с современными данными².

3. Скорость экваториальных течений возрастает по мере продвижения их с востока на запад. Крузенштерн пишет, что «Лаперуз нашел к западу течение в близости экватора гораздо слабее, нежели Кук, Ванкувер, д'Антеркасто и мы. Причиною сему должно быть уповательно восточнейшее плавание кораблей «Астролябии» и «Буссоли», ибо Лаперуз перешел через экватор 8° восточнее нас, 11° Кука, 7° д'Антеркасто»³. Этот вывод также подтверждается современными авторами. Шокальский, описывая южное экваториальное течение, сообщает, что в восточной части скорость его от 13 до 25 м. миль в сутки, а к западу она увеличивается⁴.

5 декабря по выходе из области юго-восточного пасада Крузенштерн посетил «Неву» и предложил Лисянскому начать важные для географической науки поиски острова Ассенцао (не путать с Ascension—остров Вознесения)⁵. В то время, кроме уточнения географического положения известных уже островов и открытия новых, перед моряками стояла задача освобождения карты от несуществующих островов. Остров Ассенцао, замеченный будто бы португальским мореплавателем Мартином-Вазой в широте $20^{\circ}38'$ ю. и долготе $35^{\circ}40'$ з., имел 300-летнюю историю, и в течение этого времени о существовании его высказывались самые различные предположения. Одни отрицали его существование, тогда как другие в это же время наносили его на карты и давали описания.

¹ И Ф Крузенштерн, ч. III, стр. 159.

² Ю М. Шокальский. Океанография, 1917, стр. 487—490.

³ И Ф Крузенштерн, ч. III, стр. 160.

⁴ Ю М Шокальский, Океанография, 1917, стр. 487.

⁵ Такую ошибку допустила Н. В. Думиграшко. (См. вступительную статью в книге Ю. Ф. Лисянского. «Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 годах». М., 1947, примечания, стр. 274). Спутав мифический остров Ассенцао (или Мартина-Вазы) с островом Вознесения ($7^{\circ}57'$ ю. ш. и $14^{\circ}21'$ з. д.), она делает еще одну ошибку, утверждая, что Лисянский был неправ, предполагая, что остров Ассенцао не существует.

Крузенштерн и Лисянский с 5 по 9 декабря 1803 г. продолжали эти изыскания, пока не уверились в том, что остров не существует. Позднее русский мореплаватель В. М. Головнин во время кругосветного плавания на шлюпе «Диана» 1 января 1808 г. также пытался отыскать остров Ассенцао¹.

Окончив безуспешные поиски острова Ассенцао, корабли взяли курс к бразильскому берегу.

11 декабря на корабли налетели бабочки различных цветов, которые бурей были унесены за 60 морских миль от берега. Вблизи бразильского берега измеряли глубину моря и брали пробу донных осадков. Для этого опускали на дно сетку с железными граблями, какими в Англии ловят устриц.

Грунт на глубине 47 м—крупный песок с цельною ракушкой и мелкой галькой, а с глубины 30 саженей (55 м)—зеленоватый ил. На глубине 12 м поймали очень вкусных, окрашенных в зеленые, красные, желтые и золотистые цвета корифен и огромную массу нежных, прозрачных, бочкообразных, исключительно красивых сальп.

12 октября на рассвете увидели мыс Фрио (Бразилия). С большой точностью определили его географические координаты ($22^{\circ}57'30''$ ю. ш. и $41^{\circ}36'30''$ з. д.), которые были неверно определены предшествующими мореплавателями. От мыса Фрио корабли пошли вдоль берегов Бразилии к острову Св. Екатерины.

У берегов Бразилии Крузенштерн правильно отмечает морские течения, меняющие свое направление в зависимости от господствующих ветров. «Течение продолжалось беспрестанно к северу и к востоку до приближения нашего к острову Св. Екатерины, после чего происходило течение сообразно с направлением господствующих северных ветров к S, выключая то время, в которое дул ветер от S»².

18 декабря на рассвете увидели высокие, покрытые пальмовыми деревьями острова Альваредо и Гал, лежа-

¹ В. М. Головнин не знал о поисках Крузенштерна, так как описание его путешествия он получил только на Камчатке.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 160. Подтверждение этого наблюдения можно найти в труде Ю. Шокальского (см. «Океанография», 1917 г., стр. 527).

щие к северу от острова Св. Екатерины¹. Ветерок приносил чудесное благоухание тропической природы, и моряки уже мечтали о скором отдыхе, но налетевшая неожиданно буря с сильным дождем заставила уйти в море.

В 10 часов ночи нечаянный случай сблизил корабли настолько, что они почти касались бортами и только ловкость и умение матросов и офицеров спасли их от неминуемой гибели.

20 декабря прибыл португальский лоцман, который направил корабли в пролив между островами Гал и Альваредо. «Сим проливом без лоцмана итти я бы никак не отважился, ибо г. Лаперуз в путешествии своем называет его весьма трудным. Но опыт показал совсем тому противное. Я никогда не видывал лучшего пролива»².

В 6 часов вечера встали на якорь у крепости Санта-Круц, расположенной на маленьком островке Атомирисе, на том же месте, где в 1785 г. в ноябре месяце стояли корабли «Буссоль» и «Астролябия» французского мореплавателя Лаперуза³.

Два с половиной месяца русские корабли шли через Атлантический океан и достигли Бразилии, не имея ни одного больного. «Тут я вспомнил Ансона,—пишет Ромберг,—который, пришедши сюда из Портсмута, имел множество больных и потерял в пути несколько людей; вспомнил несчастного Лаперуза, который стоял на самом том месте, где нами якорь брошен. Они были великие мореходцы, но дай Бог не иметь их участи... Но с Капитаном Крузенштерном и Русскими чего бояться?»⁴.

¹ На некоторых картах того времени остров Альваредо помещали к югу от острова Св. Екатерины (см. Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 46).

² Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 47.

³ Жан Франсуа де-Лаперуз (1741—1788)—французский мореплаватель. В 1785 г. на кораблях «Буссоль» и «Астролябия» предпринял кругосветное путешествие с целью изучения китобойных промыслов в Тихом океане и торговли пушниной на северо-западном берегу Америки и в Китае. Экспедиция Лаперуза погибла у острова Ваникоро, расположенного в группе вулканических островов Санта-Круц в Тихом океане (10°40' ю. ш., 160° в. д.). Найденные предметы, принадлежащие экспедиции, были перевезены в Париж и помещены в Морском музее в Лувре. На острове Ваникоро Лаперузу сооружен памятник.

⁴ Письма русских путешественников из Бразилии к госп. NN, «Вестник Европы», ч. XVI, № 16, 1804, стр. 470—472.

На корабли прибыл португальский офицер для получения сведений. «Мне весьма было приятно,—пишет Лисянский,—видеть его удивление, когда он услышал, что Россияне идут вокруг мыса Горна»¹.

На другой день Крузенштерн с Лисянским и несколькими офицерами на шлюпке сделали визит губернатору острова. На маленьком островке Атомирисе русские моряки устроили обсерваторию для проверки хронометров и производства астрономических наблюдений.

Крузенштерн предполагал простоять здесь не более 10 дней, но неожиданно был извещен Лисянским, что за время плавания через Атлантический океан грот- и фок-мачты на «Неве» настолько повредились, что необходимо было заменить их новыми².

В двух милях от берега были срублены 40-метровые стволы красного дерева, которые в продолжение целой недели, с невероятными трудностями, матросы обеих кораблей тащили к берегу моря. Не легко было поставить и оснастить мачты без помощи кранов³.

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 48.

² ЦГАВМФ. Письмо Ю. Ф. Лисянского к И. Ф. Крузенштерну о гнилости мачт на «Неве», ф. 14, И. Ф. Крузенштерн, д. 898.

³ В 1944 г. под редакцией профессора А. И. Андреева вышла книга «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках».

В книге помещены «Записки» приказчика Российско-Американской компании Н. И. Коробицына, совершившего кругосветное плавание на корабле «Нева». Эти «Записки» были случайно обнаружены в антикварном книжном магазине в г. Ленинграде в 1940 г. и приобретены Всесоюзным Географическим обществом. Заведующий архивом Общества Е. И. Глейбер подготовил рукопись к печати, снабдил ее иллюстрациями и предполагал издать с обширными комментариями, но смерть помешала ему исполнить это намерение. Профессор Андреев издал эту рукопись без всяких комментариев, чем значительно понизил ее ценность, так как она содержит большое количество географических погрешностей.

Кроме того в «Записках» встречаются замечания, вызванные недоброжелательным отношением Коробицына к командиру корабля Ю. Ф. Лисянскому.

Так, например, в связи с установкой новых мачт на «Неве» он недвусмысленно обвиняет Лисянского и будущего историка русского флота Василия Берх в воровстве: «В выданных мною мачтмакеру 1 000 пиастров получил я от него собственноручную на португальском языке расписку, который по получении от меня пиастров тот же час отправился с корабля, а через час после онаго отправлен был в город по приказанию г-на Лисянского мичман

Все это задержало экспедицию у острова Св. Екатерины более шести недель.

Во время стоянки Крузенштерн и Горнер производили астрономические наблюдения, занимались съемкой планов, изучали морские течения и приливы в проливе Св. Екатерины.

Естествоиспытатели совершали экскурсии в глубь острова и собрали большие коллекции местной фауны и флоры.

У ОСТРОВА СВ. ЕКАТЕРИНЫ

Остров Св. Екатерины отделен от бразильского берега проливом, который в самом узком месте имеет всего 400 м ширины.

«Хотя португальцам эти места давно известны,—пишет Крузенштерн,—однако я сомневаюсь, чтобы берега Бразилии описаны были ими когда-либо с надлежащею точностью. Виденные нами карты острова Св. Екатерины и берега, лежащего к северу от сего острова, не слишком верны, не взирая на то, что одна из них сочинена португальским географом Лопесом»¹.

Крузенштерн снял план северного входа в пролив, отделяющий остров Св. Екатерины от бразильского берега². Об этой работе он пишет: «Сию карту, думаю, не почтут в Атласе моем совсем излишнею; по елику мне не удавалось и поныне видеть карты сего входа, выключая одну, находящуюся под № 57 во второй части малого

Берх, а за какой надобностью, мне было не известно, что и подает повод к сомнению» (стр. 149—150).

Несмотря на то, что подобные выпады Коробицына не подтверждаются показаниями других участников плавания и даже прямо опровергаются ими (см. Ф. Ш е м е л и н. Журнал первого путешествия Россиян вокруг земного шара, ч. I, 1816, стр. 98), Андреев не восстановил истину и представил эти нелепости, позорящие имена выдающихся русских людей, как факты, заслуживающие доверия. (См. «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв.», стр. 19).

¹ И. Ф. К р у з е н ш т е р н, ч. I, стр. 79.

² См. «Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна», СПб, 1813, табл. № 2. Капитан Лисянский также составил прекрасный план этой местности («Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского на корабле «Нева», СПб, 1812, табл. № 2).

План входа в залив Св. Екатерины, составленный
И. Ф. Крузенштерном

(Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна)

морского атласа, изданного Биллингсом, которая однако же имеет много погрешностей и недостатков»¹.

В 1808 г. В. М. Головнин на шлюпе «Диана» бросил якорь у острова Св. Екатерины и убедился в поразительной точности снятого Крузенштерном плана. «Хотя лоцман к нам не приехал, однакож мы пришли в самую середину гавани без малейшего затруднения, с помощью плана сей гавани, сделанного капитаном Крузенштерном, который я от него получил в числе некоторых других карт, выгравированных для его вояжа. План сей так верно сделан, и все на берегах высоты и приметные места с такою точностью означены на оном, что мы тотчас почти при первом взгляде различили все предметы, по коим надлежало править»².

План Крузенштерна до сих пор воспроизводится без изменения в английских морских атласах.

Остров Св. Екатерины, по описанию русских моряков, имеет гористый рельеф. Горы здесь средней высоты, с крутыми склонами и глубокими долинами, по которым сбегает в море быстрые потоки. На острове масса родников, ручьев и болот (особенно много болот в северной части острова). Берега частью низкие, песчаные, частью возвышенные, состоящие из гранита. Они сильно изрезаны, образуют много бухт, мелких островов и скал.

Климат острова Св. Екатерины субтропический.

У берегов обычны бризы. Моряки пишут, что дни здесь большей частью ясные, а ночи пасмурные, повидимому потому, что холодный ночной бриз, стекая по склону гор, заставляет подниматься влажный и теплый морской воздух.

Ежедневно к вечеру выпадают осадки, причем, чем жарче день, тем сильнее вечером гроза и дождь.

Во время стоянки кораблей (декабрь—январь) температура ежедневно поднималась до 28°C и наивысшая была 32,5°C. Такую температуру тяжело переносить, особенно в лесу, где жара «несноснее, чем в бане».

Зимою температура иногда опускается здесь до 12° С, и жители считали эти дни необычайно холодными. Южные ветры приносят снег, который выпадает только в горах

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 79.

² В. М. Головнин, т. I, 1864, стр. 79.

(выше 1 000 м). На побережье моря снег не выпадает, и здесь никогда не бывает заморозков.

Прекрасным временем года является весна. Над горными вершинами появляются облака, приносящие в долины осадки.

Растительность острова Св. Екатерины богата и разнообразна. Непроницаемый лес, покрывающий горы до самых вершин, почти непрерывно тянется по всему острову. Стеною стоят высокие, толстые, стройные деревья, дающие хорошую тень. Вид бобовых деревьев (сем. Leguminosae) с высокими стволами, перистыми листьями и, как опахала, простирающимися ветвями кажется господствующим. К ним примешиваются многочисленные виды красного дерева, черного маслянистого дерева (*Scaevola officinalis*—местное название *Oleo preto*)¹ и др.

Непроницаемый подлесок образуют древовидные папоротники и огромное количество красивых пальм, достигающих высоты 6—7 м.

Лианы всех родов создают густо переплетенную сеть, поднимающуюся к вершинам деревьев. На земле, между упавшими стволами, растут папоротники выше человеческого роста. Даже скалистые склоны ручьев покрыты рощами *Agoideae*, *Bromeliaceae* и высоких кактусов.

Дремучие леса острова Св. Екатерины совершенно непроходимы. Только вблизи морского берега жители прорубили узкие и короткие тропинки, ведущие к вершинам ближайших холмов.

Большая часть побережий острова Св. Екатерины занята непроходимыми болотами, поросшими мангровыми

¹ Ю. Ф. Лисянский (ч. 1, стр. 50) пишет: «Здесь растут три рода *Олео*: черное, белое и красное. Первое из них самое крепкое, но весьма тяжело; второе хрупко, а третье самое удобное для мачт. Цветом оно красновато, растет в великом множестве по берегам. Оно столь высоко и прямо, что может быть употребляемо на цельные мачты для самых больших кораблей; но доставлять лес сей весьма трудно, потому что нет удобных к тому дорог.

Деревья, полученные нами, срублены были в 2-х милях (3,7 км) от берега, но на доставление оных к морю надлежало употребить семь дней». Определить точно ботаническую принадлежность этих деревьев невозможно. Сходные с описываемыми деревьями могут быть виды рода *Caesalpinia* (из сем. Leguminosae), *Caesalpinia echinata* (красное дерево), *C. melanosagra* (имеет черную древесину) и др. Крузенштерн собрал коллекцию спилов 80 пород деревьев, имеющих крепкую и красивую древесину, ценную для производства мебели.

лесами (сем Rhizophogaceae) и редколиственными пальмами. Песчаные берега покрыты папоротниками и мхами. Несмотря на большое количество осадков, на острове Св. Екатерины почти совсем не растет трава. «Как на Бразильском материке,—пишет Шемелин,—так и на сем острове земля состоит из красной глины, смешанной с дресвою и крупным песком, которая во время летней жары засыхает до чрезвычайной твердости. В бытность нашу самые большие проливные дожди ни мало не размягчали оную и не делали нигде приметной грязи. Когда же на завтра случался жаркий день, то земля паки становилась таковою же жесткою, какова была и прежде, от чего травы здешния, служащая скотам пищею, не могущия получить надлежащих себе из оной соков, почти совсем не растут»¹.

Лишь зимою, при умеренной температуре, после сильных дождей земля здесь покрывается травой.

Чрезвычайно богато и разнообразно царство животных. Лес населен млекопитающими, птицами, змеями, насекомыми и амфибиями. Из млекопитающих путешественникам встречались представители многочисленного семейства енотов, поясной броненосец, морские свинки и агути (семейство морских свинок или полукопытных). В глубине леса раздавались крики цепкохвостых обезьян-ревунов, имеющих привычку по вечерам хором реветь на разные лады, и др.

Птицы острова Св. Екатерины также многочисленны и своеобразны. Попугаи, различной величины и расцветки, громкими криками оглашали лес; около банановых цветов порхали сверкающие на солнце колибри, и высоко в небе одиноко кружили гологоловые орлы (подотряд американских грифов).

«Сверх же всякого изобилия,—пишет Коробицын,—как остров Святые Екатерины, ровно и весь бразильский берег, наполнен множеством змей»².

Лисянский, со слов губернатора острова, сообщает, что «посылаемые им курьеры в Рио-Янсиро, во избежание от ядовитых гадов, лежащих иногда поперек дороги целыми стадами, принуждены бывают скакать на лошадях

¹ Ф. Шемелин, ч. I, стр. 61—62.

² Н. И. Коробицын, «Записки», стр. 154.

верхом со всевозможною скоростью»¹. Самой страшной змеей считалась кобра. Укус ее вызывал лихорадку и сильное кровотечение из носа, ушей, глаз и кончиков пальцев; затем наступала мучительная смерть.

Болота острова Св. Екатерины переполнены жабообразными земноводными. «Лишь только наступает вечерняя заря, то повсюду слышен преужасный шум: в одном болоте лягушки издают голос, подобный собачьему лаю; в другом будто колотят, как часовые в доски; в третьем скрипят, а в четвертом раздается чрезвычайный свист»².

Чрезвычайно многочисленны насекомые острова Св. Екатерины. Целыми тучами летают яркие, как цветы, ночные и дневные бабочки, отличающиеся причудливостью своих форм.

Из насекомых особенное внимание путешественников привлек паук-птицеядец (*Agapea avicularis*). Этот паук не делает паутины, живет в земле в ямах, которые он покидает в большую жару. Он живет, как краб, поэтому португальцы называли его *Saanguexeira* (паук-краб). Жители уверяли, что он поедает колибри и укус его смертелен даже для человека. Лангсдорф, который производил над ним наблюдения, утверждает, что эти сведения неверны.

Большие неприятности морякам причиняла земляная или песчаная блоха (*Sarcopsilla penetrans*). Она кусала их за ноги и под кожей откладывала свои яички, причем сильную боль они почувствовали только через шесть недель, у мыса Горн.

После захода солнца появлялись светящиеся насекомые. В воздухе кружились тысячи светляков *Elateg postilius* (светлый щелкун) и *Elateg phosphogeus* (с двумя точками постоянного света на грудном щите). По земле ползали светящиеся сороконожки и масса светляков, у которых на нижней части тела свет появлялся через равные промежутки времени. Женщины по вечерам украшали ими грудь и волосы. «Сими светящимися насекомыми,—пишет Лисянский,—столь наполнены здешние места, что от вечерней до утренней зари повсюду бывает довольно светло». Моряки сообщают, что иногда светящихся

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. 1, стр. 55.

² Там же, ч. 1, стр. 56.

насекомых совсем не видно ни на земле, ни в воздухе. Причина этого явления ими не была выяснена.

Реки острова Св. Екатерины переполнены водяными змеями и аллигаторами. Одного небольшого аллигатора поймали матросы корабля «Нева» и притащили на «Надежду» к натуралисту Тилезиусу. Чешую аллигаторов не могли пробить острогой.

Население острова Св. Екатерины в то время достигало десяти—двенадцати тысяч человек (из них четыре тысячи негров). Единственный город Ностра-Сеннора-де-Дестеро был расположен на юго-западной стороне острова, в самом узком месте пролива, на берегу небольшой мелководной бухты, пригодной для судов каботажного плавания.

Город являлся административным центром губернаторства, в которое входило также бразильское побережье от 23° до 32° ю. ш.

Португальцы населяли только прибрежную часть острова; в глубине лесов жили индейцы, оттесненные от побережья португальцами¹.

Ежегодно из Анголы, Бенгуэлы и Мозамбика к острову Св. Екатерины прибывали транспорты с неграми. Португальцы обращались с ними хуже, чем со скотом.

«Содержание же сих бедных невольников в рассуждении их пищи и одежды малым чем отличается от животных и при всем том еще угнетаемы всякими наитягчайшими работами. А обходятся со оными почти бесчеловечно. Продажа сих бедных невольников состоит также, как каковых-либо животных. Их выгоняют во время дни на площади не имевших почти одеяния, которые весь день от толь жаркого солнечного зноя не имеют не какого прикрытия и до самого вечера бывают почти совсем без пищи, а в вечеру уводят оных с площади и запирают в пустые покои, похожие на тюрьму, где и бывают не выпускаемы до утра»².

Лисянский указывал, что жизнь негров в английских и голландских колониях Вест-Индии еще более мучительна.

¹ Н. Н о з и к о в (Русские кругосветные мореплаванья, стр. 38) неправильно пишет, что при появлении русских кораблей у острова Св. Екатерины их окружили пироги с индейцами.

² Н. И. К о р о б и ц ы н, «Записки», ч. 1, стр. 151.

Жители острова Св. Екатерины занимались, главным образом, сельским хозяйством и рыболовством. Почвы здесь чрезвычайно плодородны, и поля почти без всякого возделывания давали богатые урожаи. Жилища португальцев стояли в тени лимонных и апельсиновых рощ. Их окружали насаждения бананов, персиков, каштанов, фиговых, кофейных и дынных деревьев (*Сариса рарауа*). «Вижу вокруг себя,—пишет Ратманов,—пушистые деревья лимонные, голые кокосы¹, согбенные от тяжести плодов бананы, красивые пальмы, кофейные деревья, желтые цветы хлопчатой бумаги и колючие листья, с которых собирают драгоценную краску кошениль»².

Поля и огороды были заняты культурами риса, кукурузы, сахарного тростника, ванили, бататов (*Coccolobus batatus* L.) и арбузов³. Наиболее распространенной культурой являлся иньям. Это вечнозеленый кустарник из семейства молочайных, достигающий высоты от 1,5 до 5 м. Из клубней его готовят муку и крахмал, из которого жители Бразилии делают крупу, называемую тапиокой. Из овощей на острове Св. Екатерины в изобилии росли: лук, тыква, огурцы и т. д.⁴.

Жители держали небольшое количество коров, свиней, лошадей, ослов и коз. Скот обычно пригоняли сюда из области Рио-Гранде.

Население занималось также охотой. Ввиду отсутствия огнестрельного оружия, дичь били из луков, но не стрелами, а камешками. Лангсдорф сообщает, что таким оружием охотник с одного выстрела сбивал летящую колибри.

Главная пища здешних жителей—тапиока. Из нее пекли хлеб, который «белизною своею не уступает нашему

¹ Настоящая кокосовая пальма здесь не вызревает. Здесь произрастает Соцеого—род кокоса с камышеобразным стволом и небольшими плодами.

² Письма русских путешественников из Бразилии к госп. NN, «Вестник Европы», ч. XVI, № 16, 1804, стр. 271.

³ Культура винограда здесь не удавалась.

⁴ Н. И. Коробицын (стр. 154) упоминает также культуру картофеля. Повидимому, это были бататы, так как доктор экспедиции Эспенберг, который занимался пополнением запасов провизии, утверждает, что жители Св. Екатерины не занимались разведением картофеля, хотя родиной его является Южная Америка. (См. И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 286).

крупчатому, но на зубах жесток». Употребляли также тапиоковую муку с молоком или с водою, наподобие толокна¹.

Излюбленной пищей являлись также вареные бананы с молоком. Вместо чая богатые португальцы употребляли настой из листьев *Herba de matto*—парагвайский чай (на острове Св. Екатерины чай не растет), а беднота для этой цели использовала местное растение—*Cuscuta sicca*. Чайная и обеденная посуда изготовлялась из скорлупы кокосовых орехов (как у первобытных жителей Полинезии).

Торговля на острове Св. Екатерины была развита слабо. Португальские законы категорически запрещали бразильским подданным торговать с иностранцами. С португальскими купцами разрешалось торговать только в двух портах: Сан-Сальвадоре и Рио-де-Жанейро.

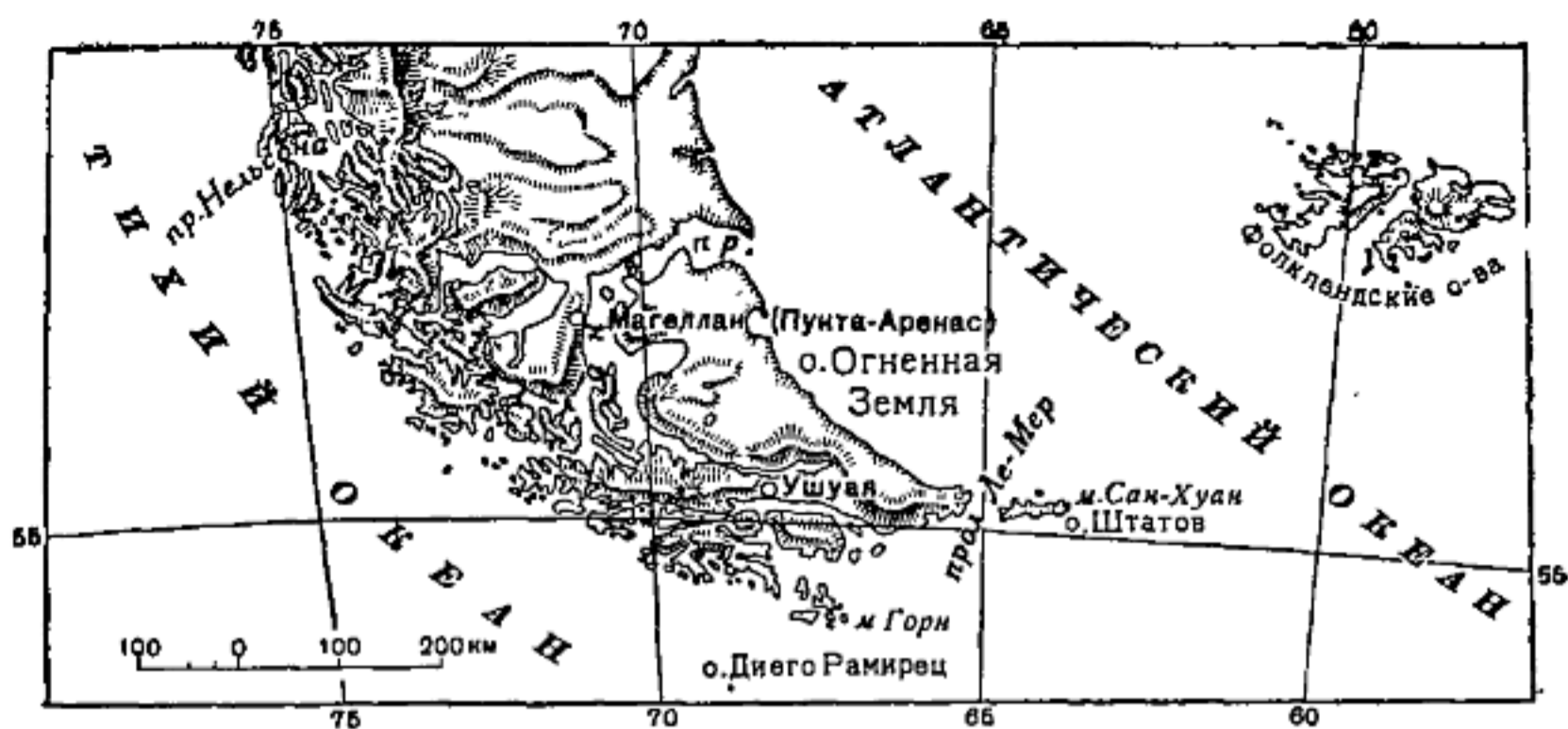
ПЛАВАНИЕ ВОКРУГ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

4 февраля 1804 г., закончив все приготовления, корабли снялись с якорей, прошли проливом между островами Альваредо и Св. Екатерины и направились к мысу Горн.

Продолжительная остановка у бразильских берегов нарушила все планы. Крузенштерн предполагал обойти мыс Горн в январе, в хорошую летнюю погоду, поэтому на случай разлуки кораблей местами встречи были назначены порты Сан-Хулиан и Вальпарайсо (Чили). Теперь предстояло обойти мыс Горн в марте, в самую плохую погоду, и Крузенштерн изменил прежнюю инструкцию. В случае разлуки Лисянскому предписывалось три дня крейсировать у мыса Сан-Хуан (восточная оконечность острова Штатов), а затем идти в порт Зачатия (Чили), в котором ожидать «Надежду» пятнадцать дней.

В случае разлуки кораблей южнее мыса Сан-Хуан «Нева» должна была направиться в порт Анны-Марии (остров Нукагива в группе Маркизских островов) и ожидать там десять дней, а затем идти к Сандвичевым (Гавайским) островам. Подгоняемые попутным северо-восточным ветром корабли с такой скоростью переходили

¹ Г. Лангсдорф, Н. Коробицын и Ф. Шемелин пишут, что у населения от тапиоки портятся и выпадают зубы.

Современная карта южной оконечности Южной Америки

из одной широты в другую, что все ощущали быструю перемену температуры. При вступлении кораблей в штормовые 40° широты установилась туманная, ветреная и пасмурная погода. Исчезли летучие рыбы¹, бониты, дельфины и тропические птицы². Появились обитатели холодных стран—альбатросы (*Diomedea exulans*)³ и буревестники⁴. Чаше стали встречаться большие стада китов, которые так близко подходили к кораблям, что мореплаватели принуждены были менять курс. «Здесь видели,—пишет Крузенштерн,—чрезвычайное множество

¹ Н. Нозиков (Русские кругосветные мореплавания, стр. 31) неправильно пишет, что моряки встречали летучих рыб у Огненной Земли. Так далеко к югу летучие рыбы не заходят.

² В. М. Головин пишет, что тропические птицы встречаются здесь до 50° ю. ш. (см. т. II, 1864, стр. 32).

³ Альбатросы (морские птицы из семейства буревестников, отряда трубконосых) господствуют в южноатлантических широтах от тропика до границы льдов. Полет их вызывает удивление всех мореплавателей. День и ночь они без усталости следуют за кораблями, и чем крепче ветер, тем увереннее и смелее их движения. Только в хорошую погоду их можно видеть спокойно сидящими на воде. Вместе с белым альбатросом встречается также коричневый—*Diomedea fuliginosa* (Лисянский называл его черным). Размах крыльев обыкновенного альбатроса, имеющего белое оперение, достигает 3,5—4 м. Большую часть жизни альбатросы проводят в воздухе. На суше совершенно беспомощны.

⁴ Моряки думали, что появление буревестников предвещает плохую, ветреную погоду, поэтому называли их штормовыми птицами (семейство птиц отряда трубконосых, близких к альбатросам).

китов, и в такой к кораблю близости, что вахтенный офицер не задолго пред рассветом приняв многие сильно выбрасываемые ими водяные столбы за бурун, приведен был тем в немалую тревогу»¹.

18 февраля «Нева» наскочила на тело мертвого кита, вокруг которого летала масса птиц. «К счастью, что чудовище сие не попало под нос нашему кораблю, в противном же случае, при тогдашнем ходу, мы могли бы потерять мачты»².

Движение кораблей затрудняли также небольшие плавающие островки из сплетшейся травы³. Лангсдорф пишет, что это особого вида фукус⁴.

22 февраля корабли вошли в пролив между Фолклендскими островами и берегом Патагонии. На следующий день наступила прекрасная тихая погода. Ученые экспедиции измеряли глубинную температуру воды и производили исследования над свечением моря.

«Со времени отплытия моего из Бразилии,—пишет Лангсдорф,—исследование над отсвечиванием моря составляло одно из главнейших моих упражнений, и по последствию оказалось, что оно без сомнения происходит от пребывающих там весьма различного рода животных»⁵. В этот день на «Надежду» приезжал Лисянский, которого Крузенштерн уведомил, что он намерен простоять один день у острова Пасхи, чтобы поверить хронометры и узнать, что случилось с козами, овцами и свиньями, оставленными там Лаперузом. 25 февраля в 5 часов утра увидели необитаемый остров Штатов, который издали казался состоящим из отдельных островершинных гор, обрывающихся к морю утесами. Он отделен от берега

¹ И Ф Крузенштерн, ч. 1, стр. 113.

² Ю. Ф. Лисянский, ч. 1, стр. 66.

³ Там же, ч. 1, стр. 67.

⁴ У берегов Южной Америки растет также водоросль *Mastocystis rigifera*, очень большой длины (до 200 метров). Отрываясь, она далеко уносится течением, пока, потеряв пловучесть, не утонет. Это растение встречал у патагонских берегов В. М. Головнин, который называет его морским поростом, или морской капустой (Головнин, т. 1, 1864), и Беллинсгаузен во время антарктической экспедиции (См. Ю. Шокальский. Столетие со времени отправления Русской антарктической экспедиции... Изв. Рус. Геогр. общ., т. LX, 1928, стр. 183).

⁵ Г. Лангсдорф. Выписка из письма к академику Крафту о Камчатке. «Технологический журнал», т. III, ч. II, 1805 г., стр. 156—157.

Огненной Земли проливом Ле-Мера, открытым в 1615 г. голландскими моряками Схоутеном и Ле-Мером; они думали, что открытый ими пролив подобен Магелланову, так как предполагали, что Южная Америка простирается до полюса.

Ветер был благоприятен для прохода кораблей проливом Ле-Мера, но Крузенштерн, опасаясь сильного встречного течения, решил обойти остров Штатов с востока.

Вблизи острова Штатов и у мыса Горн экспедицией была проделана большая работа по определению географических координат. По поводу определения координат мыса Сан-Хуан Крузенштерн пишет, что в Европе не много найдется городов, долгота которых определена так точно. «При сем случае я никак не могу умолчать о чрезвычайной неумоимости астронома Горнера, с каковою старался он во всякое время определить широту и долготу места корабля нашего. Есть ли днем солнце было закрыто, он непременно определял широту и долготу ночью. Часто, а особливо около мыса Горна, видел его, в самую холодную и неприятную погоду, стоявшего с непобедимым терпением во всеготовности изловить, так сказать, солнце между облаками; я просил его оставить деланные им, иногда без всякого успеха, покушения: но он редко внимал моей прозьбе. Во все время сего нашего плавания очень мало проходило дней, в которые не было определено точное место корабля небесными наблюдениями»¹.

Подгоняемые попутным северным ветром, корабли быстро продвигались к югу и 26 февраля в 8 часов утра были на несколько секунд южнее мыса Горн. В море встречались касатки (*Delphinus orca*), в воздухе кружились альбатросы, морские ласточки и масса небольших белых птиц (повидимому, доминиканские чайки—*Larus dominicanus*).

К вечеру ветер переменился: стал дуть сильный юго-западный и западный. Ночью была буря, беспрестанно налетали шквалы с дождем и градом. Температура опустилась до 3° С. Команда постоянно находилась наверху, вокруг видели только море и небо с величественными столбообразными снежными облаками. Иногда корабли в тумане теряли друг друга из вида, и тогда моряки палили из пушек,

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. 1, стр. 110.

жгли на палубах огни, но не всегда получали ответные сигналы.

28 февраля температура опустилась до -10°C . В первый раз за все время плавания остались без горячей пищи. Океан был страшен. Волны носились, как горы, перекатываясь через корабли. «Клокочущие и пенящиеся волны его, подобящиеся возвышению и образу Tenerifского Пика, кидали корабли наши с одной на другую как перо, опуская ж оные к подножию своему, верхи свои разсыпали с шумным треском над нашими головами. Корабль, скатываясь с возвышенных валов, как с крутизны высокой горы, ударялся об другую, тому подобный и, тем размахом опрокинутый, черпал боком своим воду; останавливаясь же от сих толчков, принужден допускать догонять себя таковым же, и пенящимися верхами их покрываться с другой стороны; шкафут корабельный постоянно находился под водою, и матросы обливаемы были с головы до ног»¹. За несколько дней ни на милю не продвинулись вперед.

2 марта шторм утих и наступил прекрасный солнечный день. Матросы сушили платье и постели. 3 марта в 8 часов вечера корабли обошли мыс Горн, путь до которого, от острова Св. Екатерины, прошли в рекордно короткий срок—четыре недели.

Мыс Горн у мореплавателей того времени пользовался дурной славой. Между моряками существовали разногласия, в какое время года лучше его обходить.

«Хотя многие мореходцы,—пишет Лисянский,—опасаются обходить мыс Горн, но по моим замечаниям, он почти ничем не отличается от всех других мысов, лежащих в больших широтах»². Все неудобство здесь заключалось в том, что мыс удален от населенных мест, а многочисленные гавани Огненной Земли в то время были мало известны.

В описании Лисянского содержатся верные и чрезвычайно ценные замечания о погоде у мыса Горн.

От его наблюдательности не ускользнуло круговращательное антициклоническое движение воздуха против часовой стрелки, которое сопровождалось повышением давления и улучшением погоды. Он пишет, что ветер сначала дул к югу, потом к востоку и, наконец, к северу»³.

¹ Ф. Шемелин, ч. 1, стр. 101.

² Ю. Ф. Лисянский, ч. 1, стр. 73.

³ Там же, стр. 75.

Наблюдая за поведением барометра, Лисянский сделал замечательный вывод о различиях климата северного и южного полушария.

«Барометр, по моему замечанию, поднимается у мыса Горна, в ясную погоду, не столь высоко, как в Северном климате той же широты, а в худую опускается гораздо ниже»¹.

Это явление можно объяснить большей континентальностью климата северного полушария.

Командиры кораблей отметили, что морское течение у мыса Горн имеет направление к востоку, но относительно силы этого течения мнения их разошлись. Крузенштерн правильно сообщает, что течение Западного дрейфа имеет большую скорость (за 24 дня «Надежду» снесло к востоку на $3,5^\circ$ долготы), однако Лисянский, полемизируя с ним, приходит к другому выводу.

Проверка убедила русских моряков, что существовавшие в то время карты изобилуют многими ошибками. На английских картах того времени под $46^\circ 37'$ ю. ш. и $58^\circ 15'$ з. д. изображался остров Пенис Дюдозе. Лисянский считает его несуществующим. Лисянский также сомневается в существовании небольшого островка, который английские картографы помещали под $56^\circ 05'$ ю. ш. и 62° з. д., так как, проходя на близком расстоянии (15 м. миль), он не приметил никаких признаков земли.

У мыса Горн несколько дней дули сильные западные ветры при пасмурной и туманной погоде. Только 9 марта установилась тихая солнечная погода. В ясные ночи на небе были видны белые Магеллановы облака².

На $59^\circ 20'$ ю. ш. и $72^\circ 45'$ з. д. Крузенштерн и Горнер производили измерения глубинных температур воды при помощи Гельсовой машины.

Результат оказался следующий:

Температура воздуха	4°C
» поверхности воды	$2\frac{3}{4}^\circ \text{C}$
» воды на глубине 128 м	$2\frac{1}{2}^\circ \text{C}$
» » » » 213,4 м	$1\frac{1}{2}^\circ \text{C}$

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. 1, стр. 75.

² Магеллановы облака—это две звездные системы, расположенные в созвездиях Золотой Рыбы и Тукана, ближайшие к Млечному пути. На фоне южного неба они производят впечатление двух, четко вырисовывающихся туманных пятен. Одно из них называется Большим, другое—Малым.

Южнее мыса Горн корабли были окружены петреями¹, пингвинами и морскими ласточками. В море, как гуси, плавали альбатросы (моряки иногда ловят их удочками, откармливают и употребляют в пищу). Лисянский описывает также птицу, «похожую на Бюфонова костолома (Briseur d'os)»², которая до подъема в воздух некоторое время пробегала по воде.

22 марта корабли пересекли параллель мыса Виктории (северо-западное побережье Магелланова пролива) в расстоянии 650 морских миль к востоку от него. Таким образом Огненную Землю обошли за 24 дня.

От мыса Виктории Крузенштерн взял курс на северо-запад.

Дул свежий южный ветер при пасмурной погоде.

25 марта на рассвете в туманную и бурную погоду корабли разлучились под $46^{\circ}41'$ ю. ш. и 96° з. д.

Первоначально Крузенштерн имел намерение посвятить лето 1804 г. географическим исследованиям в Океании, но на его судне был груз для колоний, и интересы Российско-Американской компании требовали спешной доставки его на Камчатку. Поэтому он решил не заходить к острову Пасхи и направил «Надежду» прямо к Маркизским островам. Лисянский же, следуя инструкции, взял курс к острову Пасхи.

До 31 марта буря продолжалась. Тучи неслись с огромной скоростью, почти касаясь мачт. Лишь 8 апреля установилась тихая погода. Крузенштерн приказал осмотреть матросов, так как «Надежда» десять недель находилась под парусами в плохих климатических условиях. Все оказались здоровы.

10 апреля наступил первый теплый день; чинили паруса. Из трюма вытащили пушки и поставили их на свои места. Гвардии поручик граф Федор Толстой обучал матросов артиллерийской стрельбе. Кузнец ковал топоры и ножи для меновой торговли с населением Маркизских островов. Крузенштерн приказал, чтобы днем выставляли дежурного матроса на салинге, а ночью на бушприте. Тому, кто первый увидит землю, было обещано вознаграждение.

¹ Петреи — морские птицы-буревестники.

² Костоломом называют исполинского буревестника, достигающего 90 см длины и 2 м в размахе крыльев. Он встречается в южном полушарии к югу от 30° ю. ш.

17 апреля на 104°30' з. д. перешли тропик Козерога, и через пять дней на 20° ю. ш., после сильных шквалов, наступил юго-восточный пассат. «Надежда», подгоняемая попутным ветром, быстро приближалась к Маркизским островам.

24 апреля, перед приходом к Маркизским островам, Крузенштерн издает замечательный приказ. Приводим его почти дословный текст:

«Главная цель пристанища нашего на островах Маркизов есть налиться воды и снабжения свежими припасами. Хоть без согласия и доброй воли жителей все сие получить можем, но взаимные опасности запрещают нам прибегнуть к средству сему... Я уверен, что мы оставим берег тихого народа сего, не оставив по себе дурного имени. Предшественники наши, описывая нрав островитян сих, представляют нам его миролюбивым, они расстались с ними со всеми знаками дружбы, то и мы человеколюбивыми поступками нашими постараемся возбудить в них живейшую к нам признательность и приготовить для последовательных соотечественников наших народ, дружбой к Россиянам пылающий.

Дабы избегнуть всех неприятностей, которые только произойти могут от пребывания нашего в островах сих, и достигнуть главной цели нашего пристанища, за нужное считаю сделать следующее уложение. Натурально очень, что по приходе нашем предметы новые возбудят во многих желание иметь их и в такой с большой охотой променивать станут европейский товар свой, состоящий по большей части в безделках, на разные редкости народов сих, но неосторожность сия может иметь весьма неприятные последствия, и островитяны, жадничая иметь вещи наши и получая оные в изобилии за предметы для них мало важные, конечно пожелают наконец для удовлетворения истинной нужды нашей иметь вещи и такого содержания, что мы не в состоянии будем уступить им, почему и запрещается всякому, находящемуся здесь на судне, променять чего-нибудь жителям сих островов. Снабдив же себя всеми припасами, нужными для дальнейшего продолжения нашего вояжа и предохранения здоровья всей команды, я заблаговременно дам знать, чтоб имели еще достаточное время обменивать свои вещи, по желанию и по способам каждого, и чтоб наблюдать лучший порядок в покупке провизии для команды, так и для офицеров, то для того назначается

господин лейтенант Ромберг и доктор Еспенберг, которым только одним учинить сии обмены, почему одному из них быть всегда на судне.

Наистрожайше подтверждается всякому из нижних чинов служителей как на берегу и корабле без особенного приказанья офицеров отнюдь не употреблять в действие огнестрельные оружия. Крузенштерн»¹.

Когда Крузенштерн выяснил, что свиней у островитян получить невозможно, а в кокосах и плодах хлебного дерева недостатка быть не могло, он отменил свое распоряжение².

5 мая в воздухе появилась масса птиц, в море огромное количество рыбок, похожих на сельдей, а также много морских свинок.

Это предвещало близость земли.

6 мая утром увидели плосковершинный с крутыми обнаженными берегами остров Фетугу (по Куку—Гуд), один из группы Маркизских островов, а затем прошли вблизи острова Огиваоа (Доминико). 7 мая подошли к острову Уагуга (Уахуга) и на юго-западе от него увидели остров Уапоа; утесистые скалы придавали ему вид древнего города с высокими башнями. В 5 часов дня подошли к острову Нукагива. Берег его представлял непрерывный ряд каменных возвышенностей.

Голые склоны горных цепей имели унылый вид. Лишь водопады, низвергавшиеся в море с высоты трехсот метров, придавали ландшафту некоторое разнообразие. 8 мая в полдень встали на якорь в порте Анны-Марии.

ПЛАВАНИЕ ЛИСЯНСКОГО К ОСТРОВУ ПАСХИ

25 марта в туманную погоду «Нева» разлучилась с «Надеждой».

Весь день Лисянский стремился отыскать своего спутника, но, видя все усилия бесполезными, направил корабль к острову Пасхи.

¹ Московский Государственный Исторический Архив, ф. семейного архива главного директора Российско-Американской компании М. М. Булдакова: «Приказной протокол, командной», ф. 858. Цитировано по статье Н. А. Гвоздецкого: Первое морское путешествие Россиян вокруг света, «Природа», № 1, 1947 г., стр. 87.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. 1, стр. 143.

Как только погода улучшилась, команда «Невы» занялась приведением в порядок такелажа, пострадавшего от бурь у мыса Горн. На палубу вынесли кузницу и стали ковать топоры, ножи, гвозди и долота для жителей островов Тихого океана.

16 апреля «Нева» подошла к юго-восточной части острова Пасхи, покрытой приятной свежей зеленью. Местами видны были аллеи банановых деревьев и зарослей кустарников, за которыми скрывались жилища.

На следующий день утром подошли к юго-западной оконечности острова, у которой «лежат два камня, из коих один весьма удивительного вида; ибо издали походит на корабль под Грот-брамселем, так что штурман наш счел его за корабль «Надежду»¹.

Обойдя южную оконечность острова, Лисянский направил корабль вдоль западного берега. Не найдя здесь «Надежды», он решил ожидать ее в течение нескольких дней и посвятить это время географическому описанию острова. Повернув корабль к югу, он вторично обошел южную оконечность острова и направился к северу вдоль восточного побережья.

С корабля видны были гигантские каменные статуи, стоящие группами или поодиночке, плантации бананов и сахарного тростника и обнаженные люди, бегущие по берегу вслед за кораблем.

Ненастная погода и отсутствие удобных гаваней побудили Лисянского обогнуть северную оконечность острова и направить корабль в залив Кука. «Обойдя сей остров довольно близко, не нашел я нигде такого места, где бы кораблю на якоре стоять было можно; берега повсюду утесисты, кроме двух небольших заливов на восточной стороне за южную оконечностью, и на северной, не доходя Северного мыса»².

21 апреля «Нева» подошла к заливу Кука. Это было лучшее место для стоянки, но, опасаясь западных ветров, Лисянский не решился встать здесь на якорь.

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 83. В действительности, у южной оконечности острова Пасхи лежат не два, а три скалистых необитаемых островка: Моту Као-као, Моту Ити и Моту Нуи (см. карту острова Пасхи в брошюре: А. Метгак. Introduction à la connaissance de l'île de Pâque, A propos d'une exposition au Musée d'Ethnographie du Tricadero, 1935).

² Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 90.

Чтобы оставить у островитян память о своем пребывании на случай прихода сюда «Надежды», он послал к берегу шлюпку под командой лейтенанта Повалишина. Ему было приказано осмотреть залив, измерить его глубину, раздать жителям различные безделушки и, не высаживаясь на остров, вернуться обратно на корабль.

На берегу собралось до пятисот человек, которые «приметив наш ял, тотчас все бросились к небольшой песчаной отлогости и с крайним нетерпением ожидали его приближения, изъявляя криком свою радость и показывая знаками, где ему удобнее пристать было можно. Увидя, что ял остановился, тотчас бросились в воду около 30-ти человек и, не взирая на сильный бурун, приплыли к оному»¹.

Повалишин одарил их бутылками, медными пятаками, материей и пожами. В два часа дня шлюпка, нагруженная бананами, бататами², иньямом³ и сахарным тростником, вернулась на корабль. В тот же вечер «Нева» покинула остров Пасхи и направилась к Маркизским островам⁴.

Как большинство островов Тихого океана, остров Пасхи имеет несколько имен. Древнее имя «Матакиранги», сохранившееся в памяти у местного населения, давно уже вышло из употребления. Жители соседних островов называли этот остров таинственным именем «Рапа-Нуи». После посещения острова Куком и Лаперузом на многих картах он стал называться «Вайху», или «Вайгу», но это название невер-

¹ Ю. Ф. Л и с я н с к и й, ч. 1, стр. 93.

² Батат, или сладкий картофель (*Convolvulus batatus*—из семейства вьюнковых), широко распространен в тропических странах. Клубни его содержат большое количество крахмала и млечного сока, благодаря чему они очень питательны. Вкус сладковатый, приторный, не особенно приятный. Бататы большей частью употребляются в печеном виде. В настоящее время из них готовятся консервы, мука и спирт. Это—очень урожайная культура. При благоприятных условиях (обилие тепла и влаги) она дает 50 тонн с 1 га.

³ Иньям, или ямс (*Dioscorea alata*—из семейства диоскорейных), широко распространен в тропических и субтропических странах. Клубни его употребляются в пищу, подобно картофелю, хотя у некоторых сортов они содержат летучий яд. При варке или печении он исчезает.

⁴ Е. Глишков неправильно сообщает, что моряки корабля «Нева» высаживались на остров Пасхи (см. Записки по гидрографии, 1941, Приложение № 1, стр. 15).

ное, потому что принадлежит только одной маленькой бухте на южном берегу острова¹.

В описании своего путешествия Лисянский сообщает лишь некоторые отрывочные сведения о природе острова Пасхи и культуре его жителей. «Ежели не можем мы сообщить подробного и точного описания нравов и хозяйства жителей сея среди неизмеримого Океана лежащей земли, то по крайней мере по всей справедливости сказать можно, что внешность ея осмотрена с надлежащим вниманием»². В результате этих исследований Лисянский составил карту острова Пасхи, которая помещена в его атласе под названием: «Остров Рогевен или Св. Пасхи, описанный кораблем «Невою» в 1804 году»³.

Тщательные астрономические наблюдения позволили Лисянскому уточнить координаты острова и исправить ошибку, допущенную в сочинении Кука. По данным Кука, остров Пасхи находится на $27^{\circ}06'$ ю. ш. и $109^{\circ}46'$ з. д. Лисянский же установил положение острова на $27^{\circ}9'23''$ ю. ш. и $109^{\circ}25'20''$ з. д.⁴.

Небольшой⁵, одиноко стоящий остров Пасхи имеет треугольную форму и по форме напоминает Сицилию в миниатюре. У вершин треугольника расположены потухшие вулканы с пологими склонами, имеющие форму усеченного конуса. На севере находится наиболее высокий вулкан Рано-Арои (538 м). В юго-западном углу расположен вулкан Рано-Као (400 м), имеющий обширный кратер, достигающий одного километра в диаметре и 245 м глубины. На дне его находится небольшое поросшее камышом озеро. На восточной стороне острова возвышается знаменитый вулкан Рано-Рараку (300 м). В кратере его были каменоломни вулканического туфа, из которого местные жители высекали гигантских каменных идолов.

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Острова Рапа-Нуи, Питкери и Мангарева. Путешествия, т. II, 1941 г.

² Ю. Ф. Лисянский, ч. I; стр. 89.

³ См. «Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского на корабле «Нева», СПб, 1812, табл. № 3.

⁴ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 97.

⁵ Большинство современных авторов площадь острова Пасхи определяет в 150 км^2 (См. F. Keesing. Native peoples of the Pacific World. New-York, 1945, p. 134).

Иногда эту цифру увеличивают до 179 км^2 . (См. A. Metraux. Introduction à la connaissance de l'île de Pâque, 1935).

Между этими вулканами лежит волнистая равнина с округленными холмами. Всюду видны признаки вулканического опустошения. Холмы покрыты черными кусками лавы, затрудняющими передвижение. Базальт, обсидиан и пористые андезитовые туфы обнажаются в береговых утесах.

Астроном экспедиции Горнер утверждает, что жители острова Пасхи пьют морскую воду, так как в XVIII столетии от вулканических извержений на острове исчезли все источники¹. Это утверждение ошибочно. Во-первых, на острове не обнаружено следов недавних вулканических извержений (вулканы потухли, повидимому еще в третичный период). Во-вторых, утверждение, что местные жители пьют морскую воду, является совершенно невероятным.

Это ошибочное мнение Горнер заимствовал, повидимому, у Лаперуза, который писал, что он сам видел, как на острове Пасхи пьют морскую воду². Лаперуз утверждал также, что на острове нет источников и лишь во влажный сезон имеется вода в ямах у берега моря.

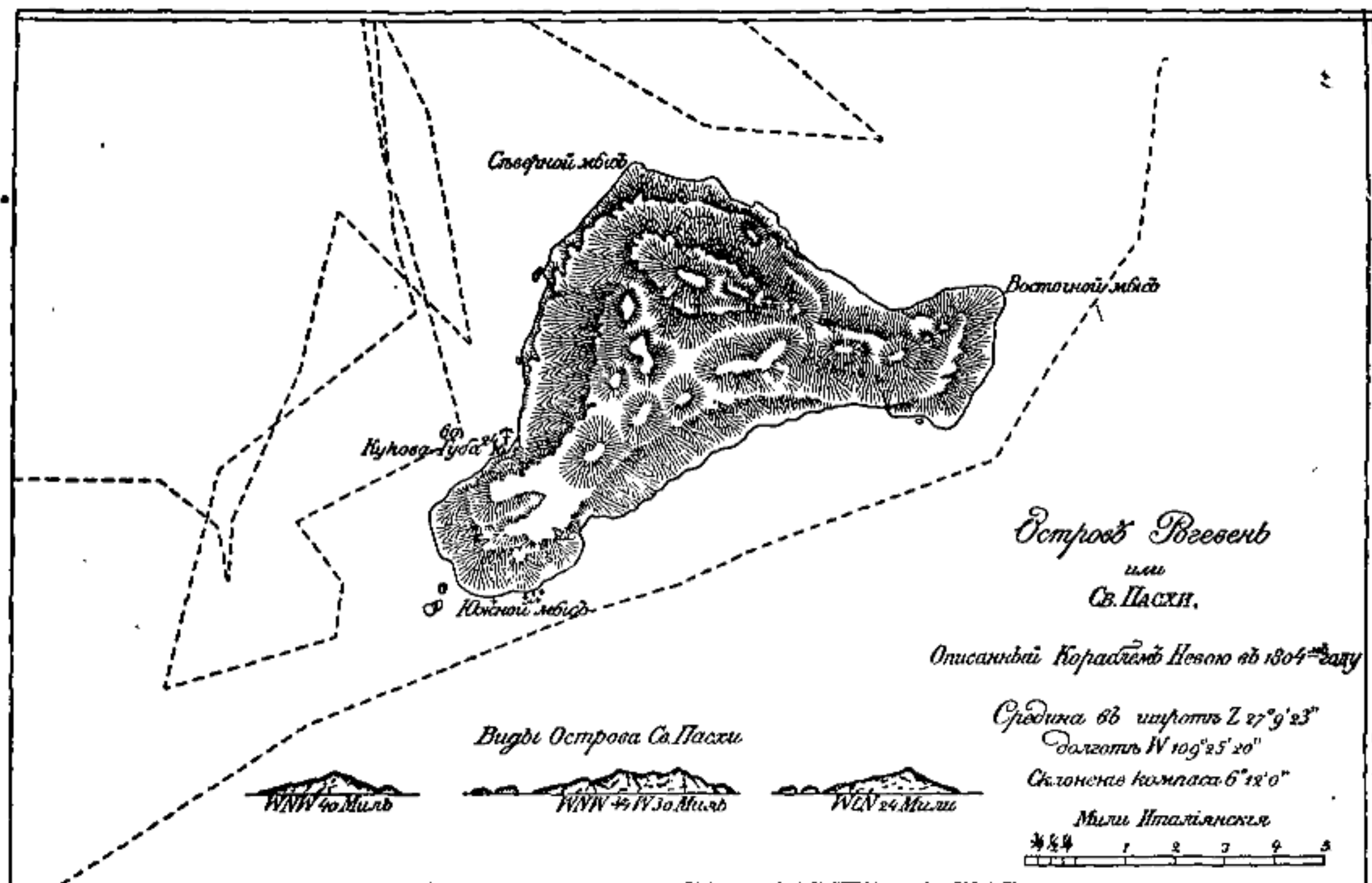
Лисянский не верит сообщению Лаперуза. «По причине не редко случающихся в течение года дождей, могут они без дальнего труда заpastися ею. В западной Индии находится множество островов, не имеющих ни рек, ни источников, однакож обитатели оных, чему я сам был очевидным свидетелем, заменяют недостаток сей, делая обширные ямы в земле и накапливая в оныя зимою такое количество дождевой воды, что во все остальное время года довольствуются ею без всякой нужды»³. Действительно, несмотря на значительное годовое количество осадков (1 300 мм)⁴, на острове Пасхи нет рек и ручьев, так как атмосферная влага просачивается в пористые грунты. Грунтовые воды всюду выходят на поверхность у берега моря. Ямы, виденные Лаперузом, есть не что иное, как колодцы, выложенные камнем, в которых местные жители с древнейших времен накапливали воду. Во время приливов в колодцы иногда проникала морская вода. Это обстоятельство, вероятно, привело Лаперуза и Горнера к неправильному заключению, что жители острова пьют морскую воду.

¹ Горнер. О некоторых достопримечательных свойствах морской воды, «Технологический журнал», т. 5, ч. 3, 1820.

² La Perouse. Voyage autour du monde, т. II, 1791, p. 102.

³ Ю. Ф. Лисянский, ч. 1, стр. 93.

⁴ G. Schott. Geographie des Indischen und Stillen Ozeans. Hamburg, 1935, S. 316.

Карта о. Пасхи, составленная Ю. Ф. Лисянским.
 (Собрание карт и рисунков к путешествию Ю. Лисянского)

Плодородные вулканические почвы и мягкий субтропический климат, схожий с климатом острова Мадейры, должны были бы создать на острове Пасхи роскошную растительность. Однако уже первые европейские мореплаватели, посетившие остров, отмечают, что он до самых вершин покрыт грубыми злаками. «Из деревьев,—пишет Лисянский,—кроме небольших, да и то изредка растущих, нигде и ни каких не примечено, исключая бананы, коими так, как и другими питательными растениями, кажется мне, двадцатая часть острова усажена; остальные же места даже и самые вершины гор поросли низкорастущей травой¹».

Даже на крутых склонах гор располагались поля, разделенные на правильные четырехугольники. Обработка земли сводилась к тому, что палками делались ямки в почве и сажались в них семена. Для удобрения жители вырывали траву и сжигали ее на полях. В дневные часы для защиты от солнца растения прикрывали слоем травы.

Три дня работы обеспечивали местным жителям существование на целый год.

О жителях острова Пасхи мореплаватели XVIII в. писали много баснословного. Так, например, голландский мореплаватель Роггевейн, вернувшись в Европу из кругосветного плавания, писал, что люди на острове Пасхи достигают двенадцати футов роста и в два раза толще обыкновенных людей.

По описанию Лисянского, «островитяне лицом и цветом тела походят на темнооранжевой, или на южных европейцев загорелых от солнечного зноя. По лицу, носу, шее и рукам проведены были у них узенькия синия черты; уши имели они обыкновенныя, сложение тела здоровое, а ростом иные были до шести футов»².

Число жителей острова Пасхи разными авторами оценивалось различно. Кук предполагал, что местное население острова достигает 6 000—7 000 человек. Лаперуз, посетивший остров двенадцать лет спустя, насчитывал не более двух тысяч жителей. Эта цифра вполне соответствует данным Лисянского, который писал: «И так, по мнению моему, на острове Св. Пасхи должно быть всех

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. 1, стр. 98.

² Там же, ч. 1, стр. 95—96.

жителей, по крайней мере, полторы тысячи»¹. В последующие годы европейцы почти полностью истребили население острова Пасхи.

До конца XVIII в. островитяне гостеприимно встречали европейских мореплавателей. В XIX столетии насилия над местным населением принимают чудовищный характер. Особенной жестокостью и бесчеловечностью отличались промышленники Соединенных Штатов Америки. В 1805 г. американские китоловы подошли к острову Пасхи на шхуне «Нанси» и в бухте Кука, после кровопролитного сражения, похитили двенадцать мужчин и десять женщин. После трехдневного плавания их освободили от цепей и, к удивлению американцев, все мужчины тотчас бросились в море и поплыли по направлению к острову. С корабля выслали шлюпки и безуспешно старались их выловить. Расстояние до острова Пасхи было настолько велико, что нет сомнения в их неизбежной гибели².

Такие же методы применяли и другие американские китоловы. Но настоящая катастрофа постигла жителей острова во второй половине XIX столетия. В 1862 г. перуанские работорговцы, прибегнув ко всяким жестокостям, коварно похитили около 1 000 человек и увезли их в рабство на острова Чинча, на разработку залежей гуано. Большинство их умерло в неволе. Небольшая часть, вернувшаяся на родину, привезла с собою оспу, сифилис, туберкулез и другие болезни, которые сильно сократили численность населения и привели его к почти полному вымиранию.

В 1872 г., во время пребывания на острове Пасхи Миклухо-Маклая, оставалось не более 230 человек жителей. Он писал в своем дневнике, что вероятно к концу этого года на острове не останется ни одного местного жителя. К счастью, это предположение не оправдалось и народонаселение острова Пасхи даже несколько увеличилось. В 1945 г. на острове было 500 жителей³.

Лисянский описывает гигантские каменные статуи, стоящие группами или поодиночке на берегах острова Пасхи. «Оне изсечены из камня с весьма грубым изображе-

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. 1, стр. 98.

² Г а р т в и г. Человек и природа на островах Великого океана. М., 1877, стр. 79.

³ F. Keesing. Native peoples of the Pacific World. New-York, 1945, pp. 9—10.

нием человеческой головы с покрывкой цилиндрического вида. Кроме сего примечены нами многия кучи камней с небольшими черноватыми и белыми грудками на верху. Кажется и оне служат вместо каких либо памятников»¹.

Еще первые европейские мореплаватели, причалившие к острову, были поражены обилием высоких каменных статуй. Первое подробное описание их сделал Шамиссо, посетивший остров в 1815 г. на русском бриге «Рюрик».

Размеры статуй варьируют от шести до двадцати трех метров высоты. У некоторых статуй только нос имеет длину семь метров. Их высекали местные жители из цельного камня, взятого на склоне вулкана Рано-Рараку, а затем на камешных катках доставляли к берегу острова, где устанавливали на циклопических каменных платформах («аху»), достигающих трех метров высоты и ста семидесяти пяти метров длины.

Эти монументы представляют грубое изображение человеческого бюста. С особенной тщательностью высечены лица, тогда как все остальное едва имеет человеческую форму. Головы их обычно увенчаны высокими цилиндрическими камнями из красного вулканического туфа. Уши у статуй огромные, повидимому статуи представляли собой могильные памятники, так как внутри каменных платформ, на которых стояли статуи, имелись склепы с человеческими костями. Современное население острова не имеет никакого представления о значении этих памятников.

В наши дни академик Л. С. Берг, пользуясь материалами новейших исследований, писал: «В настоящее время доказано, что монументальные статуи были сооружены полинезийцами, заселившими острова в XI—XII вв. и по ныне живущими там»².

В более поздние времена вместо статуй здесь стали сооружать небольшие каменные пирамиды с верхушками, выкрашенными известью, которые и видел Лисянский.

Лисянский за три дня, проведенных у острова Пасхи, даже не высаживаясь на берег, сделал чрезвычайно ценные наблюдения над природой острова Пасхи и культурой его жителей. Он также составил карту этого острова, которая была точнее всех карт, составленных предшествующими мореплавателями.

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. 1, стр. 92.

² Л. С. Берг. Н. Н. Миклухо-Маклай, как путешественник. Изв. Гос. Географ. общ. LXXI, вып. 1—2, 1939, стр. 16.

СТОЯНКА У ОСТРОВА НУКАГИВА

Маркизские острова, расположенные между $9^{\circ}27'$ — $10^{\circ}25'$ ю. ш. и $138^{\circ}21'$ — $139^{\circ}8'$ з. д., состоят из пяти гористых островов: Фатугива, Монтана, Гиваоа, Тауата и Фетуга. Самый крупный из них—остров Гиваоа занимает площадь в 400 кв. км.

К северо-западу от Маркизских островов лежит другая группа островов, простирающихся от $7^{\circ}37'$ до $9^{\circ}29'$ ю. ш. и от $139^{\circ}9'$ до $140^{\circ}20'$ з. д. Она состоит из восьми островов, наибольший из которых, остров Нукагива, имеет в окружности более 110 км, а площадь, равную 482 кв. км. (Эту группу островов Крузенштерн называет Вашингтоновыми).

На современных картах Маркизские и Вашингтоновы острова, площадь которых исчисляется в 1 269 кв. км¹, объединяются под одним названием Маркизских островов (Iles Marquesas)².

7 мая 1804 г. к гавани Анны-Марии (местное название ее Тайегоа), расположенной на южном берегу острова Нукагива, подошел русский корабль «Надежда». Едва «Надежда» встала на якорь, как с высоких береговых утесов бросились в море мужчины, женщины, дети и с невероятным шумом и смехом поплыли к кораблю. Это были местные жители.

Почти без приметного движения рук и ног, подобно рыбам, с невероятной скоростью плавали они вокруг корабля. Некоторые женщины плавали с детьми на плечах, другие с большой палкой, к которой были привязаны вещи. Многие из них могли находиться в воде с утра до вечера. Даже шестилетние дети плавали вокруг корабля без отдыха по шести-восемь часов. Проголодавшись, они здесь же, в воде, ели кокосовые орехи.

Заботясь о предупреждении цынготных заболеваний среди команды, Крузенштерн распорядился сделать здесь большой запас кокосовых орехов, которые можно долгое время сохранять.

«Главное наше упражнение во весь сей день,— пишет Шемелин,—было в обдирании с кокосов коры,

¹ F. Keesing. Native peoples of the Pacific World, New-York, 1945, pp. 134—137.

² Ввиду того, что эти острова названы в честь маркиза Мендозы, правильнее было бы называть их по-русски Маркизовы острова.

В разламывании ореховой скорлупы и в доставании сладкого и прохладительного сока. С каким удовольствием утоляли мы жажду свою сим здоровым и наивкуснейшим напитком. В вечеру на ужин были поданы нам вареные хлебные плоды или яблоки, коих белое, вкусное и питательное тело весьма подходит вкусом к европейскому печеному пшеничному хлебу»¹.

В свою очередь, моряки одарили островитян различными семенами европейских растений, живыми курами и утками. По приглашению моряков многие из них входили на корабль.

К удивлению моряков, среди коренных жителей оказались два европейца: англичанин Робертс и француз Ле-Кабри из города Бордо.

Робертс прожил здесь семь лет. Судя по его словам, он был высажен на остров с английского купеческого корабля взбунтовавшимися матросами, к которым он не пожелал присоединиться.

Француз Ле-Кабри, по его уверению, десять лет назад добровольно покинул свой корабль. Он так сжился с местным населением, что с трудом мог говорить на родном языке, тогда как англичанин хорошо помнил свой язык и служил русским морякам переводчиком во время их пребывания на Нукагиве.

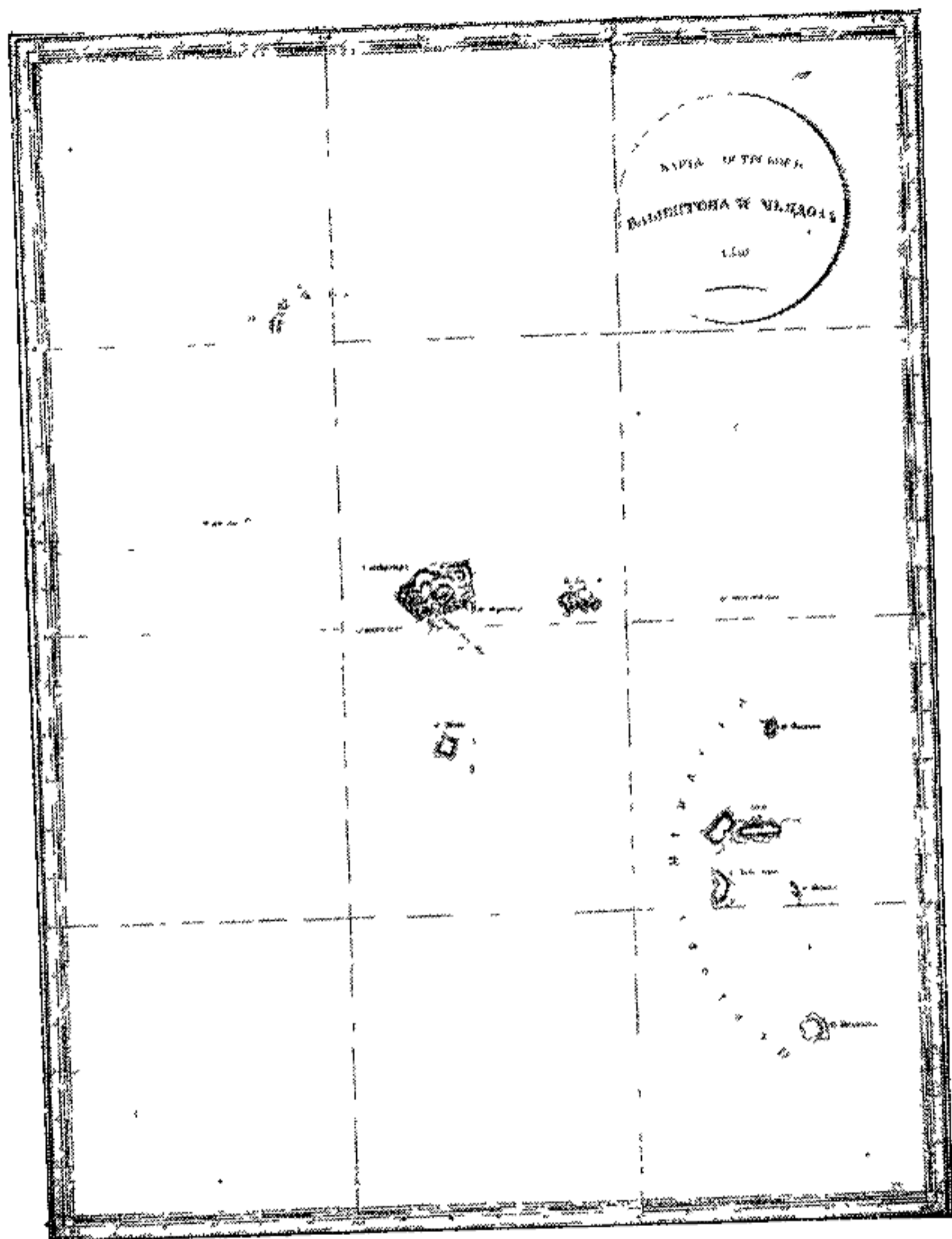
По внешнему виду они почти ничем не отличались от островитян.

Одежда их состояла только из одного узкого пояса, а тела и лица были сплошь татуированы. Между собою они находились в постоянной вражде, доходившей до вооруженных схваток. Оба были женаты на местных женщинах (француз имел даже двух жен).

Через несколько часов после прибытия «Надежды» к острову Нукагива, в небольшой пироге, выдолбленной из ствола дерева, прибыл король (верховный вождь) прилегающей к заливу местности Тапега Каттанова.

Это был стройный и сильный мужчина лет сорока пяти. Все его тело, лицо и даже выбритые части головы были сплошь покрыты татуировкой. Крузенштерн подарил ему бразильского попугая, нож и четырнадцать метров красной материи, которой он тотчас же опоясался. Родственники короля также получили подарки.

¹ Ф. Шемелин, ч. 1, стр. 112.

Карта Маркизских островов, виденных
с корабля «Надежда» 6 и 7 мая 1804 г.
(Атлас к путешествию вокруг света капитача Крузенштерна)

Король встретил путешественников за несколько сот шагов от своего дома и проводил их внутрь помещения, где было в сборе все его семейство. Моряки роздали им подарки. Оказалось, что виновником недоразумения был француз. Он заявил, что русские намерены арестовать короля и заковать его в цепи, так как островитяне отказались доставить на корабли свиней. Островитяне приняли его слова за правду, так как незадолго до этого один американский капитан, прибывший на остров, арестовал брата короля, чтобы обезопасить себя заложником.

Дружеские отношения были вновь восстановлены.

Селение, в котором жил король, содержалось в большой чистоте и порядке. Вблизи каждого домика находился небольшой огород, обнесенный красивым забором. Насаждения корня таро и кусты бумажной шелковицы (*Morus papirifera*) заботливо культивировались местными жителями.

Обратный путь от дома короля до баркаса моряки совершили другой дорогой. Они посетили местное кладбище. Толпа мужчин, женщин и детей сопровождала путешественников. Во время привалов островитяне взбирались на деревья и сбрасывали на землю кокосовые орехи. Другие ловко раскалывали их камнями, очищали от скорлупы и угощали усталых путешественников.

Свои впечатления об экскурсии по острову Нукагива красочно описывает Шемелин: «Во время, пока упражнялись спутники мои, один в рисовании картин с предметов, взор его обвораживающих, а другой в собирании растений, достойных внимания ботаников, я, сидя под тенью густолиственного дерева, с восхищением рассматривал окружающую меня красоту природы. С какою сладостию чувствовал я, что нахожусь не на корабле в Констанпельской, где гнилый и задушающий воздух привел в крайнее изнурение мое здоровье, но дышу чистейшим врачующим и ободряющим ослабевшие мои силы воздухом. Здесь недалече от меня находятся кустарники, усыпанные карнатными цветами, при корнях которых журчат источники чистейшей воды. Множество новых пород прекрасных птичек, кои, порхая по кустарникам или скрываясь в густоте ветвей древесных, сладким пением своим, раздающимся по всей долине, приводили в приятное изступление и придавали еще более красоты природе.— Там вижу я, как одарен-

ный живостию и проворством островитянин, с легкостью подобно мартышкиной, взбегает к кудрявой вершине гордого кокоса, обрывает его орехи и повергает на землю; другой ломает сучья хлебного дерева с созревшими плодами; третий в своем огороде обрезывает тяжелые кисти, обремененные бананами; четвертый вырывает из земли иньямы и пататы. И все спешат к кораблям, дабы за оныя получить от иностранцев малый кусок низкого металла, необходимо для них нужного.

Несколько молодых прекрасных женщин, влекомых любопытством, пришед, сели подле меня в кружок. Я ласкал маленьких их ребятишек, и они скоро, привыкнув ко мне, смело и безбоязненно играли со мной. Некоторые из сих приятных женщин потчивали меня бананами, другия подносили кокосоваго соку, раствореннаго водою, которым я с приятностию утолял свою жажду. Две из тех, кои меня угощали, старались дать мне приметить, что они за то ожидали нечто в воздаяние себе, и я охотно подарил им по небольшому медному гребешку, а прочим дал по три светлых металлических пуговицы»¹.

Русские моряки относились к местным жителям дружелюбно и гуманно. Они были удивлены их честностью и вежливостью. «Сии островитяне,—писал Лисянский,—обходились с нами, как бы со старинными своими знакомыми или друзьями. Они весьма честно меняли свои плоды и другие редкости, даже так были вежливы, что каждый из них, желая возвратиться на берег, просил у меня на то позволения»².

Совершенно иначе относились к жителям Полинезии иностранные мореплаватели.

Так, М. И. Ратманов, характеризуя английского мореплавателя Джемса Кука, писал: «Ежели рассматривать все то, что он сделал для рода человеческого—ужаснуться должно. Он при открытии разных народов Южного океана стрелял, резал уши тем, которые его почти богом почитали и ни в чем ему не сопротивлялись. Конец жизни сего мореплавателя доказывает возмутительный его характер и грубое воспитание»³.

¹ Ф. Шемелин, ч. 1, стр. 121—122.

² Ю. Ф. Лисянский, ч. 1, стр. 105.

³ М. И. Ратманов. Выдержки из дневника кругосветного путешествия на корабле «Надежда». Газета «Яхта», 1876 г., № 16.

Лейтенант Левенштерн, посланный для осмотра южного берега Нукагивы, донес начальнику экспедиции, что он открыл прекрасную бухту.

Два дня спустя Крузенштерн и Лисянский с несколькими офицерами и натуралистами на шлюпке отправились осматривать новую гавань. Крузенштерн назвал ее портом Чичагова. Местность, прилегающая к заливу, была прекрасна. Широкая населенная долина, окруженная высокими лесистыми горами, орошалась стремительными горными источниками. Один из них, представляющий небольшую горную речку, Лисянский назвал Невкою¹. Обрато на корабль моряки вернулись к вечеру, а ученые экспедиции Тилезнус и Лангсдорф, сопровождаемые Робертсом, шли берегом острова и возвратились только следующим утром.

18 мая «Надежда» и «Нева» покинули остров Нукагива и взяли курс к Сандвичевым островам.

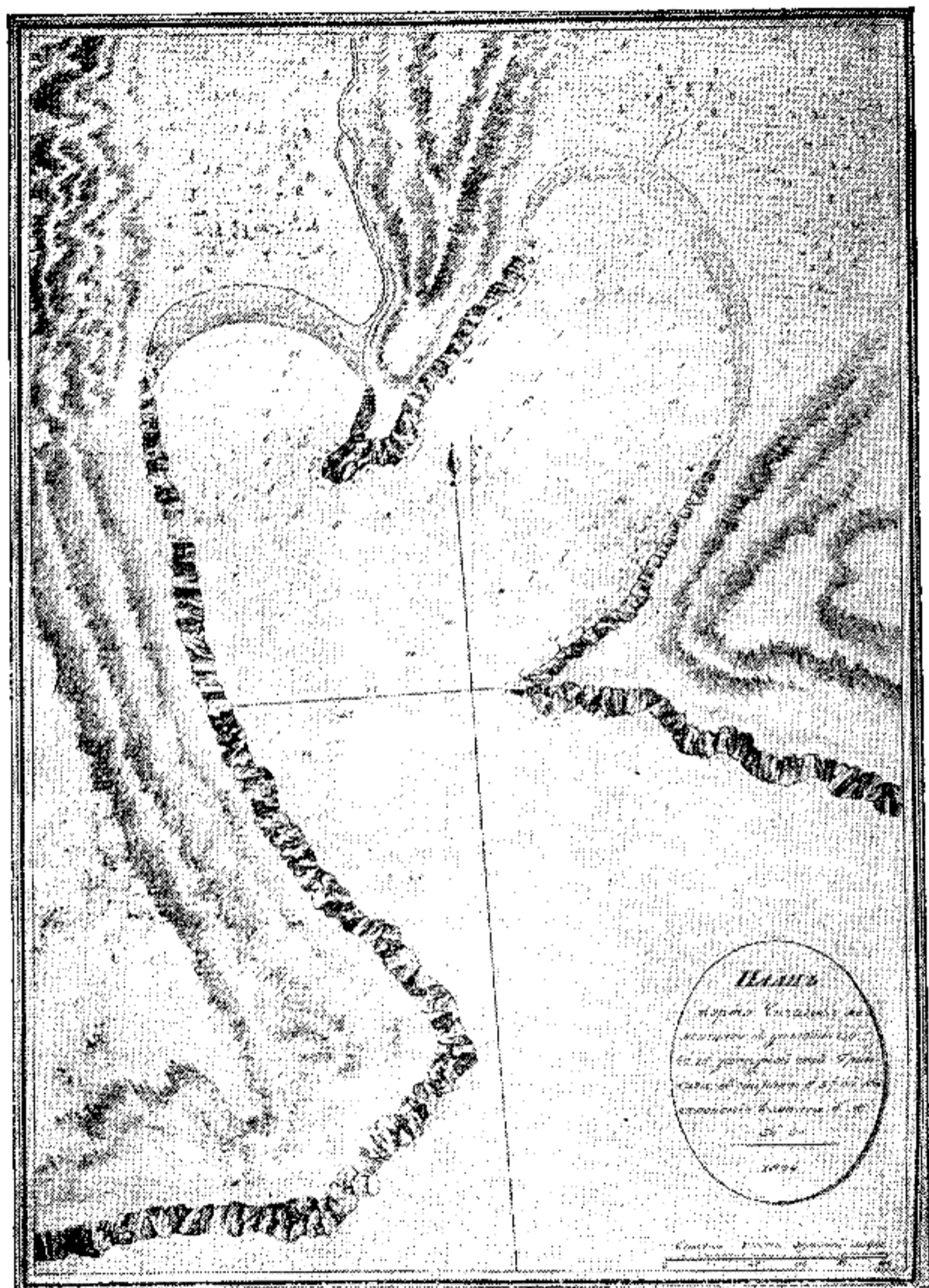
После ухода «Надежды» и «Невы» Маркизские острова вскоре лишились своей независимости. В октябре 1813 г. американский капитан Керр-Портер подошел к острову Нукагива и бросил якорь в гавани Тайегоа. После ряда кровавых сражений с местным населением он построил укрепленный лагерь, над которым поднял американский флаг, и объявил остров Нукагива владением Соединенных Штатов Америки. Пробыв на острове шесть недель, Портер покинул его, оставив в крепости лейтенанта Гамбля с отрядом в двадцать человек. Ожесточенное сопротивление жителей заставило Гамбля покинуть этот остров².

В последующие годы торговля сандалом³ и китовые

¹ См. План губы Жегауе (Чичагова). «Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского на корабле «Нева», СПб, 1812 г., табл. № 4.

² Кровавые расправы американских колонизаторов ожесточили островитян, и они стали мстить всем европейцам. В 1826 г. в гавани Чичагова бросил якорь русский корабль «Кроткий» под командой капитана Врангеля. 16 апреля островитяне без всякого повода напали на шлюпку и убили мичмана Дейнбера и трех моряков. Чтобы избежать кровопролития, Врангель ушел из гавани, не мстя. («Плавание шлюпа «Кроткого» под начальством капитана Врангеля», статья в Зап. Уч. комитета Морского штаба, СПб, 1828 г., ч. 1, стр. 144—149).

³ Сандаловое (сандальное, санталовое) дерево—род деревьев из семейства санталовых, дающих ароматическую, богатую эфирными маслами древесину. Используется сандаловое дерево в парфюмерии, медицине и технике.

План залива Чичагова на о. Нукагива
 (Атлас к путешествію вокругъ света капитана Крузенштерна)

промыслы нередко приводили островитян к сношениям с европейцами.

В 1840 г. к острову Тауата подошел французский военный бриг «Le Pylade» под командой капитана Бернара. С этого времени Маркизские острова попали под французский протекторат. Вскоре остров Нукагива стал центром французских владений на Маркизских островах.

В 1804 г. на одном только острове Нукагива Крузенштерн насчитывал около 12 тысяч жителей. «Судя по острову, — читаем мы у Крузенштерна, — имеющему в округности более 60 миль, по особенно здоровому климату, по умеренному употреблению кавы¹ и по неизвестности здесь любострастного яда, сие население очень малоллюдно»².

Частое общение с европейцами привело к быстрому вымиранию коренного населения вследствие жестокой эксплуатации и завезенных болезней, главным образом сифилиса и проказы.

В настоящее время на всех Маркизских островах сохранилось всего лишь 2 500 местных жителей³.

Наряду с уничтожением и порабощением коренного населения, колонизаторы вели ожесточенную борьбу с местной культурой. Уже к началу XX в. была разрушена общинная земельная собственность, составлявшая основу социального устройства жителей острова Нукагива.

Крузенштерн и Лисянский сделали первый научный вклад в изучение Маркизских островов. Крузенштерн впервые установил местные названия отдельных островов, которые удержались на картах до настоящего времени. В результате проведенных здесь многочисленных астрономических наблюдений было уточнено положение всей островной группы и создана специальная новая карта, вошедшая в «Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна» под названием: «Карта островов Вашингтоновых и Мендозы»⁴.

Кроме того, были сняты планы заливов Анны-Марии (Тайегоа) и Чичагова, также вошедшие в атласы к путеше-

¹ О приготовлении кавы смотри ниже.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 216—217.

³ F. Keesing. Native peoples of the Pacific World, New-York, 1945, p. 9—10.

⁴ Карту Маркизских островов составил также Лисянский.

ствию Крузенштерна и Лисянского. Крузенштерн, Лисянский и ученые экспедиции, как можно видеть из их дневников, подробно исследовали остров Нукагива в географическом и этнографическом отношениях.

За время пребывания среди «нукагивцев», как называли их Крузенштерн, был собран богатейший научный материал, который не утратил своей ценности и до наших дней, так как по времени это было первое этнографическое описание жителей острова Нукагива. Предшествующие мореплаватели производили лишь общие описания по наблюдениям с кораблей. Из них только Гергест в 1792 г. на несколько часов высаживался на берег в бухте Анны-Марии. Кроме того, ценность этнографических исследований Крузенштерна и Лисянского состоит еще в том, что они описали многие обычаи нукагивцев, которые после них никем уже не наблюдались.

Русские моряки собрали обширную коллекцию оружия, орудий и предметов домашнего обихода местного населения.

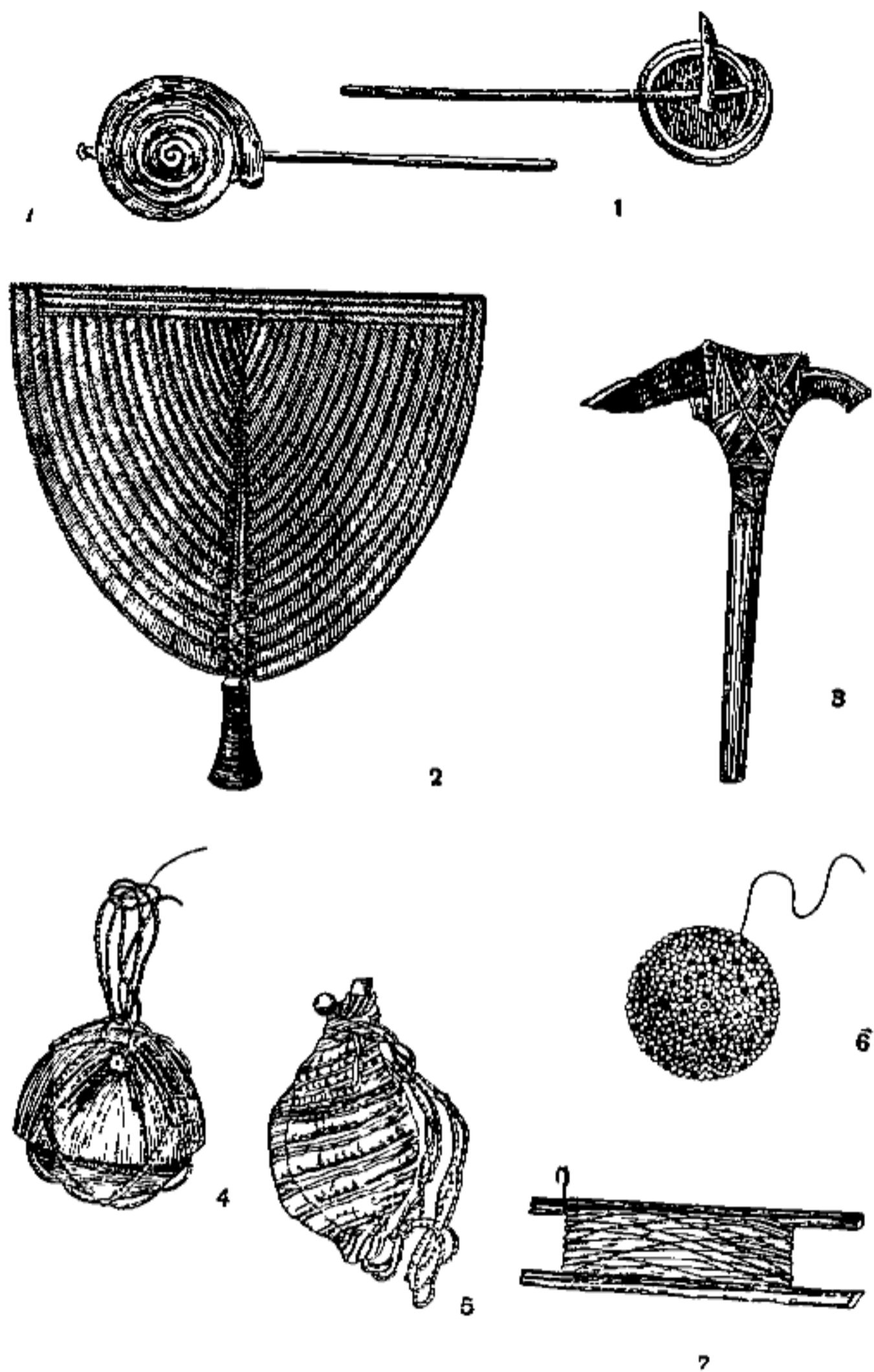
Тилезиус записал слова и сочинил музыку народной песни жителей острова Нукагива.

По материалам, собранным участниками первой русской кругосветной экспедиции, можно дать следующее описание острова Нукагива.

Остров Нукагива имеет более ста десяти километров в окружности. Южный берег его состоит из высоких, обрывистых диких скал, с которых низвергаются в море красивейшие водопады. Черные базальтовые скалы стеною выступают из моря¹. Берег образует три значительных залива. На юго-восточной стороне—залив Гоме (Controllers bay). На середине южного берега расположен прекрасный залив Тайегоа (названный Гергестом заливом Анны-Марии).

У входа в залив по обеим сторонам стоят маленькие скалистые голые островки, отделенные от берега узкими каналами. Восточный островок местные жители называют Маттоу (что значит «удочка»), а западный носит шуточное название Мутанос (что значит «великий остров»). Бухта расширяется круглым амфитеатром, окруженным

¹ У берегов отсутствуют коралловые рифы, так как Маркизские острова лежат у южной окраины наиболее холодной части приэкваториальных вод.

Украшения, оружие и предметы быта жителей
Вашингтоновых островов:

1—Серьги из раковин. 2—Парадный веер. 3—Каменный топор. 4—Посуда из калабаша (тыквы). 5—Раковина—музыкальный инструмент. 6—Шар, украшенный красным кораллом, применяется для игры. 7—Уда с леской

(Собрание карт и рисунков к путешествию
Ю Лисьянского)

высокими горами. В трех милях к западу от порта Анны-Марии расположен наиболее удобный залив Чичагова, открытый Крузенштерном.

Западные и восточные берега Нукагивы каменисты и не имеют хороших гаваней, лишь на северо-западной стороне имеются удобные населенные бухты. Северо-восточная оконечность острова также имеет хорошую гавань, которую открыл капитан Лисянский.

Вся внутренняя часть острова состоит из высоких, большей частью голых базальтовых гор, на вершинах которых имеются озера. Горы прорезаны узкими ущельями. С шумом несутся по ним горные потоки, образуя красивые водопады. На склонах встречаются минеральные источники. Долины отделены друг от друга зубчатыми каменными гребнями гор и доступны только с моря. Лишь узкие и опасные тропинки ведут в глубину острова. Наивысшие точки острова достигают 1 200 м над уровнем моря.

Там, где долина выходит к морю, обычно образуется участок плоского аллювиального побережья, на котором образуются поселения.

Климат острова — самый здоровый в Полинезии. Жители почти не знали болезней и многие доживали до ста лет. Летом и зимой на Нукагиве термометр редко опускается ниже 22°C. В бытность здесь «Надежды» в мае температура поднималась выше 31°C. «Не взирая на толь высокие жары, климат самый здоровый. Лучшего климата представить не можно. На островах сих, как вообще между тропиками, в зимние месяцы¹ идут обыкновенно дожди, но здесь против других мест они реже и не столь продолжительны. Не редко случается, что в десять месяцев и более не упадет ни капли. Если сие к несчастью случится, то всеобщий голод неизбежен»². Неудивительно, что нукагивцы были людоедами.

Юго-восточный пассат, который туземцы называют «тиутин», приносит обильные осадки, освежающие зелень, соответствующей части острова. Осадки выпадают главным образом в летние месяцы (с ноября до апреля). Особенно сильные дожди идут осенью. Годовая сумма осадков превышает 3 000 мм.

¹ Крузенштерн имеет в виду зиму северного полушария.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 182.

В летние месяцы часто дует также юго-западный ветер, называемый островитянами «туватан», которым они пользуются при переправах с острова на остров. Весною и зимою дуют очень сильные северные и северо-восточные ветры, называемые у местных жителей «тукуагу». Здесь эти бури не вырывают хлебные деревья, как на других островах Полинезии, потому что деревья произрастают в глубоких, защищенных ущельях. Грозы чрезвычайно редки. У берегов обычно дуют слабые бризы.

Остров Нукагива покрыт богатой тропической растительностью. Плоские участки морского побережья поросли рощами кокосовых пальм, которые высоко поднимают свои опахала над темной зеленью бамбука. Из бамбука жители строят свои хижины. Узкие тропинки выются по болотистым берегам ручьев, поросших непроходимой чащей кустарников гуава (*Argus pectatorius*) и низкорослыми пальмами, перевитыми крепкими лианами. исполинские вечнозеленые листья бананов переплетаются с золотыми плодами померанцев. Здесь и там поднимаются густолиственные хлебные деревья (*Artocarpus incisa*), приносящие плоды три раза в год. Самый обильный урожай бывает в январе, меньший—в сентябре, наименьший—в половине июня. Хлебные деревья, бананы и кокосовые пальмы покрывают здесь такие большие пространства, что их можно назвать лесами.

Влажные склоны гор поросли панданусами, бананами, олевритами, шишковатыми стволами кава (*Piper methisticum*) и гигантскими бананианами, раскидывающими свою крону на девяносто метров в диаметре. По измерению Дюмон-Дюрвиля, вблизи бухты Тайегоа один из них имел 23,5 метра в обхвате на высоте двух метров от земли. Таковую же толщину он имел и на высоте двенадцати метров. Рубить бананианы было запрещено, так как местные жители считали их священными деревьями и разводили на своих кладбищах. Рядом с гигантскими бананианами росли такие же огромные деревья южноокеанического каштана (*Inocarpus edulis*), окруженные многочисленными отростками, служащими подпорками. Островитяне пекли и ели плоды каштана, которые созревают два раза в год (в мае и ноябре). Здесь же росли высокие и самые живописные из всех полинезийских деревьев—*Spondias dulcis* (таитские яблони). Их белый ствол с развесистой вершиной, густыми яркозелеными перистыми листьями и золотыми

приятно-кислыми плодами издали привлекает внимание путешественников. Форстер считал, что это дерево отсутствует на Маркизских островах, однако Лангсдорф обнаружил его на острове Нукагива. Здесь же, на увлажненных склонах гор, в изобилии произрастали сандаловые, дынные и свечные деревья. Почва под деревьями была покрыта тучной травой, затруднявшей ходьбу.

Сухие, выжженные солнцем возвышенности, не подвергающиеся воздействию юго-восточного пассата, были покрыты травянистой саванной или кустарниковой чащей дикого сахарного тростника, над которой здесь и там возвышались уныло шумящие казуарины. Из их крепкой древесины местные жители готовили оружие и утварь (обычная в саваннах Полинезии веерная пальма на Маркизских островах не растет). Из питательных растений культивировали бататы, ямс, хлебное дерево, кокосовую пальму и бананы. Горное и болотное таро здесь произрастало в диком виде.

Животный мир острова Нукагива значительно беднее других островов Океании. Из млекопитающих здесь водилась только черная или пепельная полинезийская свинья с длинной мордой, остроконечными ушами, выгнутой спиной и короткими ногами. Некоторые свиньи были приручены человеком, а многие оставались дикими и целыми стадами бродили по горам. Они питались большей частью растительной пищей (старые кабаны легко разгрызали кокосовые орехи). Иногда у морского берега они лакомились моллюсками. На острове во множестве водились крысы, которыми островитяне кормили домашних свиней.

Из пресмыкающихся встречались маленькие неядовитые боа (60 см длиной), ящерицы гекко и сцинки с блестящим на солнце ультрамариновым хвостом.

В реках и ручьях острова водились угри и крабы, а в море во множестве—ярко окрашенные тропические рыбы.

Особенным богатством отличался мир птиц. Беспреданно порхали мухоловки и маленькие голубые попугаи с белой грудью, коралловыми лапками и клювом. Голуби, называемые здесь курукуру; ворковали в темной листве бананианов. На морском побережье белый глупыш¹ преследовал рыбу, и маленькие черные стрижи (салан-

¹ Птица из семейства буревестников, отряда трубконосых.

ганы) вили свои гнезда из затвердевающей на воздухе слюны.

На скалистых необитаемых островах гнездились фазтоны¹ (*Phaeton aethereus*) с белыми перьями и другой вид (*Phaeton foenicurus*) с красивыми черными хвостовыми перьями, из-за которых на него охотились островитяне. День и ночь слышен был его свистящий крик, за который моряки называли его боцманом.

Несмотря на огромные расстояния между островами Тихого океана, полинезийские народы имеют тождественные физические признаки.

Лангсдорф, характеризуя физический облик жителей Нукагивы, говорит, что они ростом, красотой и правильностью черт лица превосходят жителей других островов Тихого океана. Они сложены исключительно пропорционально.

Мужчины имели высокий рост и атлетическое сложение. Среди них совершенно отсутствовали уроды.

Женщины были невысокого роста, но отличались стройностью, пропорциональным сложением и правильными чертами лица.

Цвет кожи у островитян обычно оливково-желтый или буроватый. Женщины, предохранявшие себя от загара при помощи зонтиков или растительных масел, имели более светлую кожу.

Судя по рисункам и описаниям путешественников, местным жителям свойственны несколько выдающиеся скулы, толстые губы, небольшой прямой или несколько вогнутый нос. Глаза большие, черные, немного навывкате. Прямые или волнистые волосы, обычно черные, но встречались и светлые.

«Цвет волос на их головах,—пишет Шемелин,— столь же различен, сколь и лица, у мужчин несколько курчавые и темнорусые с рыжью, а у женщин прямые и по большей части темнорусые»². Женщины носили длинные волосы, которые зачесывали со лба на затылок. Мужчины обычно на середине головы выбривали широкую полосу от лба до затылка, а оставшиеся волосы закручивали и завязывали в узлы, так что издали казались рогатыми. Другие же брили всю голову или только

¹ Фазтоны—морские птицы из отряда аистообразных, подотряда веслоногих.

² Ф. Шемелин, ч. I, стр. 127.

половину. Волосы на бороде и на теле обычно выщипывали. Чтобы тело было блестящее и гладкое, натирали его соком *Hibiscus rosulneus* L. или кокосовым маслом.

О языке жителей острова Нукагива Крузенштерн пишет следующее: «Помещенное в путешествии Кука некоторое количество слов показывает величайшее сходство языков, коими говорят жители островов Сандвичевых и Мендозовых [Маркизских.—В. Н.]. Судя по оному, надобно бы думать, что они могут разуместь друг друга совершенно. Но дикой наш француз не понимал овагигцев вовсе»¹.

Действительно, все полинезийские народы, разделенные огромными пространствами океана, стояли почти на одинаковой ступени развития и говорили на одном языке, наречия которого были обусловлены только местным выговором, так что путешественники, узнав на одном острове несколько слов, могли объясняться на другом, далеко лежащем острове.

Самой характерной чертой океанийской этнографии является тот факт, что полинезийские языки родственны с меланезийскими и малайскими.

Язык полинезийцев довольно сложный и принадлежит к числу агглютинативных (связывающих). Слова состояются из различных элементов. Корень слова остается неизменным, а меняются только придаточные частицы (аффиксы), которые ставятся или перед корнем или в конце слова. Каждое слово и каждый слог оканчиваются гласной буквой. Русские моряки собрали небольшой словарь местных слов и наиболее употребительных выражений на острове Нукагива².

Нукагивцы занимались земледелием. Культивировали преимущественно таро (*Colocasia antiquorum* Schott)³ и ямс (*Dioscorea alata*). Таро родится лучше всего в дождливый сезон, и для него жители выбирают низкие, сырые участки. Так как в тропическом климате плоды скоро портятся, то, чтобы не испытывать недостатка в пище, в

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 237.

² Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 152—159.

³ Таро, или колоказия (из семейства ароидных), культивируется в тропических и субтропических странах. Подземные клубни таро, богатые крахмалом, употребляются в пищу. В сыром виде ядовиты. Молодые листья и черенки употребляются как овощи (по описанию наших путешественников они приятнее шпината).

Сухое время года на возвышенных участках они сажали ямс, любящий большую сухость. На острове культивировали также сахарный тростник (*Saccharum edule*), бананы, кокосовую пальму (она приносит плоды круглый год) и хлебное дерево. Хлебные, кокосовые и банановые деревья почти не требуют ухода. У каждого дома росли насаждения кустарников бумажной шелковицы и других.

Земледелие находилось на низкой ступени развития. Его можно охарактеризовать как мотыжное земледелие (огородничество). Когда землю доводили до полного истощения, тогда в лесах расчищали новые участки путем выжигания. У нукагивцев имелись также зачатки животноводства. Из домашних животных здесь разводили в небольшом количестве свиней и кур. Островитяне занимались и рыболовством. Рыбу ловили большей частью сетями и удочками, причем крючки изготовляли из створок жемчужной раковины. Применялся также следующий способ: собирали корни растущего на камнях ядовитого растения и растирали их между камнями, затем ныряли и разбрасывали их по дну. От этого растения рыба одурманивалась и полумертвая всплывала на поверхность¹. Этот способ чрезвычайно опасен для жизни рыболовов.

«Всякой имеющий у себя несколько земли,—пишет Крузенштерн,—почитает рыбную ловлю презрительным упражнением, почему и занимаются ею одни бедные, лишенные других к пропитанию способов»².

Уровень материальной культуры жителей острова Нукагива соответствовал той стадии развития каменной техники, которая носит название неолита. Характерны шлифованные каменные орудия, сравнительно высокий уровень техники обработки дерева, древесной коры, растительных волокон.

Способ добывания огня самый первобытный—путем трения двух кусков дерева друг о друга.

До знакомства с железом, материалом для изготовления орудий служили камень, кость, раковины и дерево. Полированные каменные орудия изготовлялись путем продолжительного трения одного камня о другой при помощи

¹ И Ф К р у з е н ш т е р н, ч. I, стр. 199.

² Т а м ж е, стр. 200.

воды и песка. Тонко заостренные камни употреблялись для пробурывания дыр в деревянных предметах. Каменный топор изготовлялся из плоского черного камня, который прикреплялся к рукоятке веревками, сплетенными из волокон кокосовой пальмы. Топор являлся главным орудием производства. Он применялся для рубки деревьев, постройки жилищ, пирога, изготовления различной домашней утвари и оружия. Для изготовления более тонких деревянных изделий употреблялись каменные ножи с деревянными рукоятками.

Гончарное искусство жителям острова Нукагива было неизвестно. Домашнюю посуду они изготовляли из скорлупы кокосовых орехов, которую украшали перламутром и костями человеческих пальцев. В употреблении были также деревянные чашки, имеющие форму раковин.

Лисянский пишет, что деревянные чашки так чисто выделаны, как будто выточены на токарном станке. Сосудами для хранения жидкости служили плоды тыквенного дерева. Для удобства ношения их вставляли в футляры с ушками, сплетенные из крепких и гладких веревок, которые делались из волокон кокосовой пальмы. Из подобных же веревок делались рыболовные сети.

Оружие, состоящее из дубины и копья, островитяне делали из крепкой древесины казуарины. Дубина обычно имела 1,5 м в длину и весила около четырех килограммов. Она украшалась самой разнообразной резьбой; на толстом конце ее обычно вырезалась человеческая голова.

Копье, заостренное с обеих сторон, имело 2—2,5 м в длину. В качестве оружия нукагивцы употребляли также пращу, которую сплетали из тонких и крепких шнуров. Из пращи они метко бросали камни до двух килограммов весом и на такое большое расстояние, что они скрывались из виду. Употребление лука, стрел и щита нукагивцам было неизвестно.

Из различных пород деревьев нукагивцы делали длинные узкие лодки-однодеревки. Дно лодки они выжигали или выдалбливали каменным топором из целого ствола дерева. Отделка производилась острыми костями акул или краями створок раковин. Веревками, сплетенными из волокон кокосовой пальмы, к дну лодки нашивались дощатые бока. К корме лодки прикреплялся длинный кусок дерева, в конец которого вставлялась мачта с треуголь-

ным парусом из рогожи. Самая большая лодка, виденная Крузенштерном, имела 10 м в длину и 75 см в ширину и глубину. Все виденные лодки были снабжены балансиrom, состоящим из нескольких жердей, положенных поперек лодки, и шестов, прикрепленных к их концам под прямым углом. Такой балансир сохраняет устойчивость лодки и даже при сильном крене не дает ей опрокинуться. Большие двойные лодки, соединенные общей платформой и снабженные одним треугольным парусом, нукагивцы делали без балансира. При безветрии лодки ходили на веслах. Во время войны длинное весло с круглой ручкой употреблялось также как сабля.

Важным производством нукагивцев являлось изготовление материи, называемой ими «тапа». Материалом для изготовления тапы служил луб молодых хлебных деревьев, из которого выделывалась толстая материя сероватого цвета; она употреблялась на пояса и одежду бедняков; иногда ее окрашивали в желтый цвет.

Другая—тонкая и белая материя шла на одежду и головные уборы более состоятельных людей. Ее изготовляли из коры бумажной шелковицы (*Morus papuifera*). Собрыв кору, мочили ее в пресной воде, а затем колотили деревянным вальком, отчего она расплющивалась, волокна соединялись между собою и составляли ткань. Ее расстилали на земле и высушивали. Путешественники отмечают, что она не отличается большой прочностью.

Главная работа мужчин состояла в постройке домов и изготовлении оружия. У женщин работы было гораздо больше. Они изготовляли ткани, вили веревки, вязали сети, делали веера и другие украшения для себя и для своих мужей.

Жители острова Нукагива жили оседло. Селения их большей частью были расположены вблизи моря, по берегам речек, впадающих в бухты. Хижины стояли под сенью высоких густолиственных деревьев. Около каждого дома находился обнесенный красивым деревянным забором обработанный участок земли.

Жилища нукагивцев представляли длинные узкие строения, различной величины (обычно длина их не превосходила $7\frac{1}{2}$ м, а ширина— 2 — $2\frac{1}{2}$ м). Они стояли прямо на земле без фундамента, но внутри хижины пол обычно был приподнят для защиты от наводнений во время перио-

дических дождей¹. Четыре столба, вкопанные в землю, с положенными на них перекладинами, составляли основу постройки. Стены возводились из бамбуковых жердей. Жерди, составлявшие заднюю и боковые стены, ставились вертикально, а в передней¹ стене они лежали горизонтально, и ее можно было разбирать². Просветы между жердями закрывались листьями кокосовых пальм и папоротников. Благодаря такому легкому способу постройки, хижины были очень прохладны и в то же время хорошо защищали от тропических ливней. Задняя стена обычно делалась в три раза выше передней, поэтому крыша, покрытая толстым слоем листьев хлебного дерева, была наклонна и нависала в виде галереи над низкой стеной.

Хижины не имели окон, и только низкая дверь в один метр высотой вела внутрь помещения, состоящего из одной комнаты, разделенной бревном на две половины. Передняя часть комнаты была вымощена камнем, а задняя устлана травой и покрыта рогожками, на которых все семейство спало вместе без различия родства и пола. Часть комнаты, отгороженная рогожами, служила кладовой для хранения вещей и продуктов.

Стены и потолок украшались кокосовыми орехами, сосудами из тыквы, рыболовными сетями, копьями, топорами и музыкальными инструментами (барабанами). Мебели никакой не имелось. Строили здесь также большие общественные дома-столовые, стоявшие на фундаментах из обтесанных камней. Женщинам вход в эти дома-столовые был запрещен. Строить хижины обычно помогали все соседи.

Нукагивцы до совершеннолетнего возраста ходили нагими. Взрослые надевали на бедра пояс, сплетенный из травы или пальмовых волокон. В дождливое время на спине носили длинные рогожи, спускавшиеся с плеч наподобие одеял.

Женщины употребляли их также для защиты от загара. «Сие называется у них полным нарядом, а запросто ходят совсем нагие»³.

¹ Т и л е з и у с. Известие о естественном и политическом состоянии жителей острова Нукагивы, «Технологический журнал», т. III, ч. IV, стр. 208.

² Ф. Ш е м е л и н, ч. I, стр. 133.

³ Ю. Ф. Л и с я н с к и й, ч. I, стр. 141.

Украшения носили женщины и мужчины. Тилезиус пишет, что островитяне носили на шее ожерелья из свиных зубов, связанных волокнами кокосовой пальмы, или деревянный овальный ошейник, осыпанный кольцеобразными рядами красных зерен (семена *Argus pteratorgius*), приклеенных смолой. Головной убор жителей острова Нукагива состоял из шлема, сделанного из птичьих перьев, или искусно сплетенного венка из кокосовых листьев. У мужчин в мочках ушей были сделаны большие дырки, в которые можно просунуть мизинец. В них вставляли бамбуковые палочки, цветы, свиные зубы или отшлифованные раковины, а иногда гвозди.

Главным украшением нукагивцев являлась татуировка. Это украшение нигде на земном шаре не достигало такого искусства, как на Маркизских островах. Г. Х. Лангсдорф¹ наблюдал способ татуировки на острове Нукагива и подробно его описал. По его словам, эта операция не только мучительна, но и сопряжена с большими расходами, потому что художники, занимающиеся этого рода украшениями, получали большую плату (обычно свиньями). Татуировка производилась в юношеском возрасте и являлась крупнейшим событием в жизни нукагивцев. Ею занимались в специальных домах, объявленных табу. У некоторых мастеров было по три таких дома, и в каждом из них он татуировал одновременно 9—10 юношей.

Татуировка производилась следующим образом: сначала на теле делали рисунок палочкой, которой мешали краску. Орудия татуировки изготовляли из кости крыла фазана (*Phaeton asthergeus*). Один конец кости вставляли в бамбуковую трубочку, а другому придавали форму полумесяца, на котором вырезали пять тонких гребневых зубчиков. Мастер, держа это орудие в левой руке и приставив его к телу, ударял деревяшкой по верхнему концу. Кровавые точки затирались для большей прочности рисунка сажей из сожженного масличного ореха, через час это место воспалялось и опухало. Во время татуировки юношам пить почти не давали.

Первый год накалывались главные фигуры, а затем в течение трех-шести месяцев—промежуточные украшения главных рисунков. Некоторые мужчины на острове Нукагива были так татуированы, что тело их выглядело

¹ G. H. Langsdorff, Bd. I, 1813, S. 155—165.

надлежали большие рощи хлебных деревьев, бананов и кокосовых пальм. Лисянский сообщает, что верховным вождям было дано право «в хороший урожай брать четвертую часть плодов, их подданным принадлежащих, в прочияж времена смотря по обстоятельствам»¹.

«Все что с достоверностью сказать можно,—пишет Крузенштерн,—о преимуществах короля, состоит в том, что он обладает великим имением и потому бывает в состоянии прокормить многих»².

Крузенштерн пишет, что вождь, его родственники, жрецы и некоторые отличные воины имели «общественные столовые», в которых кормили преданных им приверженцев. Сочлены каждого сообщества имели особые знаки татуировки; так, например, в сообществе верховного вождя залива Тайегоа было 26 человек, и все они отличались четырехугольным знаком татуировки на груди. Вступать в подобное сообщество принуждал крайний голод. Это способ порабощения естественной свободы, так как вожди таким путем приобретали большую власть над сочленами своих сообществ.

Несмотря на наличие преданного сообщества, вожди острова Нукагива нигде не достигли деспотической власти, так как этому противились старшины больших семей, владевшие землей, которые представляли высшее сословие в стране. Так, например, без их согласия вождь не мог объявить войну.

Укреплению власти вождей способствовал также культ предков. Он давал вождям право налагать на вещи табу, т. е. посвящать их душам предков. Вожди также почитались народом священными, и до них никто не смел дотрагиваться. «Королевское табу также для них священо, и короли с помощью своих жрецов употребляют оное вместо именных своих повелений»³.

При помощи табу и через жрецов вождям удавалось достигнуть некоторой политической власти. Многого также зависело от личных качеств. Если вождь был храбр и смышлен, то пользовался большим уважением и влиянием. После смерти верховного вождя власть его

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 129.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 202.

³ Ф. Шемелин, ч. I, стр. 130.

переходила по наследству¹ к его старшему сыну. Если сын был малолетний, его заменял старший брат короля.

Жители острова Нукагива вели между собою частые войны. Одним из поводов для войн был обычай принесения человеческих жертв. После смерти влиятельных жрецов приносили в жертву трех человек, трупы которых вешали на кладбище на деревья. Жертвы выбирались не из своего племени, а похищались в соседней области, что вызывало войну².

Войны нукагивцы вели почти непрерывно как на суше, так и на море. Иногда война на море прекращалась и велась только на суше. Крузенштерн рассказывает следующий оригинальный случай. «Сын короля Катонна женат на дочери короля воинов Тай-Пи. Она привезена водою; а потому залив, разделяющий сии две долины есть табу: то есть место священное, возбраняющее всякое кровопролитие. Если разрушится согласие между молодым принцем и его супругою и она возвратится к своим родителям, то война, которую ведут теперь только на сухом пути, может быть и на море. Но когда умрет она в сей долине, тогда должен последовать мир вечный»³. Во время народных празднеств война прекращалась. Знаком перемирия служила кокосовая ветвь, выставляемая на вершине горы.

Постоянных армий у нукагивцев не было, поэтому войны были не особенно кровопролитны. Засады, ловушки, внезапные нападения поодиночке или небольшими группами исчерпывали все тактические приемы местных воинов.

«Хотя прежние путешественники и заключали,—пишет Лисянский,—что здешние женщины не имеют ни к кому супружеской обязанности, но живут по произволу, однакож заключение сие несправедливо. Ибо супружество на сих островах наблюдается так же, как и в Европе; а ежели и есть какая-либо между ими разность, то разве в самых маловажных обстоятельствах»⁴.

По описанию русских путешественников у нукагивцев обычно наблюдалась моногамия, но богатые имели

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 129.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 208.

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 206. См. также Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 129—130.

⁴ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 133.

столько жен, сколько хотели или могли прокормить. Иногда число их доходило до восьми. Встречалось также многомужество (полиандрия), которое являлось, по видимому, пережитком группового брака.

Среди нукагивцев был распространен также обычай предоставлять жену в распоряжение гостя. Браки заключались с согласия родителей и по свободному выбору жениха и невесты. При этом жених делал подарок родителям жены. Если родители не давали согласия на брак, молодые убегали в лес и строили там себе хижину. Брачные союзы заключались без особенных торжеств.

Рождение детей казалось островитянам таинственным и нечистым. Беременная женщина удалялась в отдельную хижину, которая считалась табу. К ней допускались лишь немногие женщины¹. Через несколько дней после рождения ребенка устраивался пир, во время которого убивали много свиней. Детей своих нукагивки обычно не кормили грудью: «Когда родится дитя, то ближайšie родственницы стараются наперерыв заступить место няньки; берут дитя от матери в дом свой и кормят его не грудью, а плодами и сырою рыбою»².

Религия нукагивцев осталась недостаточно выясненной в трудах русских мореплавателей. «Судя по тому, — пишет Лисянский, — что у нукагивцев есть жрецы, они должны иметь и веру, но в чем она состоит, неизвестно»³. Религия островитян состояла в почитании определенных божеств общего и местного характера.

В течение всей своей жизни нукагивец был проникнут страхом и верою в неведомых духов и привидений. «Верят существованию нечистых духов, которые будто бы иногда приходят к ним, свистят и страшным голосом просят пить кавы и есть свинины. Никто из жителей не сомневается, что ежели сии требуемые нечистым духом вещи поставятся посреди дома и чем-нибудь покроются, то, конечно, через некоторое время они совершенно исчезнут»⁴.

По описанию наших мореплавателей у нукагивцев наблюдалась вера в волшебство.

¹ Ю. Ф. Лисянский, стр. 135.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 157—158.

³ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 130. См. также И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 208

⁴ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 145

Сравнительно подробно мореплаватели описывают погребальные обряды нукагивцев. Тело умершего прежде всего обмывали, а затем клали на доску посредине комнаты. Родственники и знакомые рыдали над трупом, царапали свое тело до крови зубами животных и острыми раковинами. Здесь же можно было слышать и ужасный смех. Затем труп выносили и выставляли на деревянный помост перед домом. После этого начиналось пиршество с участием жрецов, но без женщин. Для пира убивали половину свиней умершего. Головы свиней обрезали и приносили в жертву богам (жрецы потом съедали их тайком от народа). Жрец на пир приносил четыре барабана и в такт ударам лопотал непонятные слова. Тело умершего в течение нескольких месяцев родственники натирали кокосовым маслом, отчего оно делалось крепким, как камень (превращалось в мумию). Затем покойника оборачивали кусками материи, смоченной в кокосовом масле. После этого устраивалось второе пиршество, во время которого тело разламывали на куски и клали в ящик, сделанный из хлебного дерева, который относили на кладбище. Женщинам на кладбище входить запрещалось под страхом смерти.

В военное время трупы умерших сразу зарывали в землю, чтобы они не попали в руки неприятеля. Считалось позором, если враги украдут труп и похоронят его у себя. В таких случаях похитители отрезали голову умершего и, привязав ее к ноге, носили в виде трофея. Тени этих непогребенных людей, по верованию островитян, преследуют переживших их родственников. Чтобы сделать себя неузнаваемыми для духа умершего, родственники мазали лицо и все тело грязью или краской; имя умершего никогда не произносилось и даже тескам его давали другие имена.

Проявлением религиозных верований местных жителей являлось также табу. Табу—это запрещение, установленное советом жрецов или старшин, пользоваться неодушевленными предметами или живыми существами. Запрещенный предмет признавался как бы временным вместилищем божества и пользовался благоговейным почитанием. Табу носит различный характер: политический или религиозный, общий или индивидуальный, ограниченный временем или постоянный

Кладбище (морай) на о. Нукагива
(Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна)

Табу обычно использовалось жрецами и старшинами для укрепления своего влияния. Особенно жестоко поражало оно женщин, которых подвергало ужасной неволе.

НА ПУТИ В КАМЧАТКУ

17 мая утром «Надежда» и «Нева» снялись с якорей. Ветер дул порывами и менялся почти каждое мгновение. Сильное течение увлекало «Надежду» к отвесной стене утеса. На скалах собрались вооруженные островитяне, некоторые из них плавали возле корабля. Пушечным выстрелом известили Лисянского, что корабль находится в опасности, и он прислал шлюпку, с помощью которой «Надежда» отошла от опасных скал.

Рассчитывая сделать новые открытия, Крузенштерн взял курс на запад-юго-запад.

24 мая установилась тихая погода, и астроном Горнер производил измерения глубинной температуры воды термометром Сикса на $0^{\circ}56'$ ю ш. и $146^{\circ}16'$ з. д. Был получен следующий результат:

1. Температура воздуха и поверхности моря— $26,9^{\circ}$ С.

2. Температура воды на глубине 213,4 м— $14,4^{\circ}$ С.

Гельсова машина на той же глубине показала $23,8^{\circ}$ С. Эта разница произошла, повидимому, от нагревания воды, находящейся в Гельсовой машине, при ее поднятии из глубины.

25 мая в три часа дня второй раз пересekli экватор на $146^{\circ}31'$ з. д. (по хронометрам) и $144^{\circ}56'$ з. д. (по счислению). Из этих данных видно, что за семь дней корабль снесло течением к западу на $1,5^{\circ}$. В связи с этим Крузенштерн пишет: «Впрочем, по примечаниям, учиненным Ванкувером в генваре, Гергестом в апреле, а нами в мае, можно принять, что сии течения к западу на обе стороны экватора суть господствующие»¹.

На следующий день в широте $1^{\circ}12'$ N заметили течение, идущее к востоку-северо-востоку. На другой день опять оно было, как и прежде, западное: «Объяснение разности такого однодневного течения,—пишет Крузенштерн,—не нетрудно»². Таким образом, Крузенштерн впервые установил экваториальное противотечение в Тихом океане, но понять и объяснить его был не в состоянии.

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 164—165.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 229

Несколькими годами позже Крузенштерна экваториальное противотечение в западной части Тихого океана наблюдал О. Коцебу во время второго кругосветного плавания на корабле «Предприятие».

При переходе через экватор от наблюдательности Крузенштерна не ускользнуло некоторое снижение температуры воздуха.

«Два дня уже дул ветер переменный, слабый, прерываемый безветрием; но мы чувствовали, что воздух был приятнее и в сравнении с тем жаром, который переносили мы несколько недель прежде сего, мог назван быть холодноватым, а особливо во время ночи. Термометр показывал впрочем только на $1\frac{1}{2}$ градуса менее, нежели в первые дни бытности у Нукагивы»¹.

Это явление отмечают также Коробицын² и Лисянский³, которые указывают, что не только воздух, но и вода на экваторе сделалась гораздо холоднее.

Впоследствии это было подтверждено и другими русскими мореплавателями: «По приближении к экватору,—пишет Литке,—жар сделался гораздо сноснее. Температура, как воздуха, так и моря, понизилась на $1\frac{1}{2}^{\circ}$ и 2° , что для чувств было весьма приметно. Но в широте 3° и 4° встретили мы прежние жары. Подобное замечание сделал уже Адмирал Крузенштерн»⁴.

С. О. Макаров в Тихом океане, вблизи экватора, между 105° и 120° з. д., также отметил существование области холодной воды, которая на 3° — 4° холоднее окружающей⁵. Точного объяснения существования этой области пока еще нет. Повидимому, понижение температуры происходит здесь от поступления снизу глубинной, более холодной воды вследствие уноса поверхностной теплой пассатным течением, причем главную роль играет противоположное направление отклоняющей силы вращения земли по обе стороны экватора.

27 мая на $2^{\circ}10'$ с. ш. и $146^{\circ}50'$ з. д. в море заметили большую ветку с зелеными листьями, на которой была

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 228—229.

² Н. И. Коробицын, «Записки», стр. 169.

³ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 163.

⁴ Ф. Литке. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах, ч. I, 1834 г., стр. 78.

⁵ С. О. Макаров. «Витязь» и Тихий океан, ч. III, 1894 г., стр. 261.

Таблица 2

Сводка установленных первой русской кругосветной экспедицией 1803—1806 гг. морских течений в бассейне Тихого океана (выборочные данные)

Части бассейна	Господствующее направление течения	Скорость в милях в сутки	Время прохождения судна (месяц)	Примечание
К югу от мыса Горн	ONO и NO	12—15	II	Установлено всеми предшеств. плаваниями
От 43° ю. ш. и 98° з. д. до 23° ю. ш. и 111° з. д.	O и NO	14—15	III—IV	
Между Маркизскими островами и экватором	SW и NW	15	IV	Сильное течен. к зап. сначала к юго-западу, а по приближении к экватору к сев.-западу
При пересечении экватора, на зап. долготе 146°36'	NW	15	V	Течение к сев.-зап. продолжалось и при входе в полосу сев.-вост. пассата
На шир. 1°12' сев. и долг. 146°46' зап.	NO	16	V	Констатировано экваториальное противотечение
В проливе между островом Формоза и островами Баши	NW	21	XI	
На широте 31° сев. и д. 134° вост.	NO	102	XI	
На шир. 34° сев. и д. 169° вост.	NO	11—12		
На проливе Ван-Димена	O		I	Переменные течения, обусловл. приливом и отливом
В проливе Лаперуза	O			Подтверждалось и Лаперузом
Вдоль вост. берега острова Сахалин по всему протяжению	S и SO	до 28	VII	

Части бассейна	Господствующее направление течения	Скорость в милях в сутки	Время прохождения судна (месяц)	Примечание
У мыса Терпения (остров Сахалин) и на 1° к сев. от него	N	8—10	VII	Даже при сильном северном ветре
У сев. оконечн. острова Сахалин (мыс Елизаветы)	N и NO	9—10	VIII	
Между сев.-зап. берегом острова Сахалин и берегом материка в Тагарском проливе	NO		VIII	
В проливе Надежда (Курильские острова)	W		VII	
Вблизи островов «Каменные ловушки» (Курильские острова)	W		V	
Вблизи Сангарского пролива (Цугару) у острова Хонсю	W	Сильное	V	Установлено во время плавания «Надежды» из города Нагасаки к проливу Лаперуза
При прохождении полосы, образующей вход в пролив Сангар, при следовании с юга к северу	OtN	56	V	
Вдоль зап. берега о. Хоккайдо В Южно Китайском море во время плавания от Кантона до пролива Гаспар	Перемен. SW	20	II	Плавание происходило в период господства сев.-вост. муссона

масса мелких тропических птиц и одна большая черная. Моряки думали, что поблизости есть неизвестный остров.

7 июня Крузенштерн и Лисянский первые из русских моряков увидели остров Овиги (по Крузенштерну Овайги), или Гавайи,—самый крупный из группы Гавайских (Сандвичевых) островов, где рассчитывали заготовить свежей провизией. Чтобы не терять времени, не встали на якорь, а пошли вдоль берега, надеясь, что местные жители, увидев их, подвезут продовольствие.

Когда корабли приблизились к острову, навстречу им вышла лодка с островитянами, но в ней, кроме плодов и маленького поросенка, ничего не было. Все это приобрели за высокую цену, так как кроме сукна островитяне ничего не хотели брать. 8 июня была сделана еще одна безуспешная попытка купить провизию, после чего Крузенштерн, не останавливаясь, направил свой путь к Камчатке.

10 июня в шесть часов вечера после троекратного «ура» корабли разлучились. Лисянскому не было необходимости спешить, и он имел возможность заготовить свежей провизией и попутно сделать ряд ценных наблюдений над природой и жителями Гавайских островов.

У острова Гавайи Крузенштерном и Горнером были сверены показания приборов и инструментов с координатами пунктов, определенных астрономическими наблюдениями Кука, Кинга и Ванкувера. Результаты поверки показали большую точность хронометров и высокое качество производства астрономических наблюдений, что позволило Крузенштерну шире развернуть эти работы в дальнейшем.

От Гавайских островов «Надежда» пошла на юго-запад. 15 июля на 17° с. ш и $169^{\circ}30'$ з. д. появилось множество птиц, летающих у корабля стаями. Предполагали, что находятся вблизи острова или надводной скалы.

С 18 июня переменили курс на северо-западный, чтобы скорее достигнуть Камчатки, так как питались одним соленным мясом и сухарями, изъеденными жуком.

Крузенштерн правильно отмечает, что с удалением от экватора и приближением к тропику температура воздуха повышается: «По довольном отдалении нашем к северу сделался ветер слабее и переменнее и воздух гораздо теплее»¹.

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. 1, стр. 244.

22 июня на $178^{\circ}14'$ в. д. пересекли тропик Рака. Солнце стояло в зените, термометр показывал $26-27^{\circ}$ С. Было полное безветрие и море спокойно, как зеркало. Лангсдорф и Горнер со шлюпки определяли плотность морской воды и распределение глубинных температур.

С 16 апреля по 5 июля Горнер также производил наблюдения над колебаниями барометра между тропиками. Наблюдения производились ежедневно, через каждый час, в течение дня и ночи. Это было первое исследование суточного хода давления на океанах под тропиком.

В то время многие ученые Западной Европы изменения атмосферного давления и вообще все изменения погоды ставили в прямую зависимость от притяжения луны и солнца. Горнер при обработке наблюдений пришел к убеждению, что «расстояние луны от земли не имеет, кажется, никакого значащего влияния; величайшие колебания случались в перигеях, в апогеях и при среднем расстоянии»¹. Эта работа для того времени имела большой научный интерес.

На 27° с. ш. установили северную границу северовосточного пассата. Наступила туманная, пасмурная погода с юго-западными ветрами, рвущими паруса.

3 июля Крузенштерн произвел бесполезную попытку отыскать легендарные острова, богатые золотом и серебром (Рика де Оро, Рика де Плата).

В конце XVI и первой половине XVII столетия среди испанцев и голландцев ходили слухи об этой земле, лежащей к востоку от Японии. На поиски легендарных островов различными странами снаряжались экспедиции вплоть до начала XIX в.

По этому поводу Крузенштерн пишет: «Хотя весьма малую имел я надежду быть счастливее моих предшественников в отыскании сего острова, а особливо при пасмурной бывшей тогда погоде, однако, не взирая на то, почитал обязанностью воспользоваться довольно свежим восточным ветром, дабы испытать, не доставлю ли каких-либо сведений о таком предмете, о котором с давних времен многие географы и мореходцы безуспешно помышляли»².

¹ Горнер. О колебании барометра между тропиками. (И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 234).

² И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 249.

Сильные западные ветры и туманы принудили Крузенштерна оставить свое намерение, хотя между 38° с. ш. и 42° с. ш. встречали признаки близкой земли (черепахи, массу китов, уток и старые стволы деревьев).

11 июля на $49^{\circ}16'$ с. ш. и $160^{\circ}11'$ в. д. появились предвестники берега: масса чаек, больших и маленьких буревестников, белых альбатросов и пр. Утром 13 июля мореплаватели увидели Камчатский берег (Шипунский мыс). Огнедышащие горы, покрытые вечным снегом, красивые березовые леса и черные береговые скалы, покрытые тысячами чаек, привлекли взоры мореплавателей.

Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, Крузенштерн сделал много астрономических наблюдений, которые позволили уточнить положение важных в географическом отношении пунктов, ставших основанием при создании карты южного берега Камчатки от Шипунского носа до мыса Лопатки, выполненной экипажем «Надежды» по возвращении из Японии.

15 июля в час дня бросили якорь в Петропавловской бухте после тридцатипятидневного плавания от Гавайских островов.

В то время в Петропавловске насчитывалось всего тридцать деревянных домов. Комендант крепости принял «Надежду» за иностранный корабль и приготовился к обороне. Когда недоразумение разъяснилось, с крепости загремел пушечный салют из одиннадцати выстрелов, и «Надежда» ответила тем же. Прибытие «Надежды» в Петропавловск представляло большое событие, так как это было первое русское судно, пришедшее из далекой Балтики. Всех охватило праздничное настроение. Устраивались вечера с национальными камчадалскими танцами, изображающими медведей, птиц и собак¹. Корабль был оснащён для ремонта. Погруженные в Кронштадте товары и провиант для Камчатки были выгружены на берег. Несмотря на ежедневные дожди и туманы, офицеры и матросы, свободные от службы, каждый день отправлялись на охоту или рыбную ловлю.

За шестинедельную стоянку в Петропавловске «Надежда» была отремонтирована и приготовлена к дальнейшему плаванию в Японию.

¹ Тилезиус записал музыку камчадалской медвежьей пляски («Бахия»). См. И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 188.

12 августа в Петропавловск прибыл губернатор Камчатки генерал-майор Кошелев со своим братом и с отрядом гренадер в шестьдесят человек под командой капитана Федорова.

Путешествие их из Нижне-Камчатска (в то время столица Камчатки) до Петропавловска сопряжено было с большими трудностями, так как пришлось преодолеть расстояние в 700 верст¹. При летнем бездорожье большую часть пути плыли по реке Камчатке против течения в долбленых лодках, напоминающих корыто.

Путники вынуждены были всю дорогу лежать в лодках, вытянувшись во весь рост, а сменявшиеся в каждом селении камчадалы продвигали ее вперед, отталкиваясь шестами.

Следует отметить, что солдаты были доставлены из Нижне-Камчатска по просьбе посланника Резанова, который в письме к губернатору Кошелеву сообщил, что на корабле произошел бунт. Действительно, во время плавания возникли сложные отношения между Резановым, с одной стороны, и командным составом «Надежды», с другой стороны, которые привели к прискорбным столкновениям, едва не погубившим дело всей экспедиции.

С самого начала Крузенштерн был поставлен на своем корабле в двусмысленное положение. Несмотря на то, что корабли принадлежали Российско-Американской компании и, стало быть, были торговыми, их объявили военными, «особливо,—как писал Крузенштерн,—ввиду беспокойного состояния дел в Европе, которая вся вооружена и моря всего света покрыты военными судами и каперами, кои пуцаются беспрерывно не токмо на торговые корабли воюющих наций, но и на суда нейтральные».

Распространение на торговую экспедицию действия военно-морских уставов и права поднимать военный флаг, а также введение воинской дисциплины делали экспедицию ни купеческой, ни военной. Поэтому чрезвычайно усложнились вопросы административного подчинения и юрисдикции.

В инструкции, данной Российско-Американской компанией Резанову 10 июля 1803 г., говорилось, что «сии оба судна («Надежда» и «Нева») с офицерами и

¹ Н. Нозиков (Русские кругосветные мореплаватели, стр. 44) ошибочно сообщает, что от Нижне-Камчатска до Петропавловска расстояние равно 150 км.

служителями, в службе Компании находящимися, поручаются начальству вашему». Резанов назначался «полным хозяйским лицом не только во время вояжа, но и в Америке»¹.

С другой стороны, Крузенштерну Компания также послала инструкцию еще в мае 1803 г., в которой писалось: «Предоставляя полному распоряжению Вашему управление во время вояжа судами и экипажем и сбережение онаго, как частию, единственно искусству, знанию и опытности Вашей принадлежащую. Ныне дополняем сие тем только, что все торговые обороты, наблюдение для сего предмета приличных выгодам Компании мест и все интересы ея, ему (чрезвычайному посланнику и полномочному министру Н. П. Резанову), яко хозяйствующему лицу, в полной мере вверены, то Правление и ожидает от Вас и всех г. г. офицеров, что и Вы по усердию Вашему на пользу Российско-Американской компании, столь тесно с пользою отечества сопряженную, не оставите руководствоваться его советами во всем том, что к выгоде и интересам ея за благо признано будет. О сем от онаго Правления донесено и Его Императорскому Величеству. Мая 21 дня 1803 года»². Следует отметить, что по морскому ведомству Крузенштерн числился начальником всей экспедиции.

Такие неопределенные указания не могли не повлечь за собою недоразумений, каковые и выразились во время плавания в серьезных столкновениях между Крузенштерном и Резановым. Столкновения происходили еще в Копенгагене, у островов Мадейры и Маркизских и, особенно, в Петропавловске-на-Камчатке.

Отрывки из неопубликованных дневников офицеров «Надежды» Левенштерна³ и Ратманова⁴ и статьи, напе-

¹ К. Военский. Русское посольство в Японию в начале XIX века, «Русская Старина», 1895 г., июль, стр. 127. См. также Ф. Ш. (Федор Шемелин). Историческое известие о первом путешествии Россиян кругом света, «Русский Ивалид», 1823 г., №№ 6, 8, 9, 23, 28, 31, 36, 48.

² К. Военский. Русское посольство в Японию в начале XIX века, «Русская Старина», 1895 г., октябрь, стр. 204.

³ Дневник Левенштерна, как указывает А. С. Сгибнев, находился в архиве г. Ревеля (Таллина).

⁴ «Журнал» М. И. Ратманова хранится в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, шифр 68/39. Выдержки из «Журнала» Ратманова были напечатаны в журнале «Яхта», 1876 г., № 8/16, 18 и 24.

чатанные А. С. Сгибневым в сборнике «Древняя и Новая Россия», 1877 г., т. I, ноябрь, № 4, и Л. Иллалашевичем в морской газете «Яхта», 1875 г., № 11, рассказывают, что в Петропавловске Резанов грозил офицерам «Надежды» эшафотом и пытался организовать суд над Крузенштерном, как зачинщиком бунта. Кошелев на это не согласился. Тогда Резанов отстранил Крузенштерна от начальства над кораблем и предлагал всем офицерам экспедиции по очереди взять на себя командование для продолжения плавания в Японию, но они все отказались, приняв сторону Крузенштерна.

Губернатору Камчатки Кошелеву удалось примирить враждующие стороны и тем спасти экспедицию от неминуемого развала.

По этому вопросу имеется значительная литература в периодических изданиях XIX в. Большая часть статей написана реакционно настроенными историками, которым импонировала такая фигура, как Резанов, и они, основываясь на единственном свидетельстве Шемелина¹, оправдывали его деятельность во время экспедиции. Однако известно, что Шемелин являлся ставленником Резанова и поэтому всячески пытался представить его жертвой злобного и несправедливого отношения офицеров и Крузенштерна.

Положительные отзывы о личности Крузенштерна всех участников экспедиции, как моряков, так и ученых, и факты, рассказанные в напечатанных отрывках из дневников офицеров, изображают события в ином свете.

¹ См. «Журнал» Ф. Шемелина, хранящийся в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. IV, стр. 59.

См. также Ф. Ш. Историческое известие о первом путешествии Россиян кругом света, «Русский Инвалид», №№ 6, 8, 9, 23, 28, 31, 36, 48, 1823 г. В 1944 г. проф. А. И. Андреев в предисловии к книге «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII и XIX веках» без всяких оснований также стал на эту точку зрения. «Я полагаю,—пишет Андреев,—что действительное положение дела на корабле «Надежда» и отношения Резанова и Крузенштерна правильно изображены в первоначальной редакции «Журнала» Шемелина».

В подкрепление этой точки зрения Андреев ссылается на рукописные «Дневники» участников экспедиции Ратманова и Тилезиуса-фон-Тиленау, однако в «Дневнике» Тилезиуса нет ни одного слова об отношениях Резанова и Крузенштерна, а Ратманов в своих записках приводит яркие факты, опровергающие точку зрения Андреева.

Авторы этих дневников возлагают ответственность за случившиеся недоразумения на Резанова. Эти отзывы находятся в полном согласии с характеристикой личности Резанова, данной знаменитым русским мореплавателем В. М. Головниным: «Он был человек скорый, горячий, затаенливый писака, говорун, имевший голову более способную созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания и вовсе не имевший ни терпения, ни способности достигать великих и отдаленных видов; впоследствии мы увидим, что он наделал Компании множество вреда и сам разрушил планы, которые были им же изобретены»¹.

Человек тщеславный невежественный в морском деле, не имеющий понятия о служебных отношениях во флоте и о важном значении командира в море, Резанов пытался разыгрывать роль начальника экспедиции, дискредитируя Крузенштерна и офицеров, и вызвал этим законное и справедливое их возмущение.

Перед уходом «Надежды» в Японию художник Курляндцев, доктор Брыкин² и Федор Толстой³ покинули корабль на Камчатке и сухим путем вернулись в Петербург. На их место в состав экспедиции были приняты брат губернатора Д. И. Кошелев, капитан Федоров и восемь солдат.

7 сентября 1804 г. запасшись большим количеством рыбы, мясом оленей и диких овец, а также взяв с собою шесть живых быков, «Надежда» вышла из Петропавловской гавани.

¹ Замечания В. М. Головнина о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 гг. Сочинения и переводы Василия Михайловича Головнина, СПб, 1864 г., т. V, стр. 159.

² Доктор Брыкин умер в Петербурге вскоре после возвращения с Камчатки.

³ Поручик гвардии граф Ф. Толстой во время плавания из Кронштадта до Камчатки вел себя очень непристойно, перессорился со всеми офицерами «Надежды» и учеными и заслужил общее нерасположение. См. Вигель. Записки, т. II, стр. 105, 143.

ПЛАВАНИЕ «НЕВЫ» К БЕРЕГАМ РУССКОЙ АМЕРИКИ НА САНДВИЧЕВЫХ ОСТРОВАХ

10 июня 1804 г., расставшись с «Надеждой» у юго-западной оконечности острова Гавайи (Овиги, Овайги), «Нева» направилась в местное селение Кеалакеакуа (у Лисянского—Карекекуе) для пополнения запасов продовольствия. За пять дней пребывания в гавани Кеалакеакуа Лисянский закупил большое количество свиней, коз, кур, кокосовых орехов, корня таро, сахарного тростника и множество различных редкостей. Для торговли с моряками каждый день к кораблю приплывало до тысячи местных жителей. По описанию Лисянского, жители острова Гавайи—среднего роста, имеют светлокаштановый цвет кожи и черные прямые, коротко подстриженные волосы. Почти все островитяне татуировали свое тело разнообразными фигурами ромбической формы и изображениями ящериц, козлов и других животных. В противоположность жителям острова Нукагива они не смазывали тело кокосовым маслом и не прокалывали ушей¹. «Сандвичяне,—пишет Лисянский,—смышлены, способны и не лишены природного вкуса». Все изделия их, особенно ткань, которую вырабатывали женщины из коры бумажной шелковицы (*Morus papuifera*)², были пре-

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. 1, стр. 205.

² Н. Нозиков (Русские кругосветные мореплаватели, стр. 43) неправильно пишет, что ткань островитяне изготовляли из коры дерева таро. Таро (*Colocasia antiquorum* Schott) не дерево, а кустарник. Е. Л. Штейнберг также смешивает таро с плодами хлебного дерева (Жизнеописание русского мореплавателя Юрия Лисянского, Воениздат, 1948 г., стр. 166).

красного качества. Способ приготовления тканей точно такой же, как у жителей Маркизских островов. Расщепленным бамбуковым прутиком или деревянным вальком с нарезными узорами гавайцы изящно разрисовывали свои ткани разноцветными красками, которые приготавливали из соков корней и ягод. «Увидев их в первый раз,—пишет Лисянский,—никак не мог поверить, чтобы дикой человек имел столь изящный вкус. Смешение цветов и отличное искусство в рисунке, со строжайшим соблюдением соразмерности, прославили бы каждого фабриканта даже и в Европе»¹.

Одежда жителей представляла смесь национальной и европейской. Национальный костюм гавайцев обычно состоял из куска ткани длиною в 4 $\frac{1}{2}$, а шириною в $\frac{1}{2}$ аршина. Мужчины носили его в виде пояса (морю), а женщины—наподобие юбки. В холодную погоду на плечи накидывали четырехугольный кусок толстой ткани, сложенной в несколько раз. В праздничные дни богатые сандвичане наряжались в плащи и шлемы, сделанные из птичьих перьев.

13 июня вечером Лисянский с несколькими офицерами отправился на берег, чтобы осмотреть местное селение. Под сенью густолиственных деревьев они увидели хижины, построенные из жердей, покрытых листьями. Хижины «походят на наши крестьянские анбары с тою токмо разностию, что крыша на них делается выше, а стены, напротив того, весьма низки. Редкие из них имеют окна, да и то самая малая, а большая часть из них делается с одной токмо дверью с рамою, наподобие наших слуховых окон, в которую едва пролезть можно»².

Богатые островитяне имели до шести хижин, построенных одна возле другой. Хижины строились на каменных площадках и обносились низким деревянным палисадом.

В хижинах была чрезвычайная грязь, так как вместе с людьми там находились собаки, свиньи и куры.

Пища сандвичан состояла из свинины, собачьего и куриного мяса, рыбы, кокосов, бананов, иньяма и корня таро. Употребление свинины, кокосов и бананов жен-

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. 1, стр. 214.

² Там же, стр. 208.

щинам строго запрещалось. Рыбу островитяне часто ели сырою, а остальные продукты пекли в ямах, выложенных раскаленными камнями. В отличие от жителей других островов Полинезии гавайцы употребляли в пищу соль и были большие охотники до соленой рыбы и мяса¹. Во время отлучек из селения они брали с собою небольшие шарики из муки корня таро, которые размачивали в пресной или соленой воде и приготавливали мучной кисель.

15 июня Лисянский решил осмотреть селение Тава-роа, где был убит Джеймс Кук. На деревьях еще видны были следы английских пуль, от которых, как рассказывали гавайцы, погибло много народа.

Здесь моряки осмотрели несколько местных храмов, представляющих собою открытые четырехугольные площадки, огороженные кольями. Внутри частокола стояло много «ни на человека, ни на скота не похожих деревянных болванов»².

Эти грубые деревянные идолы изображали божества войны, мира, веселья, весны и т. д. Перед статуями был сооружен из жердей жертвенник, на котором лежали различные плоды, свиные туши и трупы собак. По случаю смерти вождей также приносились жертвы. Печаль по умершим вождям выражалась тем, что его подданные выбивали себе камнями передние зубы, остригали волосы и царапали тело до крови острыми предметами.

Жрецы, живущие при храмах, держали народ в страхе и суеверии при помощи табу.

Во время посещения Лисянским этих островов они принадлежали двум владельцам. Король Томи-оми успел захватить почти все острова, за исключением острова Кауаи (Атувай, Отувай), который принадлежал королю Томари.

Снабдив команду всем необходимым, «Нева» 16 июня покинула остров Гавайи (Овиги). Лисянский намеревался идти к острову Оаху (Оагу, Вагу), чтобы посмотреть военные приготовления сандвичан и повидаться с королем Томи-оми. Однако, узнав, что там свирепствует эпидемия, взял курс к острову Кауаи, которого достиг 19 июня.

¹ Ю. Ф. Лисянский, стр. 211.

² Н. И. Коробицын. «Записки», стр. 173.

Перед вечером на «Неву» приехал король острова—Томари. Он говорил по-английски, показал свидетельства, полученные от капитанов кораблей, которых снабжал провизией, и пригласил Лисянского зайти в его владения. Лисянский одарил короля байковым одеялом и некоторыми безделушками.

«Желательно было ему (королю),—пишет Коробицын,—чтоб мы пристали своим кораблем к его острову для защищения ево от короля Томи-оми, по каковой причине оной бы желательно согласился поступить своим островом в подданство России»¹. Однако без Резанова офицеры «Невы» тогда не решились принять предложение Томари. Только в 1815 г. правитель Российско-Американской компании Баранов предпринял некоторые шаги к закреплению Гавайских островов за Россией. 21 мая 1816 г. Томари принял русское подданство и передал в распоряжение Компании территорию, на которой проживало 400 семейств местных жителей. В гавани Ганалеи (Ганнарей) на острове Кауаи (Атувай, Отувай) были заложены три крепости—Александровская, Елизаветинская и Баркляя, над которыми развевался русский флаг; урочища, речки, озера и люди были названы по-русски. Кроме того, король Томари подарил русским половину острова Оаху (Вагу). Однако, уже через год, вследствие экспансии американцев, русские владения на Гавайских островах были оставлены².

ПЛАВАНИЕ «НЕВЫ» К ОСТРОВУ КАДЬЯК И В НОВОАРХАНГЕЛЬСК

20 июня 1804 г., покинув Гавайские острова, «Нева» направилась к острову Кадьяк. Этот переход был очень спокойный. Едва отошли от острова Кауаи, как северо-восточный пассат прекратился и наступил попутный юго-западный ветер. С 25° с. ш. исчезли летучие рыбы. Температура быстро понижалась. На 42° с. ш. температура по ночам падала до 1,6° С.

¹ Н. И. Коробицын. «Записки», стр. 175.

² С. Б. Окунь. Российско-Американская компания, Л., 1939 г., изд. Ленингр. унив., гл. VII.

«Не знаю,—пишет Лисянский,—какое сделать заключение о сем климате, когда почти среди лета нашли мы в оном глубокую осень. Разве частые туманы и сырость препятствуют лучам солнечным нагревать воздух, судя ж по широте, ему бы надлежало быть подобным тому, какой имеем мы в южной части Европы»¹.

Приведенное Лисянским объяснение причин похолодания между Гавайскими островами и Кадьяком неправильно. Туманы и обилие влаги в атмосфере являются следствием, а не причиной.

Изменение климатических условий к северу от Гавайских островов, повидимому, связано с Калифорнийским течением, идущим с севера.

Далее Лисянский пишет, что здесь встречались признаки близкой земли. «Находясь в северной широте 42°18' и западной долготе 163°12' встретились мы с животным, которое играло у самого судна более часа. Оно казалось фута в три длиною с довольно пушистым хвостом около двух футов, голова его походит на собачью с тонкою длинноватою мордою. Шерсть на спине темная, а под брюхом и мордою белая. Я почел его за выдру»². Морская выдра (*Euhydra lutris* или *Latax lutris*) является представителем семейства куниц и ближайшим родственником речной выдры (*Lutra*). Ее называют морским бобром, но с бобрами она не имеет ничего общего³. Из описания Лисянского видно, что за выдру он принял морского кота (*Arctocephalus ursinus* или *Callorhinus ursinus*). Это мнение подтверждает Коробицын. «19-го числа в широте N-ой 44-х градусов и 163½ градусов долготы видели по близости корабля в море молодого енучи, или морского котика, который до 2-х часов держался, идя вблизи за кораблем»⁴.

8 июля увидели остров Чирикова. Нозиков⁵ пишет, что этот остров открыл А. И. Чириков, в честь которого остров получил свое название.

В действительности же этот остров был открыт 2 августа 1741 г. Берингом, который дал ему название остров архи-

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. I, стр. 239.

² Там же, стр. 238.

³ Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л., 1946 г., стр. 264.

⁴ Н. И. Коробицын, «Записки», стр. 175.

⁵ Н. Нозиков, Русские кругосветные мореплаватели, 1941 г., стр. 72.

диакона Стефана, или Туманный. Его эскимосское название—остров Укамок—узнал впервые Сарычев в 1790 г. В апреле 1794 г. мимо него прошел английский мореплаватель Ванкувер, который, считая, что остров Туманный лежит еще западнее, назвал этот остров островом Чирикова¹.

Описания Лисянского и Коробицына не оставляют сомнения, что остров Чирикова и Укамок есть один и тот же: «26-го числа в 2 часа пополудни увидели ... находящейся в недалеком расстоянии от Кадиака остров Укамок, или Чирикова, принадлежащий владению России»².

Вблизи острова Чирикова моряки встречали тюленей, уток и топорков (или тупиков—*Fratercula corniculata*). В море плавали кусты морской капусты (так называли моряки того времени водоросль *Macrocystis rugifera*).

10 июля увидели высокие снеговые вершины острова Кадьяк и подошли к гавани «Трех Святителей». Отсюда «Нева» направилась в Чиниатский залив в селение Св. Павла—базу Российско-Американской компании, куда и прибыла 13 июля.

На пристани собрался народ, который громкими криками «ура» приветствовал балтийских моряков.

Моряки были уверены, что после одиннадцатимесячного плавания их ждет долгий отдых, но на другой день Лисянский получил письмо от главного правителя колоний Баранова, в котором он сообщал о нападении индейского племени колошей, о захвате ими Ситхинской крепости и просил помощи.

Еще в 1799 г. Баранов создал на острове Ситха Архангельскую крепость и стал строить порт с доком и мастерскими.

Индейцы племени колошей (колюжей), подстрекаемые к нападениям на русских американскими и английскими колонизаторами, напали внезапно на Архангельскую крепость и уничтожили ее. Среди нападавших, как выяснилось позже, были матросы с пиратского судна некоего Барбера. Лица их были раскрашены графитом, а волосы осыпаны орлиным пухом для того, чтобы их не

¹ См. Л. С. Берг. Открытие Камчатки..., Л., 1946 г., стр. 220.

² Н. И. Коробицын. «Записки», стр. 175.

узнали. Почти все находившиеся в крепости люди от мала до велика были перерезаны или преданы жестоким пыткам. Только 36 человек спаслись бегством в лес; 45 человек пленных (в большинстве женщин) колоши оставили в живых и обратили в рабов.

Через некоторое время известие о падении Архангельской крепости дошло до Баранова, который находился на острове Кадьяк.

Баранов мобилизовал более девятисот человек. Русских промышленников поддержало и местное население острова Кадьяк и Аляски. Весною 1804 г. отряд отправился в Ситхинский залив, где в ожидании прибытия «Невы» занимался морскими промыслами.

Не теряя времени, Лисянский стал выгружать товары, привезенные из России, запасаться провизией и вскоре был готов к новому плаванию, но встречные ветры и туманы задержали выход в море до 15 августа.

В это время Лисянский занимался астрономическими наблюдениями, а штурмана Калинина послал на байдаре для подробного промера и описания Чиниатского залива. В. М. Головнин во время плавания на шлюпе «Камчатка» принужден был в июле 1818 г. вновь заняться съемкой Чиниатского залива, так как карта Лисянского имела значительные погрешности¹. Лисянский в письме к издателям журнала «Сын Отечества», № 52, 1820 г. пытается опровергнуть сообщение Головнина о недостатках его карты, но доводы эти нельзя признать основательными².

15 августа 1804 г. «Нева» вышла из Павловской гавани и через четыре дня благополучно прибыла в Ситхинский залив.

20 августа утром «Нева» бросила якорь в Крестовой гавани. «Взорам нашим,—пишет Лисянский,—повсюду являлись леса, которыми все берега покрыты. Сколько мне ни случалось встречать необитаемых мест, но оныя ни коим образом дикостию и пустотою своею с сими сравниться не могут».

Погода стояла дождливая и туманная. На берег сходить было опасно. Лисянский и офицеры занимались

¹ Сочинения и переводы Василия Михайловича Головнина, т. III, 1864 г., стр. 103—105.

² Там же (т. III, 1864 г., приложение № 4, стр. 5—9) напечатаны письмо Лисянского и ответ Головнина.

астрономическими наблюдениями, а матросы ловили рыбу и охотились на морских зверей: попадались палтусы—рыба из семейства камбал (*Hyproglossus hyproglossus stepolepis*), которые весили до восьми пудов; из ружей били сивучей¹ (*Eumetopias jubata* или *E. Stellari*), достигающих семидесяти пудов весом.

19 сентября на судне «Ермак» прибыл Баранов.

К 25 сентября в гавани Крестовой собрался весь его отряд. Баранов через парламентаря потребовал от колошей (колюжей) освобождения пленных. Он предлагал договориться о мирных отношениях, но колоши упорствовали. Тогда русские высадили десант вблизи укрепления колошей. Здесь был поставлен русский флаг и сооружен редут, вооруженный пушками. Эту крепость называли Новоархангельской². «После многих бесполезных пересылок с колюжами о сдаче их крепости, о заключении всегдашнего мира и взаимной торговле была,—как сообщает донесение,—учинена вторичная десанту высадка, по совершении которой под начальством самого Баранова сделан был к крепости приступ, во время которого выдержан был сильный пушечный и ружейный огонь из крепости и от выбегавших колюж, которые запасены были орудиями, порохом, взятыми прежде в разоренной крепости и купленными у бостонцев»³.

«Нева» целый месяц стояла на якоре у Новоархангельска. За время стоянки было определено географическое положение многих пунктов Ситхинского архипелага и соседних заливов. Лисянский дал им названия и составил карты⁴.

10 ноября утром «Нева» вышла из Ситхинского залива и через четыре дня снова встала на якорь в гавани Св. Павла. Раснастив и укрепив корабль, моряки перешли жить на берег.

Весь декабрь стояла теплая погода и термометр большей частью показывал 3° С. Лишь 26 декабря выпал

¹ Сивуч—один из видов ушастых тюленей.

² Новоархангельск на острове Ситха (Баранова) называется в настоящее время Ситха. До 1906 г. он был административным центром и главным портом Аляски.

³ А. В. П., фонд Министерства иностранных дел, Азиатский департамент, 1805 г., д. № 12, лл. 4—5.

⁴ Карта «Залива Ситха» помещена в «Собрании карт и рисунков, принадлежащих к путешествию... Юрия Лисянского на корабле «Нева», СПб, 1812 г., табл. № 10.

снег, который держался до самой весны. В январе наступили настоящие холода. Погода стояла ясная. Самый большой мороз был 22 января в 9 часов вечера, температура упала до $-17,5^{\circ}\text{C}$.

22 марта 1805 г. Лисянский приказал готовить «Неву» к плаванию, а сам на трех байдарках вышел для осмотра и съемки восточного берега острова Кадьяк. Штурман Калинин в это время занимался съемкой северной части Кадьяка и посетил острова Афогнаг и Еврашечий.

В результате всех этих исследований Лисянским была составлена карта Кадьякского архипелага, которая является очень точной. К ней приложены планы Чиниатского залива и гаваней Павловской и Трех Святителей¹.

12 апреля Лисянский вернулся в Павловское селение и стал готовиться к плаванию в Кронштадт, но погрузка мехов задержала выход «Невы» до 13 июня.

ОСТРОВ КАДЬЯК

Г [Остров Кадьяк расположен вблизи полуострова Аляски, от которого отделен Кенайским проливом. Вокруг него находится много небольших островков, самыми крупными из которых являются: Афогнаг, Еврашечий, Еловый, Угаг, Салтхидаг, Сутхиног и Тугидог.

Остров горист и изрезан глубокими заливами, в которые впадает множество речек.

Лисянский пишет: «прочия ж места покрыты скалами и почти вечным снегом»².

Сообщение Лисянского, что горы острова Кадьяк покрыты «вечным снегом», надо признать правильным. Действительно, на горах острова Кадьяк имеются вечные снега и ледники.

Так, например, спутник Лисянского Коробицын пишет: «На поверхности же гор во всякое время года находится лежащей и неистаеваемой снег»³. То же самое подтверждает и Головнин⁴, посетивший Кадьяк в 1818 г.

¹ См. «Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию... Лисянского», СПб, 1812 г., табл. № 7, 8 и 9.

² Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 66.

³ Н. И. Коробицын, «Записки», стр. 177.

⁴ Сочинения и переводы Василия Михайловича Головина, т. III, ч. I, 1864 г., стр. 107.

На острове часты дожди и туманы. Даже летом очень мало дней, которые можно назвать теплыми.

Здесь зимы обычно напоминают русскую глубокую осень, но зима, которую провели на острове моряки «Невы», была исключением. Глубокий снег лежал с 22 декабря по 15 марта. Температура опускалась иногда до -17° С. Толщина льда на прудах, по измерениям Лисянского, достигла в марте месяце 45 см.

В летнее время горы и долины острова Кадьяк покрывались зеленой травой. Лишь местами в небольшом количестве росли тополь, береза, ольха, а на северной оконечности острова и у Чишиатского залива встречались ельники.

Из кустарников Лисянский упоминает: клюкву, голубику, бруснику, шикшу, или водянику, и особый вид малины (*Rubus spectabilis*), плоды которой достигали 2,5 см длины, но вкус имели водянистый.

Жители Кадьяка собирали и употребляли в пищу: сарану, или камчатскую лилию (*Fritillaria camtschatscensis*), луковицы которой богаты крахмалом и сахаром; дикий лук, который на Камчатке называется черемшей (*Allium victoriale*), прекрасное средство от цынги; марш (Poligonum viviparum), горчицу (повидимому, дикую полевую горчицу, которая широко распространена и в некоторых местах разводится под именем сурепицы; из ее семян получают масло). Лисянский упоминает также огуречную траву (бурачник—из семейства бурачниковых); в свежем состоянии она пахнет огурцом. Это растение распространено в области Средиземноморья, поэтому его присутствие на Кадьяке сомнительно. Лисянский мог встретить какого-либо другого представителя из семейства бурачниковых, так как оно насчитывает до 1500 видов, распространенных по всей земле.

На Кадьяке хорошо росли картофель, репа, редька, салат, чеснок, но капуста росла в лист и не образовывала кочнов. В 1804 г. впервые были сделаны посевы ячменя, которые дали хорошие результаты, так как почвы острова Кадьяк плодородны¹.

¹ В. М. Головнин пишет, что на Кадьяке «земля—прекрасный чернозем»; черноземом он называет, повидимому, горнолуговые почвы. Сочинения и переводы Василия Михайловича Головнина, т. III, ч. I, 1864 г., стр. 107.

Из животных на острове встречались: бурый медведь (*Ursus middendorfi* brown bear) с жесткой малоценной шерстью, лисицы трех видов—черные, сиводушки и красные (все это—цветовые вариации *Vulpes fulva*, для здешних мест выделенной в особый вид *V. Kamajensis*), горностай (*Mustela sadiacensis*), собака (повидимому, Лисянский собакой называет койота—*Canis lester*), еврашки (у Лисянского яврашки—суслики), которых каждый год убивали тысячами, но они не переводились и вся земля была покрыта их норами.

Со времени посещения острова Кадьяк Шелеховым (1784 г.) русские стали здесь разводить рогатый скот, коз, свиней. Лисянский привез на Кадьяк овцу и барана.

На острове обитало огромное количество птиц. Из береговых птиц встречались: орлы, которых туземцы приручали, так как перья их употреблялись для стрел¹, куропатки, повидимому полярная куропатка (*Lagopus lagopus*), сороки (*Picarica hudsonia*), вороны (*Corvus corax principalis*—священная птица индейцев, живущая поблизости человеческого жилья), кулики разных видов и др.

Лисянский описывает черного кулика. «При въезде в залив убили мы несколько черных куликов, которые не много поменьше были курицы и имели нос и ноги красная»².

Такого же черного кулика с красным клювом и красными ногами видел натуралист экспедиции Беринга Стеллер на Шумагинских островах (остров Нагай) 30 августа 1741 г.³

Из морских птиц в большом количестве встречались: топорки, ипатки (*Frategula corniculata*), урилы, т. е. бакланы (большой баклан—*Phalacrocorax bicristatus*⁴ и малый—*Ph. pelagicus*), утки, гагары, ары и др.

Домашних птиц у жителей острова не было, но русские завезли небольшое количество кур.

¹ Ю. Ф. Лисянский пишет, что по вечерам орлы залетали в хижины и садились вместе с людьми у огня. (Путешествие, ч. II, стр. 58).

² Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 45.

³ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, 1946 г., стр. 224.

⁴ Иначе называемый *Phalacrocorax urile*.

Воды, окружающие остров, изобиловали морскими животными. Встречались киты, тюлени, называемые здесь нерпами (*Phoca vitulina largha*), сивучи (*Eumetopias jubata* или *E. Stelleri*), бобры (*Euhadra lutris*) и морские коты (*Arctocephalus ursinus alascanus*).

С конца апреля и до начала ноября все реки и ручьи наполнялись красною рыбою, которую можно было ловить даже руками. «Иногда случается,—пишет Лисянский,—что она стоит кучами от самого дна до поверхности воды, как будто бы в чану, и тогда дикие звери, а особливо медведи, питаются одними только их головами. Они заходят в речки и ловят их лапами с удивительным проворством, но всего забавнее видеть, когда сии животные, оторвав мозговую только часть головы, бросают остатки на берег»¹.

Самой ценной рыбой островитяне считали чавычу (*Oncorhynchus tshawytscha*), семгу (другие виды из рода *Oncorhynchus*), нерку (*Oncorhynchus nerka*), кижич (из семейства лососевых), горбушу, хайко (кета—из семейства лососевых) и др.

Головнин пишет, что «Рыба сия того же рода, что и в Камчатке и тем же порядком входит в реки»². Это замечание совершенно правильное. Даже вход рыбы в реки на Кадьяке и на Камчатке происходит примерно в одни и те же числа³.

Из белой рыбы в большом количестве ловились палтус из семейства камбал (*Hippoglossus hippoglossus stepolepis*), треска, сельдь, гольцы (из семейства лососевых), терпуг (из семейства терпуговых, принадлежащего к отряду панцырнощеких), вахня (тихоокеанская навага из семейства тресковых), уйки (видимо, *Mallotus villosus*), калага (*Hemilepidotus hemilepidotus*), бык (повидимому, *Ceratocottus diceraus*) и другие. «Кроме сего,—пишет Лисянский,—круглые раки ловятся весною повсюду в довольноном изобилии. Они имеют вид расплющенного паука и с моря идут в губы, всегда сцепившись попарно»⁴.

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 69.

² В. М. Головнин, т. II, 1864 г., стр. 109.

³ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1946 г., стр. 215—216.

⁴ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 70.

Как видно из описания, это не раки, а крабы.

Во время голода, случавшегося каждую весну, жители острова употребляли в пищу различные ракушки: морских ежей, мидий (*Mytilus*) и других моллюсков (*Cardium*), которые ели сырыми.

По подсчету Лисянского, во всех селениях Кадьяка было в то время 202 хижины (бараборы), в которых жило не более 4 000 жителей¹. Многократные нападения индейцев тлинкитов (колошей), подстрекаемых американскими и английскими купцами, на русских промышленников и местных жителей—эскимосов и алеутов, заставляли жителей острова Кадьяк все время жить настороже. Английские торговцы принимали непосредственное участие в организации этих нападений. Неслучайно, в момент нападения тлинкитов на Архангельскую крепость острова Ситхи там находилось английское судно капитана Барбера, матросы которого руководили нападавшими индейцами².

Литке сообщает, что от нападений тлинкитов только в 1796, 1798, 1800 и 1805 гг. погибло более 1 000 человек туземцев, главным образом жителей острова Кадьяк³. Многие местные жители сделались жертвой повальной болезни, свирепствовавшей в 1799 г. на Кадьяке и окрестных островах.

Обширные материалы, имеющиеся в настоящее время, дают возможность осветить деятельность русских промышленников в русских поселениях в Америке. Они внедрились передовую культуру среди местного населения и вывели его из состояния дикости; ликвидировали рабство, имевшее место у живших здесь народов, и положили конец бесконечным войнам между различными местными племенами. «Все сии племена,—пишет Литке,—не только живут в мире и дружбе с русскими—их соседями, но нередко прибегают к их посредничеству и суду в беспрестанных между собою распрях»⁴.

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 70.

² С. Б. Окунь. Российско-Американская компания, 1939 г., стр. 55.

³ Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света, СПб, 1834 г., стр. 129.

⁴ Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света, СПб, 1834 г., ч. I, стр. 141.

О дружеском отношении русских промышленников к местному населению свидетельствуют частые браки, заключавшиеся между промышленниками и алеутками и индианками¹.

В 1830 г. на территории Русской Америки насчитывалось около 1 000 человек, родившихся от смешанных браков. Вместе с русскими детьми они учились в школах; из них выходили капитаны небольших судов, бухгалтеры и приказчики, различные мастеровые и матросы. Некоторые из них отправлялись в Россию для дальнейшего обучения².

Жителей острова Кадьяк Лисянский называет просто «кадьякцами». Лангсдорф и Коробицын считали жителей Кадьяка алеутами.

В действительности на острове Кадьяк жили не алеуты, а эскимосы (сами себя они называли инуит, т. е. люди).

Академик Л. С. Берг пишет, что на Кадьяке и противоположащей части Американского материка на север до озера Илямна (Шелехова) живут эскимосы—коняги (кадьяки, или конягмюты).

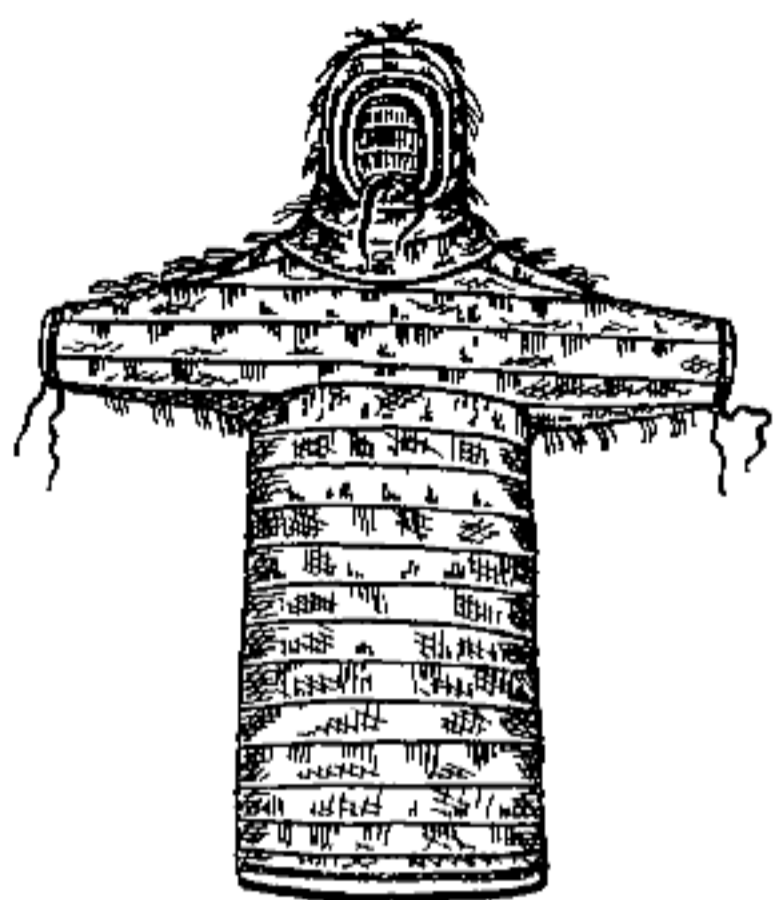
Лисянский пишет, что жители острова Кадьяк среднего роста, широкоплечи и широколицы, цвет кожи имеют красновато-смуглый, а глаза, брови и волосы—совершенно черные.

Летнюю одежду их составляла длинная рубашка с узкими рукавами и с капюшоном, которую русские называли камлейкой. Ее изготовляли из сивучьих, нерпичьих, китовых и медвежьих кишок. Она совершенно прозрачна и не промокает. Зимняя одежда, называемая паркой, была такого же покроя, но делалась из звериных кож (главным образом из шкурок еврашек), мехом на обе стороны, или из шкурок морских птиц.

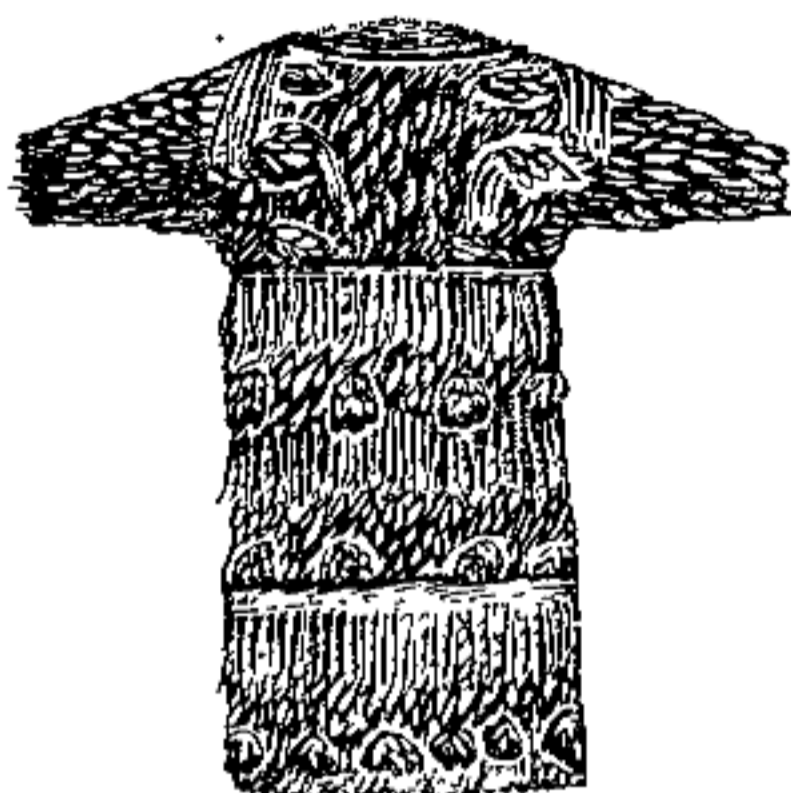
На голове туземцы носили шапки из птичьих шкур или плетеные шляпы, которые имели вид «отреза плоского конуса и выкрашены сверху весьма искусно». Вместо штанов носили пояс из тюленьих кож. Большую часть года ходили босые и только в исключительные холода одевали обувь, сшитую из тюленьих шкур.

¹ Архив Народного Хозяйства, фонд департамента Мануфактур и Внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1815 г., д. № 222, л. 70.

² Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света, СПб, 1834 г., ч. I, стр. 131—133.

1

2

Одежда жителей о. Кадьяк

1—Камлейна из кишок; 2—Парка из птичьих шкурок

(Собрание карт и рисунков к путешествию Ю. Лисянского)

Лисянский пишет, что «кадьякцы» пристрастны к украшениям. Мужчины и женщины во многих местах прокалывали себе уши и украшали их разноцветным бисером. Женщины украшали бисером также руки, ноги и шею. В прежние времена, — пишет Лисянский, — они прокалывали нижнюю часть носового хряща, и в отверстие вставляли кости и другие вещи, а также делали несколько прорезов (до трех) под нижней губой, в которые вкладывали камни и длинные кости. Эти операции производились с новорожденными детьми. Татуировку кадьякцы делали на груди, спине и на подбородке.

Их полуподземные жилища (русские их называли бараборами) имели четырехугольную форму с квадратной дверью в один метр высотой и одним окном на крыше, которое служило и для выхода дыма. При постройке такого жилища сначала вырывалась четырехугольная яма в 60 см глубиной, по углам которой вкапывались столбы высотой в полтора метра, и на них клались перекладины. Стены обшивались тесаными досками, поставленными вертикально. Высокая крыша держалась на стропилах и покрывалась толстым слоем травы. Затем

все жилище обмазывалось землей так, что с внешней стороны,—пишет Лисянский,—«походило на навозную кучу»¹. Внутренность жилища представляла довольно обширную комнату, посередине которой была вырыта яма для разведения огня. Вдоль стен имелись отгороженные места для хранения вещей и припасов. В этом помещении обычно сушили рыбу, делали байдарки и готовили пищу. К жилищу пристраивались боковые строения, которые Лисянский называет жупанами. Дверь, ведущая из общей комнаты в жупан, делалась настолько маленькой, что сквозь нее едва можно было пролезть ползком. Эти пристройки служили гостиными, спальнями, банями, а иногда и могилами. Они освещались окном, обтянутым пузырями морских животных. Вдоль стен, отступя на один метр, здесь клались брусья, которые отделяли места для ночлега. «Всякому покажется весьма странно, как можно взрослому человеку улечься на столь короткой длине, каковая бывает между стеною жупана и выше помянутыми бревнами, но для здешних островитян длиннее постели не нужно, ибо они спят скорчившись, так что колена достигают почти до самой шеи, и по большей части лежат на спине»².

В этих пристройках жители находились только зимою и нагревали их раскаленными камнями. Г. И. Шелехов пишет: «Почитали они чудом скороспешное строение наших домов, потому что они над одною своею хижиною трудятся, отесывая доски заостренными железками, несколько лет и от того почитают они оные великой цены стоящими»³.

Главною пищею населения служила вяленая рыба, которую заготавливали в громадном количестве. Кроме рыбы, употребляли мясо морских животных (китов, тюленей, сивучей и др.).

Во время голода собирали коренья, ягоды и различные ракушки. Китовый жир жители предпочитали всем другим кушаньям. Его, а также головы красной рыбы и ракушек употребляли в сыром виде. Остальную пищу

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 100.

² Там же, стр. 52.

³ Г. И. Шелехов. Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелехова первое странствование, СПб., 1793 г., стр. 27.

варили в глиняных горшках или жарили на палочках, воткнутых в землю возле огня.

Лисянский следующими словами описывает ужин в местной хижине: «Как скоро рыба была сварена, то кухарка, нажав первое деревянное блюдо, подала его хозяину, который, наевшись, остатки отдал своей жене; следующие же блюда раздаваемы были по старшинству лет, так что мальчики дожидали весьма долгое время, покуда дошла до них очередь»¹.

Лисянский не сообщает, каким образом коняги добывали огонь. По словам Давыдова, коняги «огонь достают посредством заостренной палочки, которая, равно как и брусок, для сего употребляемый, делается из дерева чаги, выкидываемого на остров морем и растущего на матерой Америке. По середине сей палки, которой конец обмазывается жиром, обертывают несколько раз веревочку и, взяв конец оной в руки, вертят в обе стороны сколь можно поспешнее, пока от приставленного к бруску конца палки покажется дым, тогда берут затлевшуюся от того стружку, кладут ее в сухую траву, размахивают в руке и огонь появляется»².

Ловля рыбы и промыслы морского зверя являлись главными занятиями мужчин. Они прекрасно строили байдарки из тонких жердей, которые прикреплялись китовым усом к деревянным обручам и обтягивались тюленьими кожами, так искусно сшитыми, что байдарка не пропускала ни одной капли воды.

Гребцы садились в отверстия (люки) и специальными затяжками завязывали на груди мешок, сшитый из кишок животных, который пришивался к краям люка. Лисянский сам прошел в трехлючной байдаре 400 км и уверяет, что никогда не имел лучшего гребного судна. Во время сильного шторма соединяют несколько байдар вместе. Раньше, — пишет Лисянский, — кроме байдар, коняги строили большие кожаные лодки, в которые садилось до 10 человек.

Орудия и оружие местные жители изготовляли из дерева, кости, камня и железа³. Промысловые орудия их состояли

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 55—56.

² Двукратное путешествие в Америку Хвостова и Давыдова. ч. II, СПб, 1812 г., стр. 105—106.

³ Во время посещения кадьякских коняг Готовым в 1763 г. у них еще не было железа: «оружия их суть: лук, стрелы, деревянные щиты и рогатины, у коих копье, равно как и острие у топо-

из длинных пик, гарпунов и стрелок. Когда вели войну, вооружались большими луками и стрелами с каменными или медными наконечниками. Из эскимосских племен только коняги и чугачи употребляли лук и стрелы, которые были у них еще в полном ходу в половине XIX столетия¹.

Китовый гарпун представлял деревянную палку длиной 3 м с обоюдоострым каменным ножом на конце, вставленным в костяную оправу. Сидя в байдарке, охотник бросал гарпун в кита. Каменный наконечник вошел в тело кита, а древко отделялось и всплывало на поверхность. Раненый кит уходил, где-нибудь издыхал и выбрасывался волнами на берег.

Нерпичий гарпун делался такой же длины, но с зазубренным костяным наконечником. К наконечнику привязывалась веревка, сплетенная из жил морских животных, которая закручивалась вокруг древка гарпуна. Когда животное ранено, оно ныряет в воду и шнурок разматывается; иногда к древку гарпуна островитяне привязывали надутый пузырь морских животных.

Тюленей часто ловили сетями, сплетенными из жил или, спрятавшись на берегу, подманивали, подражая их крику, а затем убивали.

Морских бобров обычно убивали длинными стрелками с каменными наконечниками. Их бросали в животное при помощи небольших досочек с желобком, в который вставлялись стрелки. Эта охота производилась артелями. Увидя бобра, ближайший охотник бросал в него стрелку и, поставив байдарку на то место, где бобр нырнул, поднимал весло, а остальные охотники бросались в разные стороны и окружали его. Эта операция продолжалась до тех пор, пока не убивали животное.

ров, сделано из кремневого камня. Иные делают, так же как ножи, так и копья из ланьих костей». (См. П. Паллас. О российских открытиях на морях между Азией и Америкой. Месяцеслов истории и географии на 1781 г., стр. 339.) Между тем 20 лет спустя во время посещения Кадьяка Шелеховым он застал у коняг железо: «для войны есть у них луки и копья железные, медные, костяные и каменные. Топоры железные особого манера, состоящие в маленьком железце». (Г. Шелехов. Путешествие, СПб, 1812 г., ч. 1, стр. 74).

¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1741 г., стр. 211.

Чрезвычайно опасным был промысел на морских птиц урилов, из шкурок которых приготавливались парки. Приходилось взбираться на неприступные утесы и набрасывать на птиц растянутую на шестах сеть, в которой они запутывались.

Рыбу в реках жители ловили просто руками или сетями, растянутыми на шестах, иногда кололи копьями. Морскую рыбу ловили костяными удочками, к которым привязывали шнурок из морской капусты.

Женщины обычно занимались приготовлением пищи, изготовлением украшений, шитьем одежды и т. д. Шили костяными иголками с просверленными ушками, в которые вдевались тонкие нитки из жил.

До прихода русских у кадьякских коняг существовала полигамия; некоторые жители имели до восьми жен. С приходом русских этот обычай стал постепенно искореняться. Браки обычно заключались с согласия родителей. Молодой человек, полюбив девушку, отправлялся к ее родителям с дорогими подарками. Если родители соглашались на брак, то жених давал им подарки до тех пор, пока они не скажут «довольно». Если они не соглашались на брак, подарки уносились обратно. При свадьбе не было никаких увеселений. Лисянский¹ пишет, что у коняг мужья почти всегда жили у родственников жены, как работники, и только иногда ездили гостить к своим.

Перед рождением ребенка женщина удалялась в небольшую яму, над которой из прутьев, покрытых травой, был построен шалаш, напоминающий собачью конуру (длина шалаша—1 м, ширина—80 см, а высота—70 см).

После рождения ребенка женщина считалась нечистой и в своем заточении должна была оставаться двадцать дней, хотя бы это было и зимою. Родственники приносили ей еду и питье, но подавали не прямо из рук, а на палочке. Отец после рождения ребенка на некоторое время покидал свой дом и удалялся в другое селение.

Родители приучали детей к голоду и холоду: «Нередко случается, что мать, желая унять раскричавшегося ребенка, погружает его зимою в море или в реку и держит до тех пор, пока не уймутся слезы»². Мальчиков приу-

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 78.

² Там же, стр. 82.

чали бросать стрелки, строить байдарки и управлять ими. Девочек—шить, плести веревки и т. д.

Лисянский наблюдал также и погребальные обряды. Покойника коняги одевали в лучшую одежду и оставляли некоторое время в хижине. Затем, завернув тело в звериные кожи, опускали в могилу, на верх которой клали бревна и камни. В прежние времена,—пишет Лисянский,—после смерти богатого эскимоса убивали его невольника и клали вместе с ним. С умершим клали в могилу промысловые орудия. Родственники умершего отстригали волосы на голове и мазали лицо сажей, что считалось знаком траура. Жена, лишившись мужа, оставляла свой дом и уходила на некоторое время в другое жилище; то же самое делал и муж, если умирала жена.

Коняги верили в добрых и злых духов. В честь последних они приносили жертвы и устраивали религиозные праздники, которые состояли из маскированных пантомимных представлений, изображающих движения птиц и зверей.

Шаманство и суеверия играли большую роль в жизни местного населения.

СИТХИНСКИЙ АРХИПЕЛАГ

14 июня 1805 г. «Нева» покинула остров Кадьяк и 22 июня бросила якорь на рейде Новоархангельска. За короткое время в крепости были построены восемь больших зданий, завезен скот и разведены огороды.

До сих пор историки оставляют без внимания тот факт, что Лисянскому принадлежит инициатива перенесения центра управления русскими колониями с острова Кадьяк в Новоархангельск. Непрístupное положение крепости, построенной на высокой горе, в глубине обширного Ситхинского залива, защищенного от всех ветров, изобилие пушных зверей и леса, пригодного для кораблестроения, привели его к следующему заключению: «Новоархангельск, по мнению моему, должен быть главным портом Российско-Американской компании по тому, что оный, исключая все выше помянутыя выгоды, находится в средоточии самых важных промыслов. В окружности онаго водится такое множество бобров, что ежели иностранные суда не возпрепятствуют, то каждый год

можно будет вывозить оных по крайней мере тысяч до осьми»¹.

Разгрузив корабль в Новоархангельске, Лисянский послал штурмана Калинина для съемки ближайших островов и проливов, а сам занялся астрономическими наблюдениями.

21 июля Лисянский вместе с лейтенантом Повалишиным решил совершить восхождение на вулкан Эджкомб² (у Лисянского Эчком), расположенный на острове, которому Лисянский дал название Крузов. 22 июля утром они с местными проводниками начали восхождение. Итти приходилось сквозь густой лес, заваленный буреломом, и через глубокие овраги, поросшие колючими кустарниками. Только на следующий день вышли они из дремучего леса, на вершину горы, покрытую острыми камнями, между которыми пробивалась редкая трава. На вершине вулкана оказался обширный кратер, достигающий 85 м глубины и 4 км в окружности.

Так как они были первыми из европейцев, поднявшимися на эту вершину, Лисянский написал на бумаге имена всех участников восхождения и, положив ее в кувшин, спрятал между камнями. «Труды и терпение наше награждены были особенным удовольствием. Стоя на вершине горы, мы видим себя окруженными самыми величественными картинами, каковыя токмо природа представить может. Бесчисленное множество островов и проливов до входа Креста и самый материк, лежащий к северу, казались под нашими ногами; горы же, по другую сторону Ситхинского залива, представлялись как бы лежащими на облаках, под нами носившихся. Солнце сияло тогда во всей своей лепоте, кроме десяти минут, в которых при небольшом тумане накрапывал дождь. Термометр пред тем показывал 55° (Фаренгейта), а после 53, $\frac{1}{2}$ ° или пятью градусами ниже, нежели у подошвы горы»³. 23 июля поздно вечером путешественники спустились к подножию горы. «Перпендикулярную высоту

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 140—141.

² Во время третьего кругосветного плаванья Кук назвал его Mount Edgecombe. Он думал, что вулкан расположен на материке Северной Америки. Штурман Калинин установил, что он находится на острове. Русские мыс, на котором расположен вулкан, называли мысом Трубицына. Название это ему дал Баранов в честь боцмана с корабля Чирикова.

³ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 125—126.

Эчкома,—пишет Лисянский,—примерно положить можно до 8 000 футов»¹ (2 440 м). Цифра эта слишком преувеличена. В действительности высота горы Эчкомб около 1 150 м.

«Судя по обширности и глубине жерла,—пишет Лисянский,—заключить должно, что в прежния времена вулкан сей был гораздо выше, но от времени пришел в бессилие, обрушился и собою наполнил пропасть, из которой некогда извергаемо было пламя. Вероятно, что после сего явления природы прошло уже много лет, ибо некоторые горючия вещества, изверженные из сего жерла начали уже претворяться в землю»². Это заключение Лисянского ошибочно. Ф. Литке сообщает, что последнее извержение вулкана происходило в 1796 г., за восемь лет до восхождения Лисянского³.

7 августа Лисянский с больными матросами посетил горячие источники, находящиеся на побережье Америки в 25 км от Новоархангельска. Температура воды источника достигала 84° С. По словам Литке, вода источника содержит углекислую известь, соляную кислоту и серу⁴.

16 августа Лисянский вернулся на корабль и стал готовиться к плаванию в Китай. «Хотя здешний Западный берег,—пишет Лисянский,—был известен нам со времени капитана Чирикова, но никто не знал к чему он принадлежит, к матерiku или к островам»⁵. Действительно, Чириков первый из европейцев увидел этот берег 17 июля 1741 г. под 57°50' с. ш. Здесь, на берегу острова, названного Лисянским островом Чичагова, Чириков усмотрел залив (на самом деле пролив Лисянского). После плавания Чирикова долгое время оставалось сомнение—принадлежит ли этот берег Американскому матерiku или является частью острова. Сомнение это было решено английским капитаном Ванкувером, который открыл пролив Чатам (между островами Баранова, Чичагова и Адмиралтейства). Ванкувер не ознакомился с этими островами и ограничился лишь тем, что наименовал их островами Короля Георга III.

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 126.

² Там же, стр. 126.

³ Ф. П. Литке. Путешествие вокруг света, ч. I, 1834, стр. 84.

⁴ Там же, ч. I, стр. 123.

⁵ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 136.

Лисянский не согласился принять это название и наименовал их Ситхинскими островами. «Острова Ситхинские названы мною по имени народа, на оных живущего, который именуется ситкаханами или ситкенцами»¹. Лисянский также дал названия отдельным островам и проливам этого архипелага, которые удержались на картах до настоящего времени. «Все сии острова,—пишет Лисянский,—покрыты лесом, который большею частью состоит из душистого дерева, ели и лиственницы»². Между тем ситхинские деревья есть: аляскинский или желтый «кедр» (*Chamaecyparis nootkatensis*, Alaska or yellow cedar, Alaska or yellow or Sitka cypress американцев)³, который Лисянский и другие русские моряки за своеобразный запах называли душиком, душмянкою или кипарисом, ель (*Picea sitchensis*, *Tsuga mertensiana* и *Tsuga heterophylla*, Coast hemlock американцев). Нужно также отметить, что лиственница в районе Ситхинских островов нигде не растет, а именем лиственницы русские обозначили хвойное *Tsuga* (нечто вроде пихты)⁴. Эту ошибку после Лисянского делают многие.

Литке, описывая корабельный лес Ситхи, указывает, что «на шпангоуты употребляют кипарис, называемый здесь душмянкою; на бимсы и палубы—ель; на обшивку, а иногда и на палубы—лиственницу»⁵. То же повторяют Коцебу⁶, Головнин⁷ и другие русские моряки и промышленники.

Лисянский пишет, что реки, впадающие в Ситхинский залив, изобиловали рыбой.

Попадались также выдры (*Lutra canadensis*) и речные бобры (*Castor canadensis*), которые в настоящее время очень редки. В проливах между островами водились многочисленные стада морских бобров, морских котов, тюленей и сивучей.

«Птиц,—пишет Лисянский,—здесь менее, нежели на Кадьяке, но роды все те же, кроме сороки сизоватого

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 141.

² Там же, стр. 141.

³ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1946, стр. 193.

⁴ Там же, стр. 216—217.

⁵ Ф. Литке. Путешествие вокруг света, ч. I, стр. 88.

⁶ О. в о п К о т з е б у е. Reise um die Welt in den Jahren 1823—1826, Bd. II, Veitmar, 1830, S. 23.

⁷ В. М. Головнин. Морской сборник, 1862, № 1, стр. 110.

цвета с хохлом и двух видов сероватых птичек, из коих одна немного побольше колибри»¹.

Описываемая Лисянским сорока, повидимому, есть Стеллерова хохлатая сойка—*Cyanocitta stelleri* (*stellers jay* или *blue jay* американцев), одна из характернейших птиц северо-западного берега Америки, которая распространена от Кенайского залива до Центральной Америки. Маленькая сероватая птичка, виденная Лисянским, вероятно, есть аляскинский колибри (*Selasphorus rufus*), питающийся ягодами здешней малины.

Ситхинские острова были населены индейцами, относящимися к группе тлинкитов (люди), или колошей (колюжей), как их называли русские.

Лисянский сообщает, что колоши жили по берегу и островам Тихого океана «от залива Якутата до 57° северной широты»². В другом месте он говорит: «Колюши или колоши называются все народы вообще, живущие от входа Креста до островов Шарлотских»³. Эти сообщения Лисянского неверны, так как значительно суживают пределы распространения тлинкитов. В другую крайность впадает Ф. Литке⁴, который пишет, что колюжи населяли северо-западный берег Америки от 40° до 60° с. ш.

По словам академика Л. С. Берга, тлинкиты в то время жили от бухты Контроллера (несколько восточнее устья реки Медной) вплоть до параллели, проходящей через южную треть острова Принца Уэльского⁵. В 1882 г. одно из племен тлинкитов—якутаты—продвинулось на запад до устья реки Медной⁶.

По описанию Лисянского, тлинкиты среднего роста, проворны и остроумны; волосы у них черные, жесткие и прямые; лицо—круглое с толстыми губами; цвет кожи смуглый, «но многия, а особливо женщины, не уступили бы цветом лица и самым европейцам, ежели бы они не пачкали себя разными красками»⁷. Действительно, тлинкиты раскрашивали лица киноварью и черной кра-

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 142.

² Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 150.

³ Там же, ч. II, стр. 11.

⁴ Ф. Литке, ч. I, СПб, 1834, стр. 146.

⁵ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1946, стр. 201.

⁶ А. Клаусе. Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, р. 99.

⁷ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 143.

ской, которую они добывали из сока черники¹. Женщины уродовали себя тем, что вставляли круглый кусок дерева в прорезанную нижнюю губу, отчего она сильно отвисала. Благодаря влиянию русских этот обычай постепенно исчез².

Одежда индейцев представляла смесь европейской с типично тлинкитской. Эскимосскую парку у них заменяли широкие белые покрывала, сотканые из шерсти «горных баранов», которыми они закутывали все тело.

На войне и в междоусобных стычках, которые происходили довольно часто благодаря обычаю кровавой мести, колоши носили деревянные латы, прикрытые толстыми лосиными плащами, а на голове—деревянный шлем с забралом в виде маски с резными изображениями животных, раскрашенных яркими красками. Все это соединялось и затягивалось ремнями³. Лисянский описывает также меховые полукафтаны, привозимые к тлинкитам из Соединенных Штатов Америки, с нашитыми одна возле другой железными полосами⁴. Они служили своеобразной кольчугой.

Жилища тлинкиты строили из балок, брусьев и досок. Они были довольно обширны и внешним видом напоминали бараки. Наружные стены обшивались толстыми обтесанными досками. По бокам входных дверей, а также внутри дома стояли оригинальные резанные по дереву изображения человеческих фигур. Крыши обычно покрывались досками или древесной корой, но не сплошь: наверху оставлялось отверстие для выхода дыма. Окон обычно не было, лишь небольшая дверь, завешенная мехами или шерстяным одеялом, вела во внутренность дома.

Внутренность дома представляла одну большую комнату, в которой проживало обыкновенно несколько родственных малых семей. Здесь в небольшой яме разводили огонь, на котором многочисленные обитатели жилища (25—35 человек) готовили себе пищу. От большой комнаты легкими покрывалами и циновками отделялись иногда маленькие спальные комнатки. «А поелику

¹ А. Кгаузе. Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, p. 211.

² Ф. П. Литке, ч. I, СПб, 1834, стр. 160.

³ ЛВПК и Б., ф. Непременного совета, д. № 140, письмо А. А. Баранова Г. И. Шелехову, 1792, лл. 36—45.

⁴ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 143.

каждое такое жилище населяют родные фамилии, то она иногда отделяются между собою занавесками, или чем-нибудь другим»¹.

Тлинкиты строили свои селения по берегам защищенных бухт. Дома обычно располагались в один ряд вдоль взморья, а в очень больших деревнях—в два-три ряда. Наряду с делением на деревни, у тлинкитов существовало деление на роды, которые имели тотемные названия (т. е. назывались именами различных животных и растений). «Они разделяются,—пишет Лисянский,—на разные поколения, из которых главные суть: медвежье, орлиное, воронье, касаткино и волчье»².

Венъяминов и другие позднейшие исследователи утверждают, что племя тлинкитов распадалось на две большие главные тотемные группы (фратрии)—на братство «ворона» и «волка». Каждая из этих групп делилась на пять низших тотемных союзов, охватывавших по несколько сот человек. Лисянский сообщает, что тотемные союзы не совпадали с территориальными подразделениями: «Все означенные поколения так между собою смешаны, что в каждом селении можно их найти всех понемногу; однакож всякое из них живет в особенном доме, над которым вырезано фамильное животное, служащее вместо герба. Они никогда не воюют между собою, но при случае должны друг другу воспомоществовать, как бы далеко ни находились»³.

Главную пищу тлинкитов в летнее время составляла свежая рыба и мясо различных морских животных, поэтому основным занятием их являлось рыболовство. Рыбу ловили гарпунами, сетями, удочками, иногда кололи длинными шестами с острым концом. В большом ходу были также западни вроде наших вершей. Охота играла у них второстепенную роль. Птиц и наземных животных колоши били, главным образом, ради шкур и меха. Из растительной пищи употребляли различные ягоды, папоротниковые растения со съедобными корнями и съедобные водоросли.

Зимою основной пищей являлась вяленая рыба (юкола). Ее вялили на воздухе или коптили, предварительно отделив мясо от кости. В большом количестве

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 147.

² Там же, стр. 151.

³ Там же.

тлинкиты заготавливали на зиму икру (особенно из сельдей). Лисянский сообщает, что в то время, когда сельдь мечет икру, колоши опускали на дно связки еловых веток, на которые оседала икра. Затем вытаскивали их и сушили, развесив на деревьях, а потом околачивали высушенную икру, которую хранили в больших корзинах или в ямах, вырытых в земле¹.

На зиму они заготавливали также «род коврижек из листовичной перепонки, покрывающей дерево под корою, которая соскабливалась и сушилась в виде четвероугольников, толщиной около дюйма»².

Пищу тлинкиты приготавливали в чугунных, жестяных или медных котлах, которые они получали от европейцев. Более зажиточные имели для еды европейскую посуду, а бедные подавали пищу в деревянных чашках и ели деревянными или костяными ложками собственного производства³.

Тлинкиты имели некоторые ремесленные навыки. До знакомства с европейцами мужчины занимались изготовлением полированных орудий из камня и кости, но были знакомы и с металлами, особенно с медью. Они получали самородную медь с реки Медной и знали искусствоковки. Из меди они делали различные украшения, кинжалы, наконечники копий и стрел. По всей вероятности, до прихода европейцев тлинкиты умели обрабатывать и железо холодным способом⁴.

С появлением европейцев каменные орудия стали быстро исчезать. Лисянский еще мог достать каменные молотки, наконечники копий из яшмы, костяные кинжалы и крючки для удочек⁵.

То же самое случилось и с оружием островитян. Лисянский пишет: «Что же касается до прежнего их вооружения, копий и стрел, то редко оно теперь здесь

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 145. См. также: Ф. Литке, ч. I, стр. 163—164.

² Там же, ч. II, стр. 145—146.

До прихода европейцев тлинкиты, повидимому, не были знакомы с гончарным искусством.

⁴ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1946, стр. 209.

⁵ Эти предметы, собранные Лисянским, хранятся в Этнографическом музее Академии наук. См. С. А. Ротнер-Штернберг. Музейские материалы по тлинкитам. Очерк III. Сборник Музея антропологии и этнографии, IX, 1930, стр. 170.

а

б

Предметы, принадлежавшие колошам о. Ситха:
 а) палтусова уда и погремушка, б) маски, вырезанные из дерева
 (Собрание карт и рисунков к путешествию Ю Лисянского)

видеть можно»¹. Это сообщение подтверждает также Лангсдорф, посетивший Ситху в 1805 г. Он пишет, что луки и стрелы совершенно вытеснены огнестрельным оружием, и лишь на охоте за морскими бобрами и тюленями еще употреблялись стрелы². В Музее антропологии и этнографии Академии наук, обладающем богатыми коллекциями предметов из Русской Америки, лук и стрелы в тлинкитских коллекциях отсутствуют.

Еще до знакомства с европейскими железными орудиями тлинкиты при помощи своих каменных топоров

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 145.

² G. Langsdorff, Bd. II, 1812, S. 113.

сооружали большие лодки-однодеревки, достигавшие 14 м длины и вмещавшие от 30 до 60 человек¹. Они увеличивали их ширину при помощи поперечных перекладин.

Наполнив внутренность лодки водою, они раскаленными камнями доводили воду до точки кипения, а затем раздвигали поперечными перекладами нагретые и размягченные боковые стенки, делая их выпуклыми. Кроме того, чтобы сделать борта более высокими, к ним пришивали при помощи сухожилий животных широкую деревянную планку.

Тлинкитские женщины занимались дублением кожи, приготовлением меховых плащей, плетением корзин и дыновок из корневого волокна и тростника. Особенно отличались они как пряжи и ткачихи. Из шерстяных ниток они ткали длинные разукрашенные покрывала, заменявшие им верхнюю одежду. Все мужчины были отличными резчиками по дереву и кости.

«Самым большим искусством или ремеслом здешних жителей,—пишет Лисянский,—может считаться резьба и рисовка, ибо, судя по множеству масок и прочих резных и рисованных вещей, мною виденных, заключить должно, что каждый ситкинец есть художник помянутых искусств. Здесь не увидишь ни одной игрушки, даже самой простой, ни одного орудия и никакой посуды, на которых бы не было множества разных изображений»².

Различия в продуктах ремесленного производства, разнообразие охотничьей и рыболовной добычи вызвали здесь оживленные меновые сношения. Эти сношения способствовали усилению имущественного неравенства, из которого возникло сословное расслоение.

Имущество богатых состояло из большого числа лодок, звериных шкур, украшений, шнурков с раковинами, которые заменяли у тлинкитов деньги, и рабов.

Лисянский пишет, что власть тойона не переходит по наследству, а достается сильнейшему или тому, у кого больше родственников³. То же утверждает Ф. Литке⁴.

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 147.

² Там же, стр. 149.

³ Там же, ч. II, стр. 152.

⁴ Ф. П. Литке, Путешествие вокруг света, ч. I, 1834, стр. 150.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

1 сентября 1805 г., закончив все дела и приняв грузы, «Нева» вышла из Новоархангельска и направилась в Кантон. До середины октября плавание проходило вполне спокойно.

Иногда на горизонте показывались туманные очертания земли. Тогда изменяли курс, но оказывалось, что это были облака.

15 октября на $26^{\circ}43'$ с. ш. и $173^{\circ}23'$ з. д. корабль был окружен касатками, бонитами, фрегатами и большими белыми чайками. Лисянский приказал внимательно наблюдать за горизонтом, так как Лаперуз около этих мест также встречал признаки земли.

К 10 часам вечера корабль сильно вздрогнул и сел на мель посредине коралловой банки, над которой возвышалась гряда камней. Выбросили за борт все имеющиеся тяжести: запасные рей, стеньги, доски и пушки, к которым привязали поплавки. К рассвету 16 октября корабль стянули с мели, но налетевший вихрь вторично бросил его на мель. Вновь полетели в воду канаты, якоря и балласт. Только к вечеру, избавившись от опасности, заметили небольшой низменный островок, лежащий в расстоянии одной мили.

18 октября Лисянский с несколькими офицерами и матросами высадился на берег открытого ими острова. Небольшой низменный остров, сложенный коралловым песком, оказался необитаемым. Он лежал посреди опасной мели и едва возвышался над поверхностью воды.

На берегу увидели множество птиц и тюленей. «Первые тотчас нас окружили и более походили на домашних, нежели на диких, а последние лежали на спине и не обращали на нас ни малейшего внимания. Некоторые из них были величиною более сажени и едва открывали глаза, ежели кто приближался к ним, но ни один не трогался с своего места. Мы почти на каждом шагу проваливались по колена в норы, заросшие сплетшеюся травой и наполненные молодыми птицами, из коих многия лишились от нас жизни, ибо под ногами слышен был непрерывный писк»¹. Далее Лисянский пишет: «Воткнув шест в землю, сперва я зарыл подле онаго бутылку с письмом о нашем открытии сего острова,

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 220.

а потом возвратился на корабль в полном уверении, что ежели судьба не удалит нас от сего места, то надлежало ожидать скорой смерти, ибо при совершенном недостатке в пресной воде и в лесе какие можно бы было предпринять средства к спасению? Правда, что рыба, птицы, тюлени, черепахи, которых на острове сем великое множество, снабдили бы нас достаточною пищею, но чем бы мы могли утолить жажду»¹.

К счастью, в течение трех дней продолжалось затишье, и «Нева» могла сняться с мели. В этом месте дно было покрыто кораллами, похожими на каменные деревья или кустарники до двух метров высотой. «По сему судить можно, сколько место сие губительно и что корабль «Нева» за претерпенное им несчастное у сего острова приключение вознаградится только тою честью, что он открытием весьма опасного местоположения спасет может быть от гибели многих будущих мореплавателей»². Остров имел небольшие размеры: две мили в длину и полтор в ширину.

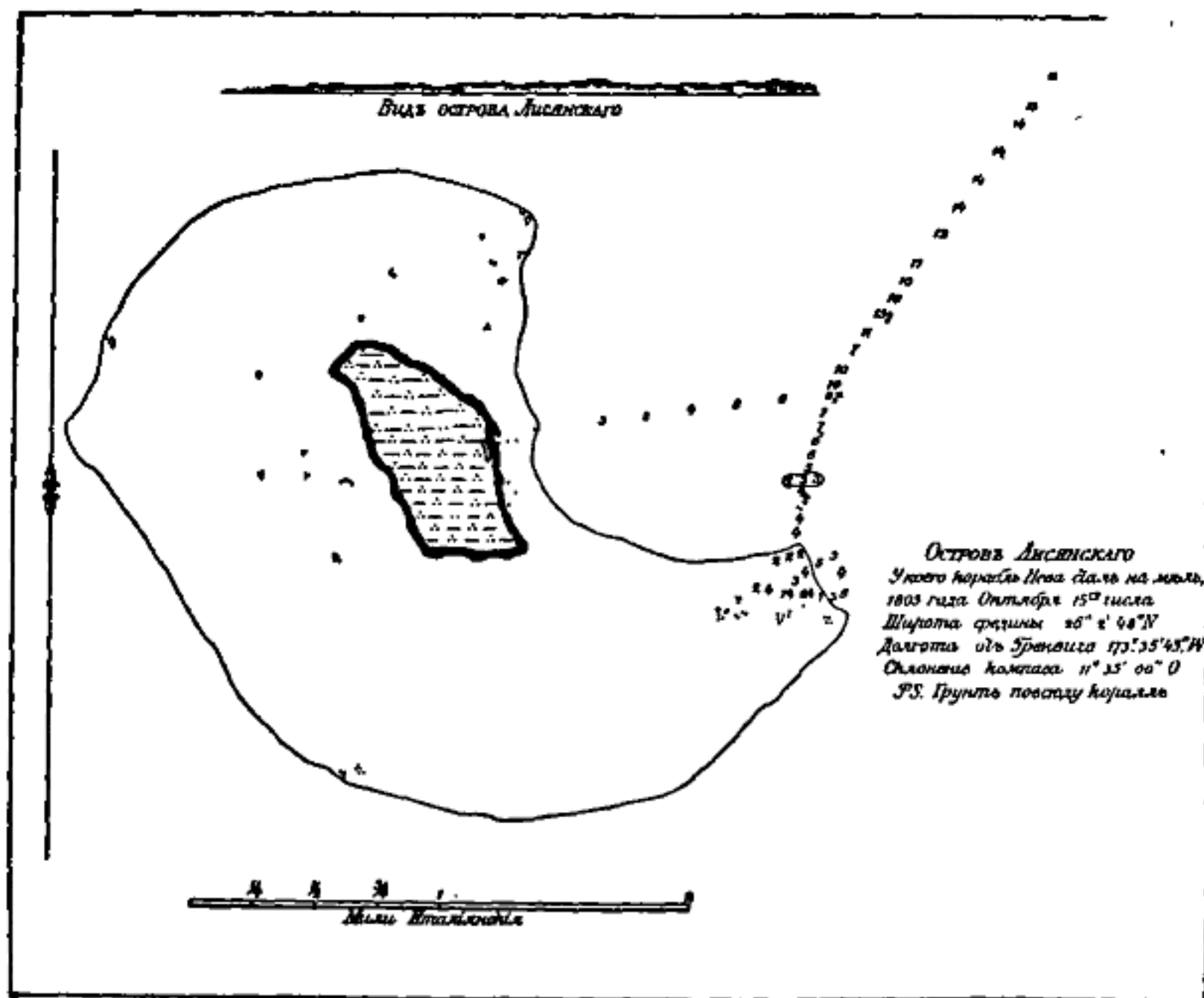
Во время съемки острова птицы садились людям на головы и плечи. Их едва могли отогнать палками. Птицы, тюлени, черепахи, достигающие в диаметре одного метра, и десять больших бревен, из которых одно имело у корня 2 метра в диаметре и походило на «красное дерево, растущее у берегов Колумбии», вот и все, что мореплаватели обнаружили на острове.

Мель, на которой едва не погиб корабль, была названа Невскою, а остров, лежащий под $26^{\circ}02'48''$ с. ш. и $173^{\circ}42'30''$ з. д. и ныне принадлежащий Соединенным Штатам, по настоянию экипажа, был назван островом Лисянского.

«Экипаж также воспользовался сим случаем для изъявления своей любви и преданности к достойному своему начальнику, которого имя он увековечил, нарекши оным вновь открытый остров. Какая награда для доброго начальника может сравниться с той, которая происходит от сердец его подчиненных. Офицеры и служители корабля «Нева» просят, требуют, настаивают, чтобы капитан пожертвовал на сей раз усердию и желанию их свойственной ему скромностью и возложил имя свое на остров, им случайно найденный. Что может быть прият-

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 220—221.

² Там же, стр. 224—225.

Островъ Лисьянскаго

(Собрание карт и рисунковъ къ путешествію Ю. Лисьянскаго)

нее, лестнее и почтительнее для мореходца, служащего единственно в пользу и славу своего отечества и чуждого всякой корысти и личныхъ выгод»¹.

Островъ Лисьянскаго вторично былъ осмотренъ и описанъ М. Н. Станюковичемъ во время кругосветнаго плаванія на корабле «Моллеръ»².

20 октября направились къ Кантону и через три дня под $22^{\circ} 15'$ с. ш. и $175^{\circ} 37'$ з. д. открыли еще одну мель, которую назвали именемъ Крузенштерна. Лисьянскій сожалеетъ, что поврежденія, полученныя «Невою», не позволили ему продолжать географическія открытія въ этой части океана. Онъ писалъ, что «нетъ труда, котораго бы преодолеть, нетъ опасности, которой бы перенести я не согласился, лишь только бы сделать путешествіе наше полез-

¹ В. М. Головинъ. Описание примечательныхъ кораблекрушеній, ч. IV, стр. 159.

² Н. А. Ивашицевъ, Русскіе кругосветныя путешествія, СПБ, 1872, § 22.

нейшим и новыми открытиями доставить честь и славу Российскому флагу»¹.

С ноября пришлось убавить матросам порцию сухарей. «Некоторые (матросы) помянутую убавку,—пишет Лисьянский,—приняли не токмо без всякого неудовольствия, но еще с вызовом, что ежели нужда встретится, то они согласятся жить на самой малой порции»².

15 ноября на горизонте показались Марианские острова (Сайпан и Тиниан), поросшие кокосовыми пальмами.

23 ноября, пройдя проливом между островами Тиниан и Гуам, Лисьянский взял курс к острову Формоза. На корабль налетел сильный тайфун³. Ветер рвал снасти и так сильно клонил корабль на бок, что «подветренная сторона была в воде до самых мачт». Около полудня в щепки разбило ял, висевший за кормою; волны унесли много вещей с верхней палубы. В корабле открылась сильная течь.

«Кипящее свирепеющим волнением море,—пишет Коробицын,—поднимало песок со дна своего и грозило нам отчаянностью и почасту кидало чрез корабль волны, коими выломило на подветренной стороне шкафута наделанных сверх палубы два щита. Подветренный же борт корабля и палуба до самых люков покрыта была водою, а при уборке парусов грот-стаксельшкотом выбросило с корабля в море трех матроз, но волнением оных кинуло опять на шкафут, которые еще успели схватиться за брошенные им с корабля концы веревок и тем спаслись от жертвы свирепеющего моря»⁴.

В течение пяти дней после окончания бури осушали внутренность корабля и выносили наверх подмоченные вещи. Тридцать тысяч шкурок морских котов и большое количество бобров и лисиц пришлось выбросить за борт.

28 ноября прошли вблизи острова Баши (лежит в проливе того же имени между островом Формоза и островом Люсоном). В тот же день «Нева» прошла мимо острова Формозы и вступила в Южно-Китайское море.

¹ Ю. Ф. Лисьянский, ч. II, стр. 223.

² Ю. Ф. Лисьянский, ч. II, стр. 229.

³ Крузенштерн и Лисьянский пишут—тифон. Лисьянский пишет, что это слово происходит от китайского—тафунг, что значит—сильный ветер (ч. II, стр. 237).

⁴ Н. И. Коробицын, «Записки», стр. 195.

1 декабря к кораблю подошла китайская джонка, шедшая из Кантона, и сидевшие в ней сообщили, что «Надежда» уже больше недели стоит на якоре вблизи города Макао.

3 декабря «Нева» после трехмесячного плавания бросила якорь на рейде Макао.

Продав в Кантоне пушнину и закупив китайские товары, 9 февраля Лисянский и Крузенштерн вышли в море. Лисянский сделал много исправлений на известных в конце XVIII столетия картах Маршана и Дапре-де-Манивльетта, охватывающих Гаспарский и Зондский проливы.

Совместное плавание кораблей продолжалось до 15 апреля. В этот день в Индийском океане на $34^{\circ}55'$ ю. ш. и 29° в. д. во время сильного тумана «Надежда» и «Нева» потеряли друг друга из вида и дальнейшее плавание до Кронштадта совершали самостоятельно.

16 апреля 1806 г. «Нева» пересекла Кронштадтский меридиан и завершила, таким образом, полный обход вокруг земного шара.

Обогнув южную оконечность Африки, 24 апреля «Нева» вышла в Атлантический океан. Хорошее состояние команды и достаточное количество провизии побудили Лисянского итти прямо в Англию, не заходя к острову Св. Елены, который был назначен Крузенштерном местом встречи на случай разлуки кораблей. «Я решился оставить прежнее свое намерение,—пишет Лисянский,—итти к острову Св. Елены, а направил путь свой прямо в Англию, быв уверен, что толь отважное предприятие доставит нам большую честь, ибо еще ни один мореплаватель, подобный нам, не отваживался на столь дальний путь, не заходя куда-либо для отдохновения. К толь смелому подвигу много побуждало меня и самое желание моих подчиненных, которые, быв в совершенном здравьи, о том токмо и помышляли, чтобы отличить себя чем-нибудь чрезвычайным. Я единственно сожалел об одном, что таковое наше путешествие должно разлучить нас с кораблем «Надеждою» до самого прибытия нашего в Россию, но что делать? Имев случай доказать свету, что мы заслуживаем в полной мере ту доверенность, каковую отечество нам оказало, нельзя было не пожертвовать сим удовольствием»¹.

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 325.

Подгоняемая юго-восточным пассатом, 11 мая «Нева» в четвертый раз пересекла экватор на $16^{\circ}48'$ з. д. «В сей точке, — пишет Лисянский, — я предпочел перейти в северное полушарие для того, чтобы иметь удобнейший случай снабдить себя сколько можно более дождевою водою, ибо здесь дожди бывают сильнее, нежели далее к западу»¹. Сообщение Лисянского не подтверждается современными данными. Летом северного полушария все пространство Гвинейского залива и узкая область по обе стороны экватора до 30° з. д. отличаются малым количеством осадков по сравнению с более западной частью штилевой полосы Атлантического океана².

Погода стала непостоянной. Сильные шквалы налетали ежеминутно. По ночам море кипело, как в котле, и казалось совершенно огненным от беспрестанных молний.

16 мая на $6^{\circ}48'$ с. ш. вышли из полосы затишья и вступили в область северо-восточного пассата, который сопутствовал плаванию до 28° с. ш.

В своем дневнике Лисянский дает верную картину морских течений у западного побережья Африки: обогнув южный мыс Африки, Лисянский отмечает северо-западное течение, которое действовало до экватора. В настоящее время это течение известно под именем Бенгуэльского или Южноафриканского. Далее Лисянский пишет: «Во время перехода экватора имели мы довольно порядочное W-е течение, которое скоро переменялось на SO-е и продолжалось до широты 9° N, тогда оно взяло направление к SW, а временно к NW и действовало около 15 миль в сутки до тропиков; от сего же круга до переменных ветров оно было правильное к SW, а потом изменилось на SO-е»³. Достаточно сравнить это описание с обзорной картой течений Мирового океана (см. Ю. Шокальский, Океанография, 1917, фиг. 198, стр. 488), чтобы убедиться, что обе схемы совершенно тождественны. Следует также отметить, что Лисянский вновь констатирует наличие экваториального противотечения в штилевой полосе Атлантического океана.

13 июня «Нева» подошла к островам Корво и Флюри (Флорес, Азорские о-ва), где Лисянский узнал о начав-

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 327.

² Ю. Шокальский. Океанография, 1917, стр. 492.

³ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 330—331.

Таблица 3

Плавание Юрия Федоровича Лисянского

	Э т а п ы			
	с	из	в	по
1	07.08.03	Кронштадта	Копенгаген	17.08.03
2	08.09.—	Копенгагена	Фальмут	26.09.—
3	05.10.—	Фальмута	о. Teneriff	20.10.—
4	27.10.—	о. Teneriff	о. Св. Екатерины	21.12.—
5	04.02.04	о. Св. Екатерины	о. Нукагива	10.05.04
6	18.05.—	о. Нукагива	о. Овиги	11.06.—
7	17.06.—	о. Овиги	о. Кадьяк	13.07.—
8	15.08.—	о. Кадьяк	о. Ситха	20.08.—
9	28.09.—	о. Ситха	о. Ситха	09.10.—
10	10.11.—	о. Ситха	о. Кадьяк	15.11.—
11	14.06.05	о. Кадьяк	о. Ситха	22.06.05
12	01.09.—	о. Ситха	Кантон	08.12.—
13	09.02.06	Кантона	Портсмут	28.06.06
14	13.07.—	Портсмута	Кронштадт	05.08.06
Итого	07.08.03	Кронштадта	Кронштадт	05.08.06
Всего		1095 дней = 3 года без 2 дней		в %%

шихся военных действиях между Россией и Францией.

26 июня «Нева» вошла в Английский канал и через два дня бросила якорь в городе Портсмуте. «Таким образом кончили мы весьма длинное плавание прямо из Кантона, не заходя ни к каким местам, и при всем том, находившиеся на корабле моем люди были совершенно здоровы и не терпели ни в чем ни малейшего недостатка»¹. Это был неслыханный для того времени переход, длившийся 140 суток.

В Портсмуте «Нева» простояла две недели, и за это время Лисянский и многие моряки успели побывать в Лондоне.

13 июля «Нева» покинула Англию и после благополучного перехода Северным и Балтийским морями 5 августа 1806 г. бросила якорь на Кронштадтском рейде.

¹ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 332—333.

на корабле «Нева» с 1803 по 1806 гг.

Ходовых суток			Миль			Средняя скорость в уалах
с «Надеждой»	самостоятельно	всего	с «Надеждой»	самостоятельно	всего	
11	—	11	960	—	960	4.0
4	9	13	190	792	982	3.7
16	—	16	1.490	—	1.490	4.3
56	—	56	4.558	—	4.558	3.4
50	47	97	4.051	3.929	7.980	3.4
24	1	25	1.996	44	2.040	3.6
—	27	27	—	2.368	2.368	3.8
—	6	6	—	567	567	5.2
—	2	2	—	22	22	завозами
—	6	6	—	602	602	5.0
—	9	9	—	647	647	3.4
—	100	100	—	7.224	7.224	3.2
60	80	140	6.037	7.886	13.923	4.2
—	24	24	—	1.720	1.720	3.3
221	311	532	19.282	25.801	45.083	3.7
41.5	58.5	100.0	42.8	57.2	100.0	

Кругосветное плавание «Невы» длилось 3 года без двух дней. Множество народа собралось приветствовать моряков, совершивших первое русское кругосветное плавание.

В литературные источники о первом русском кругосветном путешествии вошла в обиход ошибочная тенденция писать о Ю. Ф. Лисянском лишь как о спутнике И. Ф. Крузенштерна. Однако приводимые таблицы, показывают, что большую часть плавания Лисянский совершил самостоятельно¹.

Из приведенной таблицы видно, что в течение 532 ходовых суток корабли прошли более 45 000 миль, причем только 41,5% по времени и 42,8% по числу миль падает на часть путешествия, совершенную «Невою» совместно

¹ Таблицы составлены Л. Я. Рабиновичем (см. его статью о Ю. Ф. Лисянском. Сборник докладов Научной конференции Военно-морской академии им. А. Н. Крылова, 1949 г.).

Таблица 4

Плавание Юрия Федоровича Лисянского на корабле «Нева»
с 1803 по 1806 гг.

	Дней	С «Надеждой»			Самостоятельно			Всего		% напря- жения
		на ходу	на якоре	всего	на ходу	на якоре	всего	на ходу	на якоре	
С 7 августа 1803 г.	147	87	51	138	9	—	9	96	51	65,3
1804 г.	366	72	41	113	92	161	253	164	202	44,8
1805 г.	365	—	23	23	108	234	342	108	257	29,6
До 5 августа 1806 г.	217	62	39	101	102	14	116	164	53	75,6
Итого дней . . .	1095	221	154	375	311	409	720	532	563	48,6
%%	100	20,2	14,1	34,3	28,4	37,3	65,7	48,6	51,4	

с «Надеждою», а самостоятельного плавания соответственно 58,5% и 57,2%.

Таблица 4 показывает, что из 1 095 дней, в течение которых продолжалось историческое путешествие, в совместном плавании корабли находились только 375 дней, а в самостоятельном плавании «Нева» находилась 720 дней, что соответственно составляет 34,3% и 65,7%.

За кругосветное плавание Лисянский был произведен в капитаны 2-го ранга, награжден орденом (св. Владимира 3-й степени) и получил пожизненную пенсию и денежную награду (3 тысячи рублей). От Российско-Американской компании он также получил денежную премию в 10 тысяч рублей. Денежные награды для Лисянского имели большое значение, так как он не имел ни поместий, ни крепостных и жил только на жалованье.

Экипаж преподнес Лисянскому золотую шпагу с надписью: «Благодарность команды корабля «Нева».

По окончании отпуска Лисянский в 1807—1808 гг. командовал различными кораблями на Балтийском море¹,

¹ В 1807 г. Лисянский был назначен командиром корабля «Зачатие св. Анны». В этой должности он находился около двух месяцев, а затем был назначен начальником отряда судов, предназначенных для крейсерства в западной части Балтийского моря. После возвращения из крейсерства ему поручили командование

а в начале 1809 г. в расцвете сил и энергии, в возрасте 36 лет подал в отставку, мотивируя свое прошение «дурным состоянием здоровья»¹.

В печати и в архивных материалах нет данных об истинных причинах отставки и о дальнейшей его жизни в продолжение 28 лет. Известно, что после возвращения из кругосветного плавания он женился и у него было пятеро детей, из которых лишь младший сын Платон служил во флоте до адмиральских чинов.

Два тома записок Ю. Ф. Лисянского, хранящиеся в Центральном Военно-морском музее в Ленинграде, также не дают ясного представления о последнем периоде его жизни².

Богатейшие коллекции раковин, кораллов, оружия, одежды, собранные им в различных странах, он завещал Румянцевскому музею.

После возвращения из кругосветного плавания Лисянский занялся подготовкой к изданию своего сочинения.

К концу 1806 г. «Журнал» путешествия был подготовлен к печати и сдан Лисянским в Адмиралтейский департамент. Он попал в руки ученого секретаря Адмиралтейства Никольского, который дважды возвращал рукопись обратно, якобы на основании того, что «по множеству погрешностей против русского языка и слога, никак не может быть издан в том виде в честь Морского департамента»³.

«всеми личными яхтами его императорского величества». (См. «Общий Морской Список», тт. IV, XII, а также статью «Юрий Федорович Лисянский» (биографический очерк). «Морской Сборник», 1894, № 1.

¹ Центр. Воен.-морск. музей, «Указ об отставке Ю. Ф. Лисянского капитаном 1 ранга (19 февраля 1809 г.)», № 9170—22-ж/1938.

² Первый том содержит «Журнал флота капитана-лейтенанта Юрия Лисянского... с 1802 г. по 1803 г. С.-Петербург». Он состоит из 93 страниц, содержащих черновики писем Лисянского за время подготовки к кругосветной экспедиции. В этом же томе помещен «Журнал флота капитана 1 ранга и кавалера Юрия Лисянского с 1813 по 1814 г.» на 185 страницах. Это путевые заметки Лисянского во время его поездки в Англию для издания своей книги (См. ЦВММ, № 9170—(1938). Второй том (69 страниц) содержит черновики писем Лисянского к разным лицам с 1803 г. по 1832 г. (См. ЦВММ, № 9170—3/1938).

³ А. Соколов. Русская морская библиотека, изд. II, СПб, 1883, стр. 137.

В 1812 г. Лисянский издал свое сочинение в Петербурге в количестве 1 200 экземпляров на собственные средства под названием: «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на корабле «Нева». Одновременно с книгой Лисянский издал «Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию...» Атлас содержит 12 карт, 16 рисунков, приложенных к картам, и 3 таблицы. Большая часть карт составлена Лисянским во время путешествия. Рисунки служат иллюстрациями изображенных на картах местностей, а таблицы воспроизводят предметы быта, оружие, постройки и типы различных народов.

Свое сочинение Лисянский перевел на английский язык, и оно вышло в Лондоне в 1814 г.¹

Как отмечает В. Г. Белинский², в Англии книга Лисянского имела огромный успех. В первые две недели разошлась половина тиража.

Это повлияло на чиновников Морского департамента. В 1814 г., после повторного письма Лисянского царю, русское издание его сочинения было принято на счет казны, однако при выплате денег Лисянского обсчитали на несколько тысяч рублей.

Книга Ю. Ф. Лисянского является классическим произведением мировой географической литературы. Автор ее—замечательный мореплаватель и патриот, для которого дороже жизни была честь и слава своей родины.

Юрий Федорович Лисянский скончался 10 марта 1839 г. в Петербурге и был похоронен в Александро-Невской лавре. Скромный памятник над могилой Ю. Ф. Лисянского выполнен по его же рисунку.

¹ U. L i s i a n s k i. A voyage round the world in the years 1803, 4, 5 and 6 in the ship «Neva». London, 1814.

² В. Г. Б е л и н с к и й. Собрание сочинений в трех томах под редакцией Головенченко, М., 1948 г., т. III, стр. 112.

ПЛАВАНИЕ «НАДЕЖДЫ» В ЯПОНИЮ И К ОСТРОВУ САХАЛИН

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ЯПОНИИ

Путешествие посольства в Японию с политической и географической точек зрения можно считать самым интересным этапом всей экспедиции.

Япония была совершенно неизвестна в Европе до путешествия Марко Поло (XIII в.). Он первый из европейцев узнал от китайцев о существовании к востоку от Азиатского материка островного царства, богатого золотом и называемого «Дзипангу».

Открытие Японии европейцами произошло спустя три столетия. В 1542 г. один из португальских кораблей, нагруженный товарами, по выходе из Макао, был захвачен китайскими пиратами. Три португальца, бежавшие из плена на китайской джонке, после долгих скитаний были выброшены бурей на берег острова Тонего-Сима. Португальцы побывали также на острове Кю-Сю и возвратились на родину, принеся известие о необычайных богатствах открытой ими страны.

Вслед за открытием Японских островов начались торговые сношения с ними португальцев, а затем и испанцев. С португальцами и испанцами в Японию проникли католические миссионеры. Своим вмешательством во внутренние дела страны миссионеры вызвали грозный императорский указ 1639 г., в силу которого все португальцы и испанцы навсегда изгонялись из пределов Японии. Приверженцев христианской веры как европейцев, так и японцев, правительство подвергало ужасным казням:

их зарывали живыми в землю, распинали на кресте, сажали на кол, бросали в кратер вулкана или завязывали в мешки и сжигали на медленном огне¹.

Наряду с португальцами и испанцами, в 1600 г. в Японию впервые проникли голландцы. Голландская Ост-Индская компания получила от японского правительства право торговли, и на острове Хирандо, недалеко от Нагасаки, была основана первая голландская фактория.

Торговые права голландцев тогда были очень велики; они могли сбывать товары по всей стране и присылать в Японию неограниченное количество кораблей.

В 1639 г. был издан закон об изоляции Японии: «На будущее время, доколе солнце освещает мир, никто не смеет приставать к берегам Японии, хотя бы он даже и был посланником, и этот закон никогда не может быть никем отменен под страхом смерти».

В 1640 г. японское правительство перевело голландскую факторию в г. Нагасаки. Для этого в гавани города был искусственно сооружен небольшой островок Десима, на котором голландцы продержались более двухсот лет, до начала сношений европейцев с Японией.

С переводом фактории в Нагасаки торговые привилегии голландцев значительно сократились. Сама жизнь голландцев в Японии стала исключительно тяжелой.

Несмотря на это, Ост-Индская компания не хотела лишиться выгодной монопольной торговли и постоянно предписывала своим резидентам подчиняться беспрекословно всем японским требованиям. Между тем требования эти были очень тяжелы и оскорбительны для европейцев. Остров Десима был окружен японской стражей. Ни один голландец не имел права выходить из фактории без разрешения начальника стражи, который чинил над ними суд и расправу. Единственным событием, нарушавшим однообразие жизни обитателей фактории, были путешествия голландской миссии к императору в г. Иеддо (Токио) для поднесения подарков.

Во время этих путешествий члены посольства имели возможность входить в сношения с населением, изучать его нравы, знакомиться с историей и географией страны.

¹ Г. Де-Воллан. В стране восходящего солнца. 1906 г., стр. 81.

Журналы путешествий, начиная с 1690 по 1830 гг., служат до сих пор лучшими источниками для ознакомления с Японией того времени.

Одно время наравне с голландцами в Японии торговали и англичане, прибывшие в Хирандо в 1613 г. с письмом английского короля к японскому императору. Начальник экспедиции капитан Сорж получил от японского правительства патент с широкими правами. Они основали в Хирандо факторию, но в 1623 г. им, по неизвестным до сих пор причинам, пришлось оставить Японию. Дальнейшие попытки англичан возобновить сношения были встречены неприязненно, и все их старания были тщетны до середины XIX в., когда, наряду с русскими и американцами, им удалось заключить договор, открывший для иностранной торговли несколько японских портов¹.

В России первые сведения о Японии были получены еще в XVI в. Можно считать, что первым, от кого русские узнали про Японию, был голландский картограф XVI в. Герард Меркатор. Его «Атлас», напечатанный в 1601 г., выдержал в Западной Европе ряд изданий и несколько экземпляров его попало в Москву.

В 1657 г. в Москве была издана книга, представляющая собой русскую переработку текста Меркатора к его «Атласу» под названием «Книга, глаголемая космография,—описание всего света земель и государств великих».

В ней имеется очень туманное описание Японии под заголовком: «О Японии, или Япан-острове».

В 70-х годах XVII столетия, в связи с соприкосновением русских с Китаем на Амуре, в Москве начинают интересоваться Японией и собирают о ней сведения.

Некоторые данные доставил правительству Николай Спафарий, отправленный в 1675 г. послом России в Китай.

Возвратившись в Москву в 1678 г., Спафарий представил две книги: описание пути по Сибири до границ Китая и описание Китая. Последняя книга издана

¹ Еще в 1803 г. из Калькутты в Нагасаки приходил английский корабль с богатым грузом под командой капитана Гори, но вынужден был удалиться в 24 часа. Попытка американцев в 1801—1802 гг. завязать торговлю с японцами также осталась безуспешной. См. И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 352—353.

в 1910 г.¹. В ней сообщаются некоторые сведения о Японии, полученные от иезуитов в Пекине.

Самым существенным для русского правительства в данных Спафария было следующее: «Великой и славной остров Японский, как пишут китайские земнописатели и чертежи, начинается против устья Амура реки и простирается далеко против Китайского государства и для того иногда из Китайского государства в двои суток плавают в Японский остров. А от устья Амура сколь далеко стоит, того еще не ведомо, а кажется не очень далеко будет, потому что иные острова меньшие видятся от устья Амура от берегу морского с гор как о том видели в прежних летах казаки, которые зимовали на устье Амура»².

Подробные и точные сведения о Японии впервые сообщил первый исследователь Камчатки казак Владимир Атласов. Эти сведения он собрал от жителей Камчатки и японца Денбея, потерпевшего кораблекрушение у камчатского берега.

Денбей прожил в отряде Атласова два года, затем был отправлен в Якутск, а в конце декабря 1701 г. — в Москву. 8 января 1702 г. с Денбеем долго беседовал Петр I в Преображенском³. В 1710 и в 1729 гг. у берегов Камчатки вновь были обнаружены японцы, потерпевшие кораблекрушение. Некоторые из них были доставлены в Петербург, где их допрашивали, но судьба этих записей неизвестна.

С этого времени русские предпринимают первые попытки розыска пути в Японию из Камчатки вдоль Курильской гряды и из района Уды и Тугура, но неоднократные плавания казаков и промышленников не привели к желаемому результату.

Морской путь в Японию был открыт лишь во время второй экспедиции Беринга. Капитан Шпанберг и лейтенант Вальтон в 1739 г. и мичман Шельтинг в 1742 г. сделали важные географические открытия. Они первые

¹ Н. Г. Спафарий. Описание первыя части вселенная именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями. Церковно-славянский текст по рукописи, принадлежащей Ф. Т. Васильеву. Казань, 1910, стр. 6—271.

² Ю. Арсеньев. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и до границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г., Изв. Геогр. общ., 1882 г., стр. 253.

³ Подробности см. Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1946, стр. 157—167.

из европейцев нашли путь в Японию с севера, побывали на японских островах Хондо (Хонсю) и Матсмае (Хоккайдо или Иезо), а также нанесли на карту все Курильские острова и восточный берег Сахалина¹.

Следующие посещения русскими Японии состоялись в 80-х и 90-х годах XVIII в. В 1778 г. на острове Хоккайдо побывало судно купца Лебедева-Ласточкина с товарами для Японии. Начальник экспедиции Антипин долго вел переговоры с японцами, закончившиеся безрезультатно. Японские власти объявили ему, что русским запрещается посещать Хоккайдо.

При Екатерине II была сделана еще одна попытка завязать торговые и дипломатические отношения с Японией. Инициатором был известный исследователь Сибири, ботаник, академик Кирилл (Эрик) Лаксман. Он посоветовал императрице снарядить экспедицию в Японию под предлогом возвращения на родину японцев, потерпевших кораблекрушение у Алеутских островов (остров Амчитка) в 1783 г.²

Экспедиция состоялась в 1792—1793 гг. под начальством его сына Адама Лаксмана. Лаксман первый побывал в г. Хакодате и в главном городе острова Хоккайдо—Матсмае (ныне Фукуяма). После продолжительных переговоров японские власти объявили, что одному русскому кораблю разрешается посетить Нагасаки для дальнейших переговоров³.

23 июля 1793 г. Лаксману был выдан специальный пропуск «О позволении входа в Нангасакскую гавань», который гласил следующее: «Позволяя Великороссийского государства одному судну иметь вход в гавань Нангасакскую, изъяснив уже, что, исключая оной, в прочие места иностранным судам приставать возбранно и, повторяя о нетерпимой в нашем государстве вере христианской, дабы по прибытии оного образов служения и жертвоприношения ниже знаков не было, а во всем, если какое условие будет, чтобы поступать без

¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1946, стр. 170—183.

² В. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. А. Н., СПб, 1890, стр. 240—241.

³ О первом Российском посольстве в Японии под начальством Лаксмана, «Друг Просвещения», ч. IV, 1804 г., см. также Лагус В., СПб, 1890, стр. 255—256.

противности нашему закону по врученному от нас предписанию, с чем для следования и лист препоручаем Адаму Лаксману»¹.

Занятое событиями в Европе, русское правительство не воспользовалось полученным разрешением, и только спустя 10 лет, при организации первого кругосветного плавания, было решено отправить Николая Резанова для переговоров с японским правительством.

7 сентября 1804 г. в хороший, ясный день «Надежда» оставила Петропавловск и направилась в Японию. В первые дни погода и ветер благоприятствовали плаванию.

Утром 11 сентября поднялся сильный восточный ветер, который в 2 часа дня перешел в настоящий шторм, продолжавшийся 12 часов. Были пущены в ход насосы, так как «Надежда» дала течь. Вблизи корабля появилась масса китов и птиц; птицы садились на мачты и позволяли брать себя в руки. С 15 сентября туман рассеялся, и дождливую погоду сменили ясные сухие дни и теплые лунные ночи. Температура поднялась до 22,5° С.

Плавание в Японию открывало для Крузенштерна возможности дополнить новыми данными начатую работу по исправлению и уточнению карт этих мест. Приходилось идти «почти ощупью» и все время исправлять географические карты, составленные предшественниками Крузенштерна. Следуя вдоль берегов Японии, Крузенштерн пересек зону расположения «4-х безымянных островов» Лаперуза, положенных на его карте на 37° с. ш., между 145 и 146° в. д. Об этих «островах» Крузенштерн писал: «Мало верил я, чтоб острова сии существовали; поелику курсы капитанов Гор и Кинга, по отбытии их от берегов Японии, простирались между северною купою и северным Вулканом, также и курс капитана Кольнетта, во время плавания его из Китая к северо-западным берегам Америки в 1789 году, направлялся между обоими южнейшими кушами и притом в таком расстоянии, в котором как капитану Гор, так и Кольнетту не можно было не видеть их при хорошей погоде»².

Следуя далее к югу, Крузенштерн сделал еще одну попытку установить подлинность открытого голландцами

¹ Цитирую по тексту, имеющемуся в Архиве князя Воронцова, кн. XXIV. Бумаги разного содержания, стр. 414.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 267—268.

в 1643 г. острова Фатзидшио (Фатзизио—по Крузенштерну), но неблагоприятные условия плавания не позволили этого выполнить. Крузенштерн отмечает необычайно высокую температуру воздуха у восточных берегов Японии. На 36° с. ш. температура воздуха поднялась до $24\text{—}26^{\circ}$ С, тогда как во время плавания «Надежды» от Гавайских островов к Камчатке на 36° с. ш., даже в середине лета, термометр показывал только $20\text{—}21^{\circ}$ С.

20 сентября под $34^{\circ}20'$ с. ш. и $145^{\circ}29'45''$ в. д. увидели летучую рыбу, множество касаток и тропических птиц, «которые редко бывают видимы в такой северной широте»¹. Проникновение обитателей тропиков в эти широты и необычайно высокую температуру воздуха можно объяснить наличием теплого течения Курссио.

27 сентября на корабле состоялось большое торжество: всем участникам кругосветного плавания были розданы серебряные медали. В своей речи посланник Резанов сказал: «Россияне! Обошед вселенную, видим мы себя наконец в водах японских, любовь к Отечеству, искусство, мужество, презрение опасности, повиновение начальству, взаимное уважение, кротость суть черты, изображающие Российских мореходцев... вам, опытные путеводцы, принадлежит и теперь благодарность соотечей! Вы стяжали уже ту славу, которой и самой завистливой свет никогда лишит вас не в силах»².

28 сентября утром на корабль налетели бабочки и береговые птицы, в море плавали зеленые ветки и трава. В этот же день в 10 часов первый раз увидели японский берег под $32^{\circ}38'30''$ с. ш. и $146^{\circ}43'15''$ в. д., но дождь, туман и сильный северо-восточный ветер не позволяли к нему приблизиться.

К тому же морские карты были составлены настолько неверно, что берега Японии в действительности оказались гораздо западнее.

«При сих обстоятельствах,—пишет Крузенштерн,—почитал я приближение к берегу бесполезным и опасным, наипаче же потому, что мы на карты, хотя оные были и лучшие, не могли никак положиться. Оные не заслуживали доверенности по не сходству в показаниях дол-

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 270.

² Ф. Шемелин, ч. II, стр. 4—5.

готы и широты главных мест, положения берегов, островов и даже пролива Вандименова»¹.

30 сентября разразился сильный шторм. Крузенштерн повернул судно к югу, чтобы на всех парусах удалиться от земли. 1 октября к 3 часам пополудни шторм превратился в сильнейший ураган (тайфун). Громадные волны перекатывались через корабль, затопляя внутренние помещения судна. Свист ветра и рев волн, вливавшихся с обоих бортов, мешали слушать команду. Насосы работали без устали. Люки наглухо законопатили, и находившиеся в жилых помещениях люди лишились света и воздуха. Ураган усиливался, океан был ужасен; исполинские горы волн стремительно падали в разверзавшиеся пропасти, а над волнами вздымались облака водяной пыли. Ветер неистовствовал, мачты трещали и каждое мгновение ждали, что они упадут. У всех в руках были топоры. Вещи, крепко привязанные, оторвались. В 8 часов вечера волны вышибли иллюминаторы. Огромная волна сорвала левую галерею, и вода ворвалась в капитанскую каюту. Поплыли ценные книги, карты, инструменты, одежда и подарки, которые везли японскому императору. Офицеры и команда не успевали исправлять одно повреждение за другим. Крузенштерн стоял у штурвала рядом с четырьмя рулевыми. Корабль несло на береговые скалы. Первый удар о камни раздробил бы его на части, причем сила урагана не оставляла никакой надежды на спасение. Люди мысленно прощались друг с другом. В самый критический момент, благодаря бесстрашию матросов, удалось поставить паруса, которые продержались всего лишь несколько минут. Их сорвало ветром, но «Надежда» удалась от берега и до полуночи носилась во власти тайфуна.

Об этой буре Крузенштерн пишет так: «Бесстрашие наших матросов, презиравших все опасности, действовало в сие время столько, что буря не могла унести ни одного паруса. В 3 часа пополудни рассвирепела наконец она до того, что изорвала все наши штормовые стаксели, под коими одними мы оставались. Ничто не могло противостоять жестокости шторма. Сколько я ни слыхивал о тифонах, случающихся у берегов китайских и японских, но подобного сему не мог себе представить. Надобно иметь

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 276.

дар стихотворства, чтобы живо описать ярость оною. Довольно здесь рассказать только о действии его на корабль наш. По изорвании штормовых стакселей¹, мы желали поставить зарифленную штормовую бизань, но сего сделать совершенно было не возможно и потому корабль оставался без парусов на произвол свирепых волн, которая как казалось ежеминутно поглотить его угрожали. Каждое мгновение ожидали мы, что полетят мачты. Хорошая конструкция корабля и крепость вант² спасли нас от сих бедствий³. Крузенштерн отмечает необычайно низкое давление воздуха во время тайфуна.

3 октября пополудни «Надежда» снова приблизилась к японскому побережью. У южных берегов Японии астрономические наблюдения, картирование и физико-географические описания приобретали особо важное значение, так как эти берега были совершенно не обследованы.

Астрономические работы и съемки были начаты открытием мыса Чирикова (32°14'15" с. ш. и 134°41'24" в. д.) и продолжались вдоль всего южного берега острова Кю-Сю до входа в пролив Ван-Димена⁴. Крузенштерн сообщает: «Мне неизвестно ни одно описание, в коем бы упоминалось о сем проливе, даже положение онаго на французских и аглинских картах показано весьма различно. По Арро-Смитовой карте лежит пролив между островом Ликео, отделяемым от большого острова Киузиу узким проливом и островом, именуемым Танао-Сима. На французских же картах показан он между островами Киузиу и Ликео. Широта входа в оный довольно впрочем сходствует на обеих. Вскоре увидели, что показание сего пролива как на французских, так и на аглинских картах весьма несправедливо»⁵.

4 октября вошли в пролив Ван-Димена. При следовании через пролив впервые была составлена его точная

¹ Стаксели—треугольные паруса, поднимаемые по лееру или по штагу. Штаг—снасть, которая держит мачту или ее продолжение стеньгу, спереди и сзади. (В. Н.).

² Ванты—снасти, поддерживающие мачты с боков. (В. Н.).

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 277—278.

⁴ Пролив Ван-Димена расположен между южной оконечностью острова Кю-Сю и группой островов, лежащих между этим проливом и проливом Венсенна.

⁵ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 273.

карта и определены важнейшие пункты. Южная оконечность острова Кю-Сю—мыс Сатано-Мисаки—был назван мысом Чичагова. Острова, лежащие к югу от пролива Ван-Димена, были названы Крузенштерном неправильно. Японцы, желая запутать русских моряков, сообщали им неверные названия, поэтому остров Тенегасима был назван Крузенштерном Яконо-Сима, а Яку-Сима— по той же причине был назван Тенегасима.

В самом проливе впервые были открыты, определены, названы и положены на карту следующие острова (с востока на запад)¹: Аполлос (Таке-Сима), Вулкан (Иво-Сима), Сант-Клер (Куро-Сима), Юлия (Кутшино, Ерабу-Сима). При следовании в Нагасаки (по Крузенштерну—Нагасаки) был частично положен на карту юго-западный берег острова Кю-Сю, также определен и положен на карту остров Амакуса-Сима.

7 октября мореплаватели увидели остров Гото, а на следующий день на рассвете—долгожданную гавань—Нагасаки. «Да позволено мне будет сказать, что европейские географы получают теперь первое известие о точном положении Японских берегов около Нагасаки от такого народа, от коего они, может быть, совсем того не ожидали»².

8 октября 1804 г., ровно через месяц по выходе из Петропавловска, «Надежда» прибыла в Нагасаки. Перед входом в Нагасакский залив навстречу попалась японская рыбацья лодка. Рыбаки были совершенно голые с повязками на бедрах и голове. По приказанию Крузенштерна японцы, находившиеся на «Надежде», пригласили их на корабль. Их приветливо встретили и угостили водкой и сухарями. Они сообщили, что нагасакские власти четыре дня тому назад извещены огнями о приближении корабля.

Через полчаса после отъезда рыбаков Крузенштерн приказал дать пушечный выстрел. Вскоре показалось японское судно под белым флагом с поперечной голубой полосой. Японские чиновники, находившиеся на этом судне, привели «Надежду» ко входу в Нагасакскую бухту и здесь в открытом море предложили капитану стать на якорь.

¹ Крузенштерн вынужден был этим островам дать собственные названия, так как не мог узнать японских.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 301.

Японские чиновники—баниосы

(Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна)

Шестимесячное пребывание русских в Японии, несмотря на большие ограничения, все же открывало для того времени максимальные возможности наблюдения и общения с представителями власти этой страны и дало в конечном итоге материал для оценки политических, социальных и частью бытовых условий Японии той эпохи. Значение этого материала остается актуальным и сейчас для истории внешних сношений России начала XIX в. и для оценки исторических условий самой Японии феодального периода.

Японские чиновники (баниосы), прибывшие на русский корабль, заявили, что судно получит разрешение войти в Нагасакскую гавань в том случае, если моряки согласятся сдать порох, пушки и все огнестрельное оружие, а также сабли и шпаги, из которых только одна может быть оставлена посланнику.

Резанов знал об этих японских законах для иностранных судов и согласился выдать все оружие, кроме шпаг офицеров и ружей его личного караула. Японцы заявили,

что таким правом даже голландцы никогда не пользуются, но после некоторого промедления дали свое согласие. После сдачи оружия и боеприпасов корабль был отбуксирован японцами к острову Папенберг. Они обещали ввести судно в Нагасакскую гавань, как только выйдут в море китайские суда, так как по японским законам кораблям двух наций стоять в одном месте на якоре воспрещается. Съезжать с корабля на берег никому не разрешили. Корабль окружили сторожевыми лодками, на которых было до 500 человек караула.

Документы, привезенные Резановым, были отправлены с курьером в г. Иеддо (Токио). С места стоянки «Надежды» даже не видно было самого города Нагасаки. Моряки описывают интересный эпизод, происшедший между японскими чиновниками и Резановым. Резанов достал небольшой глобус и стал показывать чиновникам различные государства. Японский чиновник взял в руки глобус и, повертывая его, старался что-то отыскать, но не мог. Обратившись к послу, он спросил: «А где же здесь Япония?» Когда Резанов указал место, занимаемое Японией, они выразили удивление, что она такая маленькая в сравнении с другими странами и особенно с Россией.

17 октября, после ухода китайских судов, «Надежду» отбуксировали на другое место, находящееся в семи километрах от города, и обещали ввести в гавань после ухода голландских кораблей. Для прогулок заболевшего Резанова японцы отгородили на берегу пространство в 54 м длиной и 21 м шириной. Место оказалось пыльное, без тени, и Резанов вскоре отказался от прогулок и не сходил с корабля.

8 ноября из Нагасаки ушли голландские корабли, и «Надежда» была переведена еще ближе к городу. На пустом берегу для посланника построили дом, который со всех сторон обнесли бамбуковым забором в три метра высотой.

Ворота, выходящие прямо в воду, запирались замками с обеих сторон. Наружный ключ от ворот был у морского чиновника, внутренний—у сухопутного офицера. Кроме того, на ближайшей горе были построены караульные дома с пикетами, так что сверху можно было видеть все происходящее внизу. В этой «тюрьме» посланнику и его свите пришлось прожить четыре месяца, до самого отъезда из Японии. За все время стоянки моряки

не только не могли сойти на берег, но даже не имели права ходить на шлюпках около корабля. Запрещено было даже послать письма на родину с уходящим в Батавию голландским судном. Только послу разрешили написать краткое донесение Александру I, причем губернатор потребовал, чтобы предварительно это донесение было прислано ему для снятия копии.

Подарки, привезенные русскими, японцы перевезли с корабля на берег¹. Крузенштерн был крайне удивлен, узнав, что большие зеркала понесут в Иеддо на руках. Для этого требовалось по крайней мере человек шестьдесят на каждое зеркало, и то они должны были бы беспрестанно сменяться. Ему пояснили, что для японского императора нет ничего невозможного. В подтверждение этого рассказали, что два года тому назад китайский император подарил японскому живого слона, которого перенесли на руках из Нагасаки в Иеддо.

Резанов усердно занимался изучением японского языка и составил «Краткое русско-японское руководство» и словарь, содержащий более пяти тысяч слов, который был издан впоследствии русской Академией наук

30 марта прибыл чиновник из Иеддо. Первая аудиенция была назначена на 4 апреля. Резанов поставил условием приветствовать императорского уполномоченного по-европейски², на что с трудом получил согласие. Посол и его свита были перевезены на японском судне в город Нагасаки. На берегу их встретили уполномоченные губернатора с почетным караулом. Вдоль улиц сидели по-японски ряды войск.

Народа, однако, не было видно, так как на улицу никого не выпускали. Посла несли в богатом паланкине восемь носильщиков. Ответ, привезенный из Иеддо, гласил, что император не может принять посольство и просит посла выехать из Японии.

¹ В качестве подарков японскому императору были подобраны изделия русских заводов и фабрик: вазы, сервизы, около сотни зеркал, ковры, атлас, парча, сукна, бархат, фонари изобретения Кулибина, бронзовый слон-часы, украшенный драгоценными камнями (часы показывали времена года, месяцы, числа, движение солнца и луны, слон махал хоботом, хвостом и вращал глазами).

² Голландцы, проживающие в фактории на острове Десима, подвергались всяческому унижениям. Русские моряки изумлялись низкопоклонству и раболепию голландцев.

Подарки и письмо русского императора к японскому также не были приняты. В благодарность за оказанное в России гостеприимство потерпевшим кораблекрушение японцам губернатор на основании императорского указа снабдил русский корабль провизией на два месяца бесплатно. Кроме того, для команды русских кораблей губернатор подарил две тысячи мешочков соли. Все содержание экипажа «Надежды» за шесть месяцев десять дней пребывания в Японии и корабельные материалы, отпущенные на ремонт, были приняты за счет японского правительства. Сверх того, были сделаны подарки: офицерам—две тысячи шелковых ковриков и команде—сто мешков рису.

16 апреля Резанов получил грамоту с ответом японского правительства, в которой говорилось, что по законам империи «властитель японский не имеет возможности принять ни посланника, ни подарков»¹.

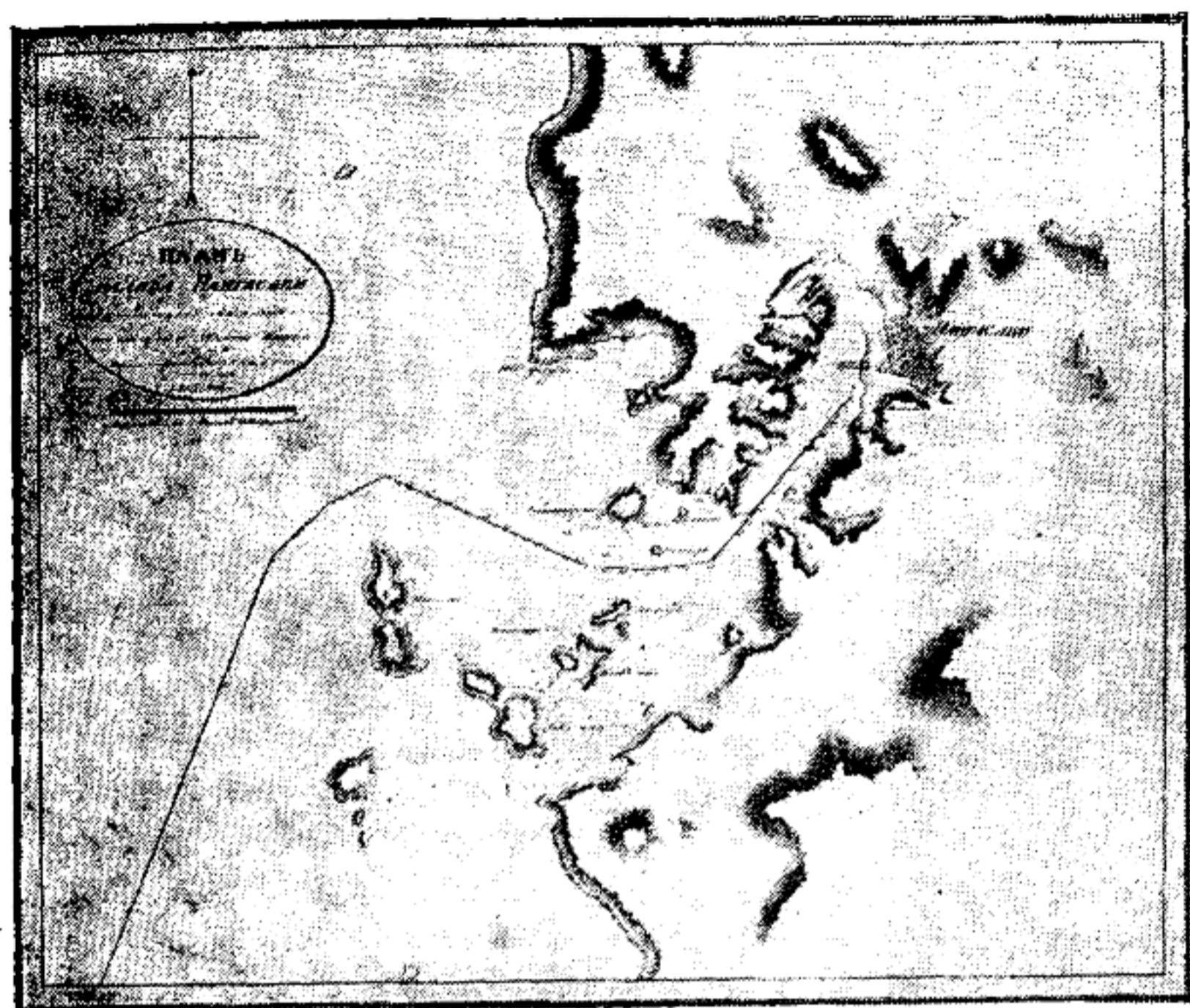
Кроме того, было поставлено условие, чтобы никогда русские корабли не приходили в Японию, а если японское судно разобьется у русских берегов, то спасшихся японцев передавать голландцам для доставления их на родину. Таков был ответ японского правительства.

На следующий день посланник пересел на корабль. Одни авторы объясняют неудачу посольства горячностью и высокомерием Резанова; другие видят ее в происках директора голландской фактории Деффа, который из боязни русской конкуренции употреблял втайне все усилия, чтобы помешать русским завязать дипломатические и торговые сношения с Японией.

Основную причину неудачи посольства нужно искать в режиме строжайшей изоляции Японии от внешнего мира, который бдительно охраняла феодальная правящая верхушка. Следует также заметить, что длительное промедление с посылкой судна в Японию отразилось неблагоприятно на исходе переговоров, так как политическая и экономическая обстановка в Японии была теперь иная, чем во времена Лаксмана. Однако участники экспедиции сообщают, что в Японии была значительная партия, стоявшая за открытие сношений с Россией².

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 345—346.

² К. Военский. Русское посольство в Японию в начале XIX в. «Русская старина», 1895, июль, октябрь. См. также «Морской сборник», 1919, № 4, стр. 60—64 (донесение Резанова от 9 июня 1805 г., опубликованное Военским К.).

Планъ залива Нагасаки

(Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна)

Японский народ также не одобрял политики феодального правительства: жители Нагасаки проявляли большую симпатию к русским морякам и в день, когда «Надежда» снялась с якоря, сотни японских лодок провожали ее до выхода из бухты.

«Время пребывания нашего в Нагасаки,—пишет Крузенштерн,—по справедливости назвать можно совершенным невольничеством»¹.

Крузенштерн думал длительное пребывание в Японии полностью посвятить географической науке. Он строил широкие планы научных исследований, но подозрительность и враждебность японского правительства не позволили их осуществить.

Все же экипаж «Надежды» под руководством Крузенштерна при самых неблагоприятных условиях

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 309.

Вид островов Папенберга и Крысьего в Нагасакском заливе
(Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна)

продолжал научные исследования. Лангсдорф, живя взаперти, ухитрился войти в соглашение с поставщиком рыбы, которую использовал для изучения. Неизвестными путями он достал серию рисунков местных животных и даже их анатомические препараты¹. Несмотря на то, что японцы запретили морякам съезжать с корабля, им удалось сделать карту Нагасакского залива, для правильного составления которой было измерено более тысячи углов. Географическая долгота города Нагасаки определена посредством множества взятых лунных расстояний (более тысячи) и нескольких закрытий звезд. Она оказалась $129^{\circ}49'32''$ в д.²

Наблюдения над приливами и отливами в Нагасакском заливе в первые три месяца совершенно не производились, так как запрещено было съезжать кому-либо с корабля. С января по апрель они производились почти

¹ См. Г. Г. Манисер. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1828), Географгиз, 1948 г.

² 14 января 1805 г. в Нагасаки происходило полное лунное затмение, но оно не способствовало определению точной географической долготы, так как густое облако воспрепятствовало производить работу. (См. И. Ф. Крузенштерн, ч. I, стр. 338.)

ежедневно¹, младшим штурманом Сполоховым¹. В период весеннего равноденствия в течение шести недель наблюдения производились непрерывно с утра до ночи и часто делалось от восьми до двенадцати наблюдений в один час.

Метеорологические наблюдения на корабле «Надежда» производились ежедневно с 11 октября 1804 г. до 17 апреля 1805 г. Результаты их опубликованы в виде многочисленных таблиц, составленных капитаном Крузенштерном². Это были первые научно поставленные метеорологические работы в Японии.

В ЯПОНСКОМ МОРЕ

Пробыв в порту Нагасаки с 8 октября 1804 г. по 18 апреля 1805 г., Крузенштерн решил возвратиться в Камчатку другим путем через Японское и Охотское моря, степень изученности которых в то время была крайне незначительной. Японцы всячески пытались отговорить русского капитана от этого намерения. Они уверяли, что плавать неисследованным Японским морем очень опасно; что Сангарский пролив (пролив Цугару) между островами Нипон и Иезо очень узок, усеян подводными камнями и опасен своим сильным течением.

В последний момент пребывания «Надежды» в Нагасаки Резанов получил письмо от японского губернатора, в котором содержалось запрещение русскому кораблю приближаться к японским берегам³. Несмотря на это, Крузенштерн решил посвятить два или три месяца исследованию этих мест.

Предшественниками его в этих водах были французский мореплаватель Лаперуз (1787 г.) и англичанин Броутон (1797 г.). Лаперуз прошел по западной части Японского моря в Татарский пролив, но, не найдя здесь выхода в Охотское море, сделал совершенно необоснованное предположение, что Сахалин является полуостровом. Повернув обратно, он прошел в Охотское море через пролив, носящий его имя, и далее следовал вдоль

¹ Удобным средством для проведения наблюдений за приливами и отливами послужили выходящие в море заборы, которыми японцы окружили дом русского посла.

² И. Ф. К р у з е н ш т е р н, ч. III, стр. 413—449.

³ Японцы не хотели разрешить Крузенштерну плыть Японским морем потому, что опасались появления русских в Корее, на которую японские феодальные правители посягали с давних пор.

западной стороны Курильской островной гряды. Между островами Симушир и мелкими островами Броутон и Цирихо и вышел в океан проливом, которому он дал название пролив Буссоль (Китаурупу). Броутон, пройдя первым через пролив Цугару, следовал к берегам Кореи, а затем сделал попытку пройти Татарским проливом в Охотское море. Приняв уменьшение глубины в проливе за доказательство полуостровного положения Сахалина, он, так же как и Лаперуз, повернул обратно, направился к северо-западному берегу острова Иезо (Хоккайдо) и через пролив Пико (Кунашир) вошел в Охотское море, где следовал вдоль западной стороны Курильских островов до 47° с. ш. Таким образом, «Надежда» была первым европейским судном, прошедшим вдоль западного берега Японии до пролива Лаперуза.

Ни один европейский мореплаватель не производил точных географических определений положения западного берега островов Кю-Сю, Нипона и Иезо, а также юго-восточного, восточного и северо-западного берегов Сахалина. Кроме того, описания побережий заливов Анива и Терпения, произведенные 160 лет тому назад голландскими мореплавателями, требовали проверки и уточнения. В силу этих соображений, Крузенштерн наметил следующий план работ: обследовать юго-западные и северо-западные берега Японии и пролив Цугару, ширина которого по лучшим европейским картам составляла более 180 км, а по словам японцев—только 2 км; кроме того, Крузенштерн решил обследовать западный берег Иезо и мнимый остров Карафута, который на картах того времени помещали между островами Иезо и Сахалином; далее он предполагал обследовать восточный и северо-западный берег Сахалина, пролив между этим островом и материком Азии и определить положение устья реки Амура.

Большая часть работ этого огромного плана была Крузенштерном выполнена, хотя и не всегда безупречно.

Из гавани Нагасаки «Надежда» вышла через пролив между островами Ослиные Уши и Гото и направилась к Корейскому проливу, держась вблизи японского берега и определяя географическое положение приметных пунктов. Курс корабля был взят на северо-восток с тем, чтобы пройти проливом между островом Цусима (по Крузенштерну Тсус-Сима) и берегом Японии. Пролив этот

впоследствии получил наименование пролива Крузенштерна (на современных картах—Цусимский). Лаперуз в своем описании даже не упоминает об острове Цусима, так как усмотренный им берег этого острова он принял, повидимому, за берег Японии. Отсюда у Лаперуза произошла ошибка в определении ширины пролива между Кореей и Японией, которую он принял равной 45 морским милям. По вычислениям Крузенштерна она должна быть не менее 75 морских миль.

Русскими моряками был тщательно исследован остров Цусима и его берега со множеством прекрасных заливов и якорных мест. От острова Цусима «Надежда» направилась на северо-восток. Между 35° — 36° с. ш. был тщательно обследован берег Японии, о котором Крузенштерн писал: «Впрочем принадлежит ли виденный нами берег к острову Нипону, или есть остров Оки, во всяком случае, астрономическое определение многих мест между 35 и 36 градусами широты может много способствовать к лучшему познанию западных пределов сего 300 лет уже известного, но и поныне все еще не изведенного государства; в самой вещи сии определения дают Японии между 35 и 36 градусом около 100 миль большую ширину против той, какую она имеет на Арросмитовой карте. Итак, Японское море между 35 и 36 градусами широты делается по сей карте на столько же уже»¹. На 36° с. ш. моряки потеряли из вида берег острова Хондо и вновь подошли к нему только на $39^{\circ}40'$ с. ш.

Продолжая свой путь к северу и производя обследования берегов острова Нипон вблизи Сангарского пролива, Крузенштерн составил первую карту неизвестного в то время побережья. Наиболее замечательным здесь был мыс Россиян (Натамура-Саки) $39^{\circ}50'$ с. ш. и $139^{\circ}44'00''$ в.д. Как сам мыс, так и его окрестности были очень живописны. Большой залив с удобными якорными стоянками окружали высокие горы со снеговыми вершинами и низвергающимся красивым водопадом.

Проплыв немного далее к северу, русские увидели другой живописный мыс Сангар (Таппи-Саки), образующий северо-западный выступ острова Нипон, и мыс Надежды (Шираками-Саки), образующий юго-западный выступ острова Иезо при входе в Сангарский пролив. «Итак

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 22.

ширина сего славного пролива на западной стороне составляет только девять, а не 110 миль, как то показано на некоторых картах»¹. Крузенштерн делает попытку объяснить происхождение Сангарского пролива. «Сии два острова расторгнуты, повидимому, друг от друга сильным землетрясением, как то полагают и отделение Англии от Франции, Гибралтара от Африки, Сицилии от Италии и проч. Малая ширина пролива, разделяющего Японию от Ессо,—каменистые, утесистые, единообразные берега, равное число противоположных по обеим сторонам мысов и между ими заливов, одинаковое направление цепей гор, близость высокой горы Тилезиус, кажущейся быть погасшим вулканом, от которого уповательно произошло сие исторжение; ибо известно, что сильные земные потрясения бывают часто в северной Японии: все сие служит ясным признаком к такому заключению. Хотя известна только часть пролива Сангар, однако естьли судить по виду онаго, изображаемому на картах японцами, то сие предположение мое окажется вероподобным. Означенные на них мысы сходствуют с противолежащими углублениями берега столько, что по содвинутии берегов могли бы оные точно соединиться»².

От Сангарского пролива Крузенштерн взял курс на север и исследовал всю западную часть острова Иезо.³ Западное побережье Иезо на картах того времени изображалось пунктирными линиями⁴, поэтому Крузенштерн с особым усердием занимался нанесением его на карту. Натуралист Тилезиус срисовал виды этих берегов, которые приложены к «Атласу» Крузенштерна. Далее было установлено положение ряда островов у западного берега острова Иезо: О-Сима (ныне Ошима), Окозир (Окусири), Теурире и Яникессери (Теуре и Иянгесири), Рио-Шири (Рисири), Рефунасари (Релунасари), а также ряд мысов

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 31—32.

² Там же, ч. II, стр. 35.

³ Иезо, или Езо, есть старое название острова Хоккайдо. Некогда этим словом японцы обозначали всех «северных дикарей», не подчинившихся власти японского императора. У позднейших японских писателей под словом Езо подразумеваются страны, лежащие на север от острова Хондо, включая Курильские острова и Сахалин. (См. Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1946, стр. 139—140.)

⁴ См. Reduced chart of the Pacific ocean from the one publ. in 9 sheets by A. Arrowsmith, London, 1 oct., 1798.

и заливов. Некоторые из этих мысов имели конусообразные дымящиеся вулканы, склоны которых были покрыты потоками застывшей лавы.

На северной оконечности острова Иезо было установлено географическое положение крайних мысов: мыс Соя (Сойязаки) $45^{\circ}31'15''$ с. ш. и $141^{\circ}51'00''$ в. д. и мыс Румянцева (Носайя-Пузаки) $45^{\circ}25'50''$ с. ш. и $141^{\circ}34'30''$ в. д. «Северная часть о. Ессо имеет многие преимущества перед южною. Она на довольноное расстояние во внутренность до того места, где начинаются снежные, весь остров от юга к северу препоясывающия горы, вообще низменна, покрыта густыми лесами и кажется не неудобною к хлебопашеству. Самые берега по большей части неровны, частию каменисты, частию же песчаны... Но и в сей, казавшейся плодородной части острова Ессо, не заметили мы никаких признаков населения, выключая севернейшую оконечность, вблизи коей видели несколько рыбацких хижин»¹.

Этими данными подытоживался круг астрономических и картографических работ в Японии, давший в итоге ряд специальных карт, обеспечивших судоходству нормальные условия плавания в водах этой страны и уточнивших географические границы этого государства.

О. Е. Коцебу во время кругосветного плавания на «Рюрике» останавливался у острова Гуам (Марианские о-ва), где встретился с иностранными китобойными судами. У иностранных капитанов была карта японского побережья, составленная И. Ф. Крузенштерном, и они отзывались о ней с большой похвалой. Коцебу пишет: «Карта, которую они по ее подробности и верности предпочитают всем картам японских берегов, изданным в Европе, исключительно употребляют оную для своей безопасности во время плавания по японским водам»².

Нужно заметить, что в то время границы Японского моря устанавливались произвольно. Крузенштерн пределы

¹ И. Ф. К р у з е н ш т е р н, ч. II, стр. 47. Замечание Крузенштерна совершенно правильное. Хотя остров Иезо был присоединен к Японии уже несколько столетий тому назад, но фактически колонизация его началась лишь во второй половине XIX столетия. Японцы считали, что климат его чересчур суров для них. В настоящее время на острове Иезо проживает около 3 млн. японцев, а кроме того, около 16 тысяч айнов, аборигенов здешних мест.

² О. Е. К о ц е б у, ч. II, 1823, стр. 173.

Японского моря намечал от Корейского до Лаперузова пролива, а материковую границу проводил от восточного берега Кореи до 45° с. ш. Он писал: «Сие море называли также Корейским, но как оно касается малой части берега Кореи, то и кажется справедливейшим назвать его Японским»¹.

Название «Японское море» после работ Крузенштерна прочно вошло в географию, границы же моря были значительно сдвинуты к северу.

При следовании корабля «Надежда» вдоль западных берегов Японии от пролива Ван-Димена к проливу Лаперуза Крузенштерн установил северо-восточное морское течение. Течение к северо-востоку констатировано было и у западных берегов острова Иезо.

Наличие установленных в этом плавании течений было подтверждено работами последующих мореплавателей. Теперь известно, что цусимская ветвь Куроисио отклоняется вправо при следовании от Корейского пролива к северу и что большая часть его выходит в Тихий океан через Сангарский пролив, а остальная часть идет вдоль западного берега острова Иезо в Лаперузов пролив².

Этими данными Крузенштерн не располагал и ошибочно заключил, что «из плаваний Лаперуза, Броутона и нашего следует кажется заключить, что в Японском море, выключая близость берегов, не происходит никаких особенных течений»³.

Едва «Надежда» бросила якорь в заливе Румянцева (Носайя-Пузаки), как на судно явились рыбаки—жители острова Иезо, которые на палубе встали на колени, подняли обе руки на голову и, проведя ими по лицу и всему телу, начали низко кланяться. Они привезли с собою много свежих сельдей⁴, которые променивали на всякие безделушки: за одну медную пуговицу давали 50—100 сельдей.

Крузенштерн хотел доставить натуралистам возможность пополнить свои коллекции, для чего предпринял небольшую экскурсию по берегу залива. «В 2 часа по

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 172.

² В. А х м а т о в. Океанография. «Тихий океан, русские научные исследования», Акад. наук, 1926.

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 176.

⁴ Здесь водится тихоокеанская сельдь *Clupea harengus pallasi* (Valenciennes).

полудни поехал я с большею частию своих офицеров на берег, и хотя оный лежит в малой широте, однакож, к удивлению нашему, нашли на нем в половине мая весьма мало признаков весны. Во многих местах лежал еще снег глубокий, деревья мало распустились и, выключая несколько дикого луку и щавелью, не видно было никакой зелени»¹.

На следующий день на «Надежду» приехал японский офицер. Он уговаривал командира немедленно удалиться из залива, угрожая, в случае неисполнения его требования, японским флотом, который, по его словам, скоро придет и поступит с ними беспощадно. При этом он надувал щеки, пыхтел и приговаривал: «бум», «бум», чем смешил очень русских моряков. Этот офицер рассказывал путешественникам об Адаме Лаксмани, которого очень хвалил. Он принял русских за англичан или шведов, так как никто из них не носил косы, какую он видел у Лаксмана и его спутников. Он знал несколько слов по-русски и, выпив на корабле чашку чая, опрокинул ее на блюдечко. Моряки этого не заметили, и он был удивлен, что они забыли свой обычай. Крузенштерн обещал ему уйти, как только рассеется туман.

У северо-западного побережья острова Иезо Крузенштерн затратил значительное время для розысков несуществующего острова Карафуту. Название Карафуту, или Крафто, известное по некоторым японским картам и литературным источникам XVII и XVIII столетий, приписывалось острову, лежащему к северу от Иезо или иногда, полуострову Азии, лежащему южнее устья реки Амура².

В 1802 г. Топографическим депо в Петербурге была издана карта, на которой остров Карафуту был снят с японской карты, привезенной в Россию японцем Кодай, которого Адам Лаксман в 1792 г. отвез обратно в Японию³.

В Матсмае у японского чиновника Лаксман также видел карту, на которой был нанесен остров Карап⁴. Изыска-

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 51.

² Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I, СПб, 1883, стр. 129.

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 32.

⁴ А. Полонский, Курилы. Записки Русского Географического общества по отделению этнографии, т. IV, 1871, стр. 493—541.

ниями Крузенштерна была установлена идентичность острова Карафутто с островом Сандан, или Сахалин. «И так наконец без всякого сомнения принято, что Карафутто есть настоящий остров Сахалин, котораго сию южную оконечность японцы называют Карафуттом»¹.

1 мая «Надежда» вышла из залива Румянцева и прошла Лаперузовым проливом в залив Анива, расположенный на южном берегу Сахалина. О целях этой поездки Крузенштерн писал: «Отсюда направил я свой путь к заливу, называемому Анива. Хотя оный купно с другим, известным под именем Терпения, и были посещаемы голландцами, однако, не взирая на то, желал я изведать Сахалин сколько возможно и точнее и хотел сделать начало с мыса Крильон, который вместе с мысом Анива были последние астрономически Лаперузом определенные места Сахалина. Положим, что об искусстве голландских мореходцев XVII столетия и нельзя сомневаться, и что великая похвала, приписываемая Лаперузом капитану Фриз, есть действительно справедлива, однако я ласкаюсь надеждою, что подобным исследованием двух больших заливов, и строгим определением пределов оных, сделаю географии немаловажную услугу. Скоро и ясно покажу я, что капитан Фриз при описании того и другого залива наделал весьма много погрешностей, которые кажутся даже невероятными»².

Эти изыскания и последующие работы на восточном и северо-западном берегах этого острова дали материал для построения карты «Полуострова Сахалина», вошедшей в атлас Крузенштерна как одно из ценных достижений кругосветного плавания.

Залив Анива известен удивительным обилием лососевых рыб³.

Во время пребывания «Надежды» в заливе Анива вода до того кишела рыбой, что трудно было грести. Сетей и неводов у местных жителей не было, и при отливе рыбу

¹ Ф. Шемелин, ч. II, 1816, стр. 172.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 66

³ Главным образом кета—*Oncorhynchus keta* (Walbaum), горбуша—*Oncorhynchus gorbuscha* (Walbaum), сима—*O. masu* (Brewoort) и др. По обилию промысловых рыб Южный Сахалин занимает одно из первых мест не только в СССР, но и в мировом рыбном промысле. Здесь встречаются почти все (за исключением глубоководных) отряды рыб, представленные, примерно, 158 семействами, 370 родами и 800 видами.

просто черпали ведрами. Голландцы, открывшие залив Анива в XVII столетии, одной из бухт его дали название Лососьей (Salm-Bay). Крузенштерн и его спутники сообщают, что в 1805 г. на Сахалине существовало только два японских поселения, которые были расположены в заливе Анива, в бухтах, названных голландцами Лососьей и Томари-Анива¹. В том и другом поселении находились как японские офицеры, так и купцы². Судя по состоянию построек и по показанию самих японцев, оба селения были основаны недавно. Относительно поселения в бухте Лососьей, Крузенштерн сообщает: «Мы могли заметить, что японцы поселились здесь не давно, потому, что дома офицеров, а особливо анбары были совсем новы, некоторые же еще не окончены»³. Японское поселение в Томари-Анива, которое айны называли Кусункотаном⁴, посетил Лангсдорф. Японские офицеры ему рассказывали, что один из них жил на Сахалине шесть, а другой восемь лет⁵. Повидимому, оно было основано прежде первого, так как было более обширным.

В. М. Головнин⁶ пишет, что японцы постановили занять своими поселениями южную часть Сахалина после 1787 г., когда в заливе Анива появились суда Лаперуза. Последовавшее затем появление Лаксмана в 1792—1793 гг. на Иезо и Курильских островах способствовало осуществлению этого постановления.

Сообщение А. Полонского⁷, который пишет, что японцы поселились в заливе Анива в 1799 г. (за шесть лет до появления здесь «Надежды»), находится в полном согласии со сведениями Крузенштерна, Лангсдорфа и Головнина.

Однако постоянного японского населения на острове Сахалине в то время не было. Японцы, о которых упоми-

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 68. См. также Langsdorff, Bd. I, p. 289.

² Л. Шренк сообщает, что даже пятьдесят лет спустя, в 1853 году, на Сахалине было всего три японских поселения (Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I, СПб, 1883, стр. 77).

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 71.

⁴ Л. Шренк. Об инородцах, Амурского края, т. I, 1883, стр. 75.

⁵ В. М. Langsdorff, Bd. I, p. 293.

⁶ В. М. Головнин. Записки о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг., СПб, 1816, ч. III, стр. 168.

⁷ А. Полонский. Курилы. Зап. имп. Русск. Геогр. общ. по отделению этнографии, т. IV, 1871, стр. 559.

нают мореплаватели, приезжали на Южный Сахалин лишь в летний сезон для занятий рыбными промыслами. Первое постоянное поселение на Южном Сахалине (в заливе Анива) было основано в 1806 г. русским мореплавателем Хвостовым, который предпринял первую попытку присоединить к России Южный Сахалин.

Таким образом русские на 150 лет раньше японцев открыли остров Сахалин и первые создали на Сахалине постоянные поселения. В описании кругосветного плавания Крузенштерн настоятельно рекомендует русскому правительству закрепить за Россией залив Анива.

Мысль Крузенштерна о необходимости присоединения к России острова Сахалина оказала решающее влияние на дальнейший ход событий.

В 1809 г. на фрегате «Диана» был командирован капитан-лейтенант Подушкин для описи Курильских островов, берегов Восточной Сибири и полуострова или острова Сахалина. В первую очередь ему было предписано описать Сахалин, начиная с губы Анива, которую занять под поселение Российско-Американской компании для китовой ловли и торговли с Японией¹. Однако лишь полстолетия спустя идея Крузенштерна была блестяще осуществлена Невельским.

Астрономические наблюдения Крузенштерна, проведенные у южных и юго-восточных берегов Сахалина, заключались в проверке координат, установленных в 1643 г. капитаном Фризом и в 1787 г. Лаперузом для крайних южных точек: мыса Крильон (Шисиноторо) и мыса Анива (Сиретоко). Кроме того, была составлена полная картографическая опись заливов Анива и Терпения, а также юго-восточного побережья Сахалина до мыса Терпения (Китасиретоко).

Природа Южного Сахалина произвела на мореплавателей приятное впечатление: «Белые, утесистые берега со своими заливами, разнообразные, довольно высоты позади оных горы, покрытые прекраснейшею зеленью, и лесистые долины обратили особенное внимание наше на сию часть Сахалина, которая бесспорно имеет великия преимущества пред осмотренными нами после северными

¹ «Записка о командировке на о. Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина», опубликована В. Н. Басниным в чтениях при Импер. Общ. Истории и Древн. России при Московском университете, 1875 г., кн. 1.

его берегами. После заметили мы далее во внутренности земли еще многие ряды гор, имеющих направление N и S. Самый задний ряд, долженствующий быть средним гор хребтом южной части Сахалина, превосходил высотой прочие и был покрыт весь снегом. Вершины высочайших гор скрывались в облаках¹. При выходе в Охотское море было уточнено положение Тюленьего острова (Кайхето) и «Камня опасности» с грядой подводных камней. Попытка установить положение мыса Терпения оказалась неосуществимой вследствие огромной массы льдов, спускающихся к югу от этого мыса (это было 26 мая 1805 г.). Погода была пасмурная, снежные облака висели над горизонтом.

Эти обстоятельства и необходимость срочно доставить посольство на Камчатку заставили Крузенштерна направиться в Петропавловский порт.

Во время стоянки в заливе Румянцева и на южном берегу Сахалина русские познакомились с местными жителями, которые известны теперь под именем айнов. Название айны (Aino) установилось в Европе для этого народа со времени путешествия Крузенштерна². Этим именем сами себя называют одноплеменные жители Иезо, Сахалина и Курильских островов. Айно или айну на языке их значит «человек»³. До этого времени айны оставались без определенного наименования. Не только иезуитские миссионеры, впервые познакомившиеся с этим народом на острове Иезо в начале XVII столетия, но и голландский мореплаватель Фриз, побывавший в районе южных Курильских островов, не называли его никаким именем. У Лаперуза и Броутона также не имеется для айнов никакого особого названия. Лаперуз называет их просто «Сахалинцами» (Seghaliens) или «Оку-Ессойцами», так как у японцев этим именем называлась земля, лежащая к северу от Нипона⁴. Броутон называл жителей острова Хоккайдо «жителями Инсу», так как это название они употреб-

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 98.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 55. См. также Langsdorff, Bd. I, p. 282.

³ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I, СПб, 1883, стр. 132.

⁴ La Perouse. Voyage autour du monde, т. III. Paris, 1797, p. 36, 115, 118.

ляли по отношению к своему острову¹. Другие исследователи их называли «мохнатыми людьми» и изображали народом диким, имеющим густую звероподобную шерсть.

Во второй части своего труда Крузенштерн сообщает: «По древним известиям об острове Ессо, должны жители онаго быть мохнатые. Китайцы, вероятно первые узнавшие сей остров², описывают его великим, наполненным диким народом, который имеет все тело мохнатое и столь длинные бороды, что должно поднимать оныя, если пить надобно. Голландцы, бывшие в известной экспедиции 1643 г. под начальством капитана Фриза, а россияне в 1739 г. под начальством Спанберга, подтвердили сие описание, не взирая на то, что езуит Гиероним Данжелис, бывший первый из европейцев на Ессо в 1620 г.³, упоминает только о больших и густых бородах, а о мохнатости тела не говорит ни слова. Многие известия согласно объявляют, что жители Ессо должны быть действительно мохнаты, но я, узнав то сам собою, признаю повествования сии неосновательными. Во время бытности нашей на северной оконечности Ессо осматривал я несколько человек тамошних жителей, но кроме широкой и густой бороды, закрывающей большую часть лица, не нашел ни малейших признаков мохнатости. В заливе Анива смотрел у многих грудь, руки и ноги, и удостоверился также, как и на Ессо, что большая часть айнов не более имеют на теле своем волос, как некоторые из европейцев»⁴.

Действительно, до путешествия Крузенштерна не было ни одного описания айнов, в котором не упоминалось бы, что все их тело поросло волосами. Русский исследователь Камчатки Крашенинников⁵ называет их «мохнатыми курильцами» или просто «мохнатыми». Даже после

¹ Broughton. A voyage of discov., London, 1804, p. 89, 272.

² Китайцы, повидимому, от гиляков получили сведения о сахалинских айнах, и этот народ у них был известен под именем «куе» (на языке айнов «кур» или «куру» значит «человек»). См. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, СПб., 1883, стр. 132—133.

³ Это сообщение Крузенштерна ошибочное. Иезуитский миссионер Иероним де-Ангелис посетил Иезо в 1622 году, и он не был первым европейцем, посетившим этот остров. Европейские миссионеры впервые проникли на этот остров в XVI столетии, например Алоизио Фрус (Froes) в 1565 году (Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883, стр. 127).

⁴ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 87—88.

⁵ С. Крашенинников. Описание Земли Камчатки, СПб., 1755, т. I, стр. 143, т. II, стр. 228.

путешествия Крузенштерна некоторые авторы продолжали называть айнов «мохнатыми»¹.

Айны в то время были так мало известны европейцам, что Крузенштерн счел нужным описать по крайней мере некоторые их отличительные признаки. По его описанию, айны среднего роста, имеют темный цвет кожи² и черные жесткие прямые волосы. Шемелин³ сообщает, что встречаются и русоволосые.

Айны резко бросаются в глаза сильно выраженной растительностью на лице в виде густой и большой бороды. Женщины обезображивали себя татуировкой на руках и губах, отчего губы у них имели синий цвет. «Мужчины, — пишет Крузенштерн, — не татуировались»⁴.

Айны отличались добросердечием и честностью: «В бытность нашу в заливе Румянцева привозили они на корабль рыбу и отдавали нам оную, не требуя за то ничего; когда же мы предлагали им подарки, то они сколько оными не любовались, однако не хотели признавать их своими, покуда из разных знаков наших не уверились, что вещи сии точно отданы им в собственность»⁵.

Все исследователи единодушно пишут, что айны кроткого нрава, услужливы и крайне добродушны. Например, об айнах Курильских островов с симпатией отзывается Крашенинников: «Они несравненно учтивее других народов: а притом постоянны, праводушны, честолобивы и кротки. Старых людей имеют в великом почтении. Между собою живут весьма любовно, особливо же горячи к своим сродникам»⁶. Их женщины чрезвычайно скромны и даже застенчивы. Они не носили никаких украшений, тогда как мужчины носили в ушах серьги, состоящие из медных или серебряных колец⁷.

¹ В. М. Головин. Записки о приключении его в плену у японцев, ч. III, СПб, 1816, стр. 160.

² И. Ф. Крузенштерн (ч. II, стр. 80) пишет, что у айнов цвет кожи «так темен, что близко подходит к черному». Это сообщение не согласуется с наблюдениями других исследователей, например Л. Шренк пишет, что цвет кожи у них «смугло желтоватый» (т. I, 1883, стр. 272).

³ Ф. Шемелин, ч. II, стр. 176.

⁴ Это сообщение Крузенштерна ошибочно. До середины XIX в. у айнов татуировались оба пола. См. Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1946, стр. 154.

⁵ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 81.

⁶ С. Крашенинников, т. II, 1755, стр. 182.

⁷ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 82.

Одежда как мужская, так и женская у них была одинакова. Она состояла из халатов, изготовленных из толстой ткани, «сотканной из лыка». Айны действительно изготавливали грубую ткань из тополсового лыка¹.

Зимой они носили короткие по пояс шубы, сделанные из собачьих и тюленьих шкур, вывернутых шерстью наружу. Штаны не всегда употреблялись. Сапоги айны делали из тюленьей или рыбьей шкуры, с голенищами из собачьего меха. Для пешеходных странствий они употребляли башмаки, плетеные из соломы или травы, а во время распутицы носили деревянные², каких не было ни у гиляков, ни у других коренных народностей Приамурского края.

Жилища их были полуподземные. Они имели четырехугольную форму с остроконечной крышей. При постройке жилищ сначала вырывалась яма, затем вкапывались в землю четыре столба, на которые клали перекладины. К перекладинам с боков приставляли наклонно жерди и покрывали их толстым слоем камыша³. На камыш сверху клали такие же жерди вдоль и поперек. Конусообразная крыша строилась также из жердей, сложенных в виде решетки и покрытых камышом. В середине крыши имелось четырехугольное отверстие для освещения хижины и выхода дыма. Земляной пол иногда был покрыт травяными рогожками.

Айны занимались⁴ главным образом рыболовством и охотой на куниц, лисиц, волков и медведей.

Из домашних животных они имели только собак, которых, повидимому, употребляли для зимней езды, так как на берегу залива Алива Крузенштерн видел санки, подобные камчадалским нартам⁴. В каждом доме воспитывался молодой медведь, который у них считался священным⁵. Хлебопашеством и огородничеством не занимались. Питались главным образом рыбою: соленою, сушеною и копченою.

¹ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1946, стр. 155.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 76.

³ Имеется в виду, очевидно, курильский бамбук (*Sasa kurilensis*).

⁴ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 84.

⁵ G. Langsdorff, Bd. I, p. 285. См. также Г. Де-Воллан. В стране восходящего солнца, 1906, стр. 10.

Происхождение айнов, несмотря на труды многих исследователей, составляет все еще неразрешенный вопрос. Из-за сильно выраженной растительности на лице многие относили айнов к «кавказской» группе народов.

Л. Я. Штернберг пишет, что «по физическому типу, айны представляют вариацию той первичной австралоидной длинноголовой, бородатой расы, разновидности которой мы одинаково находим и в Австралии, и в южной Индии, и в западной Океании, а особенности их культуры и языка находим у самых различных народов Океании и особенно ясно у ближайших из этих народов, живущих в Индонезии, на Филиппинах и на Формозе»¹.

Русские путешественники описали политическое положение айнов как угнетенной национальности в составе Японского государства. Шемелин² сообщает, что японские начальники употребляют айнов на тяжелых работах, отдают их купцам для ловли рыбы, но за труды им ничего не платят.

Далее Шемелин пишет, что японцы смотрят на айнов как на скотов и за малейшее непослушание бьют их немилосердно палками и рвут тело щипцами. Японские чиновники всячески пытались показать русским отеческую заботу их правительства об айнах, но «Виселицы, виденные г. Ратмановым в селении при заливе Тамари-Анива, изъявляют совсем другое расположение правительства их к сим несчастным»³.

В третьем томе своего сочинения Крузенштерн опубликовал обширный «Словарь наречий народов, обитающих на южной оконечности полуострова Сахалина, собранный на месте покойным лейтенантом Гаврилою Давыдовым»⁴.

Покинув берега острова Сахалина, «Надежда» 30 мая подошла к цепи Курильских островов и направила свой путь в пролив между островами Муссир (Мушир) и Экарма, где русские моряки открыли группу, состоящую из четырех надводных скал, которым Крузенштерн дал

¹ Л. Я. Штернберг. Айнская проблема. Сборник Музея антроп. и этнограф., VIII, 1939, стр. 369, изд. Акад. наук.

² Ф. Шемелин, ч. II, стр. 166—179. О рабском состоянии айнов и жестокости японской эксплуатации говорит также Л. Шренк (См. Об инородцах Амурского края, т. I, 1883, стр. 76).

³ Ф. Шемелин, ч. II, стр. 179.

⁴ И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 342—380.

название «Каменные ловушки». Здесь «Надежда» едва не погибла из-за встречного течения, которое несло ее на подводный риф. С большим трудом она снова выбралась в Охотское море, где переждала наступивший шторм.

1 июня «Надежда» прошла через пролив Харумукотан, отделяющий остров Онекотан от острова Харумукотана.

Во время плавания у Курильских островов астрономические и картографические работы не прерывались: «Из сих островов,—пишет Крузенштерн,—определены поныне с точностью только четыре первые: называемый одиннадцатым или Раукоке, виденный адмиралом Сарычевым, и острова, составляющие пролив Лебуссоль»¹. Крузенштерну удалось установить точное географическое положение лишь некоторых островов Курильской гряды.

При этом Крузенштерн, перепутав названия отдельных островов Курильской гряды, допустил значительные ошибки, исправленные впоследствии Головинным при описании южных Курильских островов: «Итак, свидание с жителями,—пишет Головин,—доставило нам случай узнать много любопытного касательно Курильских островов, а особенно настоящих их имена; следовательно, капитан Крузенштерн, положив отменно верно виденные им острова на карты, дал некоторым из них другия названия, а именно: его Райкоке есть настоящий Матуа, а Матуа называется жителями Растуа; остров, им называемый Растуа, сами жители именуют Ушисир; а тот, который у него на карте стоит под именем Ушисира, они называют Кетой, а его Кетой жителям известен под именем Симусира, который по их счету шестнадцатый в гряде.

Без всякого сомнения, капитан Крузенштерн не имел намерения нарочно переменять имена островов, под коими они известны природным своим жителям; а взял их с какой-нибудь неверной карты, или слышал от людей, не имевших об них надлежащих сведений; ибо здравый рассудок, справедливость и польза географии требуют, чтобы населенные части земного шара назывались так, как оне жителями своими именуются, а потому, на

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 106—107.

моей карте Курильских островов, я возвратил им настоящие имена»¹.

Во время четырехдневного плавания по Тихому океану «Надежда» прошла мимо острова Сюмсю (Сумшу) и острова Арайто (Алайд) и далее вдоль камчатского побережья до Авачинской губы. Пловучие льды и туманы сильно затрудняли проведение астрономических и картографических работ.

5 июня после сорокавосемидневного плавания из Нагасаки «Надежда» бросила якорь в Петропавловской гавани. Посланник Резанов перешел на судно Российско-Американской компании «Мария», на котором отправился на остров Кадьяк². Вместе с ним «Надежду» покинул естествоиспытатель Лангсдорф, пожелавший ознакомиться с природой и богатствами Русской Америки.

ПЛАВАНИЕ К ОСТРОВУ САХАЛИН

5 июля 1805 г. «Надежда» вышла из Петропавловской гавани и снова направилась к острову Сахалин, чтобы продолжить описание этого острова и обследовать устье реки Амура.

Крузенштерн старался держать корабль как можно ближе к Камчатскому берегу, чтобы новыми астрономическими определениями дополнить составляемую им карту Камчатки.

¹ В. М. Головин. Сокращенные записки флота капитан-лейтенанта Головина о плавании его на шлюпе «Диана» для описи Курильских островов в 1811 году. Сочинения и переводы Василия Михайловича Головина, т. II, ч. II, 1864, стр. 287.

² До июля 1806 г. Резанов находился в Русской Америке, так как положение там было очень тяжелое. Промышленники голодали, потому что бриг «Елизавета», отправленный сюда с провизией, потерпел крушение. Резанов сам вынужден был отправиться за продовольствием в Сан-Франциско на судне «Юнона». В замечаниях о Калифорнии он писал о необходимости распространения русских поселений к югу. «Если бы прозорливые виды Петра Великого, начертанного при малых тогда способах Берингову экспедицию, были как следует выполнены, то можно утвердительно сказать, что Калифорния никогда не была бы испанскою провинцией, ибо с 1760 года только испанцы обратили на эту страну внимание и упрочили ее за собой» (Цитировано по Тихменеву, 1861, стр. 153).

Крузенштерн в 1821 г. также предлагал правительству купить порт Сан-Франциско в качестве уплаты за уступку испанцам военных судов (ЦГАДА, ф. Госархива, разд. XXIV, д. 68, лл. 11—12).

После четырехдневного плавания в туманную погоду увидели острова Онекотан и Харамукотан.

Крузенштерн намеревался уточнить положение открытых им надводных скал, названных «Каменные ловушки», но благоприятный ветер побудил пройти ближайшим проливом, который он назвал проливом Надежды. Он пишет, что пролив Надежды лежит между островами Раукоке (Райкоке) и Матау (Мацува)¹. Это сообщение Крузенштерна совершенно неправильное. При внимательном рассмотрении оказывается, что Крузенштерн опять перепутал названия островов и в действительности прошел проливом между островами Мацува и Расева². О проливе Надежды (Расева) Крузенштерн писал: «Сей пролив, названный мною Надеждою, есть один из лучших между островами сей цепи. Он шириною в 16 миль (27,5 км.—В. Н.) и совершенно безопасен»³. К югу от острова Мацува моряки увидели остров Кетой и остров Симушир, который,—пишет Крузенштерн,—голландцы называли Землею Компании⁴.

В Охотском море взяли курс к западу, к мысу Терпения, который в первом плавании не был определен астрономически. Множество тюленей, сивучей, китов и бесчисленное множество птиц окружали корабль со всех сторон. Густой туман закрывал горизонт.

17 июля увидели мыс Терпения, самую восточную часть Сахалина, и пошли на север вдоль белых береговых обрывов. Высокие холмы, покрытые зеленью, были пустыни. Ни малейших признаков населения. Ни один европейский мореплаватель не посещал еще этих берегов.

С 20 июля наступила хорошая теплая погода, но продвигаться на север препятствовало встречное течение (Сахалинское). «Течение к югу,—пишет Крузенштерн,—кажется быть здесь господствующим в сие время года;

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 140.

² Пролив между островами Райкоке и Мацува ныне называется проливом Головнина (Мацува).

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 141.

⁴ Там же, ч. II, стр. 141. Крузенштерн ошибается. Земля Компании—ныне это остров Уруп, который был посещен голландским капитаном Фризом в 1643 году и назван в честь пославшей его голландской Ост-Индской компании. Он предполагал, что Земля Компании есть часть Сев. Америки. См. Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1946, стр. 171.

оно бывает даже и при южных ветрах¹. Сие стремление течения подало мне повод несправедливо думать, что остров Сахалин на широте 51° или 52° должен разделяться проливом, простирающимся от NW на SO. Долго я льстил тщетною надеждою к открытию онаго»².

С 25 по 29 июля погода была бурная и туманная. Лот был единственным путеводителем у этих неизведанных берегов. От 51° с. ш. горы совершенно исчезли, и берег стал низменным, песчаным. Лаперуз на западной стороне Сахалина на 51° с. ш. также видел песчаный низкий берег. На этом основании Крузенштерн сделал предположение, что прежде Сахалин состоял из двух островов, которые потом соединились песчаным перешейком³.

3 августа на 52°53'05" с. ш. и 144°14' в. д. измерили глубинную температуру воды⁴.

Температура воздуха	11,3° С
» поверхности воды	7,5° »
» на глубине 80 сажень (146,3 м)	—1,2° »

Быстрое понижение температуры с глубиной в верхних слоях Охотского моря подтвердилось и наблюдениями адмирала С. О. Макарова в 1888 г.⁵.

8 августа, после двухнедельного плавания вдоль низменного песчаного берега, вновь показались высокие горы с зеленеющими долинами. Берег, состоящий из черного гранита, принял суровый вид. Морская вода изменила цвет и стала мутножелтоватой. Причину этого явления Крузенштерн правильно приписал близости устья Амура.

При обследовании восточного берега Сахалина важнейшие пункты, открытые в этом плавании, получили назва-

¹ Течение к югу у восточного берега Сахалина наблюдается во все времена года. См. Ю. Ш о к а л ь с к и й. Океанография, 1917, стр. 549.

² И. Ф. К р у з е н ш т е р н, ч. II, стр. 152.

³ Там же, ч. II, стр. 157. Следует заметить, что горные хребты, идущие с севера на юг через весь Сахалин, нигде не прерываются. Бурная туманная погода заставила Крузенштерна идти далеко от берега, поэтому часть северо-восточного побережья Сахалина на его карте положена неверно, что впервые было обнаружено Невельским. «Путь наш по карте Крузенштерна почти до мыса Елизаветы лежал в расстоянии от берега от 16 до 7 миль, между тем как мы шли от него не более, как в трех милях». (Г. И. Н е в е л ь с к о й. Подвиги русских морских офицеров..., изд. 1878 г., стр. 81 и 83).

⁴ И. Ф. К р у з е н ш т е р н, ч. II, стр. 164.

⁵ См. Ю. Ш о к а л ь с к и й. Океанография, 1917, стр. 167.

ния, были астрономически определены, и вся береговая линия впервые положена на карту.

В 4 часа дня, 8 августа обошли гористый, голый северный мыс острова Сахалин, который Крузенштерн назвал мысом Елизаветы ($54^{\circ} 24' 30''$ с. ш. и $145^{\circ} 46' 30''$ в. д.), и увидели на западе другой мыс, получивший название—мыса Марии ($54^{\circ} 17' 30''$ с. ш. и $145^{\circ} 17' 45''$ в. д.).

Между мысами Елизаветы и Марии лежит широкий залив (Северный) с низкими зелеными берегами. Большое озеро, окруженное сосновыми лесами, придаст ландшафту живописный вид.

В долине моряки заметили небольшое селение, состоящее из 27 домов. Лейтенант Левенштерн, Горнер и Тилезиус были посланы на гребном судне на берег. Жители острова встретили прибывших не враждебно, но в селение не пустили. Пришлось вернуться на корабль. По внешнему виду они были не похожи на айнов, и Крузенштерн решил сам побывать на берегу. К юго-западу от мыса Марии видели несколько местных поселений. «Мы видели даже и нивы,—пишет Крузенштерн,—обработывание коих доказывало, что здесь живет народ, успевший в образе жизни более, нежели айны»¹.

12 августа встали на якорь в Сахалинском заливе на $54^{\circ} 04' 10''$ с ш. Морское течение здесь приняло северо-восточное направление и было настолько сильным, что корабль не слушался руля, но, несмотря на это, Крузенштерн решил продолжать научные исследования. Неясными оставались два вопроса: является ли Сахалин островом или это полуостров, как предполагали многие географы и мореплаватели после исследований Лаперуза и Броутона. Неясным оставалось также положение устья Амура, о котором географы того времени высказывали предположение, что оно теряется в песках².

С тех пор как русские появились на берегах Тихого океана, они всегда считали Сахалин островом.

В любопытном «Сказании о великой реке Амуре, которая разгранила русское селение с Китайцы», составлен-

¹ И Ф К р у з е н ш т е р н, ч. II, стр. 177. Повидимому, Крузенштерн ошибается. Сахалинские гиляки не занимались земледелием и огородничеством, а привозили овощи и зерно от китайцев и японцев. (См. Л. Ш р е н к. Об инородцах Амурского края. СПб, 1899, т II, стр. 115, 132).

² В. Л е ш к е в и ч. Сахалин. Дальгиз, 1947, стр. 15.

ном Николаем Спафарием в результате путешествия в Китай в 1675—1677 гг., дано подробное описание Амура. Здесь упоминается про остров Сахалин: «Вышеименитая великая река Амур, гористая и лесистая и в океан впадала одним своим устьем, и против того устья есть остров великой; а живут на том острове многие иноземцы гиляцкие народы. Юрты у них деревянные рубленые, и носят платья соболья и лисьи, и звериные кожаны, и ездят на собаках, нартами зимою, а летом по водам в лодках, и держат в улусах собак по 500 и по 1 000; питаются всяким зверем и рыбою»¹.

На первых картах северо-востока Азии, появившихся в Европе в XVIII в., Сахалин также изображался островом с довольно сложным названием *Saghalian anga hata*, т. е. «Остров устья Черной реки».

Лаперуз в 1787 г., чтобы сократить плавание из Японского моря к Камчатке, решил пройти проливом между Сахалином и Азиатским материком. Продвигаясь на север, Лаперуз обнаружил медленное, но систематическое уменьшение глубины в Татарском проливе. Опасаясь сесть на мель, он бросил якорь на глубине 9 сажень (16,5 м) и послал на север два гребных судна для измерения глубин. Они прошли на три мили к северу, где глубина уменьшилась до 3 сажень (5,5 м).

Постепенное уменьшение глубины и отсутствие морских течений побудили Лаперуза высказать мнение, что Сахалин или соединен с берегом Азии перешейком, или канал, разделяющий их, очень узок и мелководен, а потому и непригоден для судоходства. Так как Лаперуз не высказал определенного мнения, географы на картах продолжали изображать Сахалин островом.

Позднее, будучи в Кантоне, Крузенштерн нашел описание путешествия английского мореплавателя Броутона, которое было издано в Европе во время его отсутствия.

Броутон прошел из бухты Де-Кастри (открытой Лаперузом) на 8 миль (11 км) севернее Лаперуза, где глубина уменьшилась до 2½ сажень (4,5 м).

По сообщению Броутона, здесь Татарский пролив оканчивался замкнутым заливом, берега которого обошел на шлюпке его помощник Чапман.

¹ А. Т и т о в. Сибирь в XVII веке. М., 1890, стр. 110.

Еще будучи в Нагасаки, Крузенштерн разработал план работ по обследованию Татарского пролива, который заключался в следующем: предполагалось поставить «Надежду» на якорь на две-три недели в безопасной бухте на северо-западном берегу Сахалина, откуда отправить парусный баркас, снабженный хронометрами, секстанами и другими астрономическими приборами, в Татарский пролив под начальством старшего офицера «Надежды» Ратманова и его помощника—лейтенанта Беллинсгаузена. В случае, если будет установлено, что Сахалин отделяется от материка проливом, Ратманову предписывалось устроить двухдневный отдых в заливе Де-Кастри и затем вернуться обратно.

После посещения Камчатки Крузенштерну пришлось изменить свой план. «Сколько я ни желал изведать канал и весь берег Татарии от устья Амура до Российских пределов, что для вернейшего географического определения сей части почитаю весьма нужным; однако не смел отважиться на то ни под каким видом. При вторичном отходе нашем из Камчатки, остерегали меня не приближаться к берегу Татарии, принадлежащей китайцам, дабы не возбудить в недоверчивом и боязливом сем народе какого-либо подозрения и не подать через то повода к разрыву выгодной для России Кяхтинской торговли»¹.

Все же, несмотря на категорическое запрещение, Крузенштерн не отказался окончательно от своего намерения.

13 августа «Надежда» стала осторожно продвигаться к югу. Под $53^{\circ}33'$ с. ш. ширина пролива между Сахалином и азиатским берегом стала не более пяти миль (9 км). С корабля одновременно видели берега Азии и Сахалина. Противолежащие мысы были названы в честь офицеров «Надежды»: мыс Ромберга на азиатском берегу ($53^{\circ}26'30''$ с. ш.) и мыс Головачева на побережье Сахалина ($53^{\circ}30'15''$ с. ш.). Глубина в проливе уменьшилась до шести саженьей (11 м), и Крузенштерн не осмелился идти дальше. Оставалось не более ста миль

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 196. Торговля с Китаем давала ежегодно от 500 тыс. до 1 миллиона рублей дохода. (См. Л. Г. Каманин. Геннадий Иванович Невельской. Статья, напечатанная в книге Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849—1855 гг.», М., 1947 г., стр. 10).

неисследованного пространства, отделяющего Крузенштерна от мест, достигнутых Лаперузом и Броутоном с юга. Приказав лечь в дрейф, он послал лейтенанта Ромберга на шлюпке с поручением пройти поперек пролива и измерить его глубину. В шесть часов вечера того же дня Ромберг, пройдя несколько километров к югу, возвратился на «Надежду» после данного ему пушечного сигнала. Он донес, что глубина в проливе уменьшилась до трех с половиной саженьей (6,5 м), и привез с собою ведро воды, которая оказалась совершенно пресной.

По этим данным Крузенштерн заключил, что Сахалин является полуостровом. «Итак теперь доказано совершенно,—пишет Крузенштерн,—что Сахалин соединяется с Татарией низменным песчаным перешейком, и есть полуостров, а не остров. Почему справедливость и требует означаемый на картах со времени Лаперузова путешествия пролив Татарии изображать и называть заливом оной, хотя весьма вероятно, что Сахалин был некогда, а может быть еще в недавния времена, островом, как представляется оный и на Китайских картах, но что наносные пески реки Амура соединили его с матерой землею»¹. Крузенштерн пишет, что в этом вопросе с ним согласны «все прочие на корабле бывшие и могшие судить о сем»². Однако это замечание Крузенштерна не заслуживает доверия. В 1848 г. капитан-лейтенанту Невельскому, отправлявшемуся из Петербурга в Камчатку, пришлось беседовать с командиром кронштадтского порта Беллинсгаузенем. «Ф. Ф. Беллинсгаузен,—пишет Невельской,—сообщил мне, что опись, произведенная И. Ф. Крузенштерном, северной части Амурского лимана, а равно и предположение его, что у восточного берега Сахалина существует бар одного из рукавов реки Амура, весьма сомнительны и как он, так и адмирал П. Ф. Анжу сказали мне, что недавно к этим берегам было посылаемо судно Российско-Американской компании»³.

Правда, Крузенштерн оговаривается, что подробного исследования он не производил, и оставляет окончательное решение этого вопроса будущим мореплавателям.

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 204.

² Там же, ч. II, стр. 179.

³ Г. И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России 1849—1855 гг., изд. 1878 г., стр. 71.

После исследований Лаперуза, Броутона и Крузенштерна Сахалин стал считаться полуостровом, и это неправильное мнение было опровергнуто лишь Г. И. Невельским почти пятьдесят лет спустя¹.

Подняв шлюпку, Крузенштерн приказал поставить паруса и взял курс на север вдоль западного берега Сахалина.

14 августа «Надежда» вошла в небольшую открытую бухту, названную Крузенштерном заливом Надежды, и бросила якорь (на $54^{\circ}10'15''$ с. ш.) вблизи селения, замеченного еще при следовании в Татарский пролив. Судя по положению, это должно быть селение, называемое местными жителями Нгывр-во², в котором моряки насчитали от 15 до 18 домов. На следующий день Крузенштерн с большинством офицеров и половиною команды поехали на берег. Моряки высадились на расстоянии одного километра от селения и пошли по песчаной отмели, так как берег был покрыт непроходимым лесом и кустарниками. Жители при встрече с моряками размахивали в воздухе лисьими шкурами, низко кланялись и обнимались с ними, как друзья, но в селение не пускали. В их лодке моряки обнаружили пики, луки и сабли.

Недалеко от деревни русских встретило человек двадцать местных жителей во главе с начальником, одетым в пестрое платье китайского покроя.

Крузенштерн решил, что жители этих селений принадлежат к другому племени, чем айны. Не узнав имени этого народа, Крузенштерн по наружности и одежде заключил, что это «бесспорно» должны быть татары. Предполагая, что в прежние времена весь Сахалин был заселен айнами, он высказывает мнение, что татары перешли на остров с материка и частью уже вытеснили айнов, а с течением времени и окончательно вытеснят их³.

На основании довольно подробного описания встречи Крузенштерна с ними можно определенно сказать, что это

¹ В Лондоне в 1851 г. вышло «Наставление для навигации в Тихом океане» (A Directory for the Navigation of the Pacific Ocean. См. Golder F. A. Russian Expansion on the Pacific, Cleveland, 1914, p. 261), в котором утверждалось, что Сахалин является полуостровом. Таким образом, и после работ Невельского в Западной Европе Сахалин попрежнему считали полуостровом.

² См. Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, СПб, 1889 г., т. II, стр. 21.

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 171, 189.

были не татары, а гиляки. Эта ошибка Крузенштерна получила широкое распространение. Поэтому голова предполагаемого начальника в заливе Надежды, изображенная Тилезиусом в атласе к путешествию¹, воспроизведена в сочинении Глиддона о человеческих расах, как образец татарского типа².

Крузенштерн подарил предполагаемому начальнику кусок оранжевого сукна, а остальным различные мелочи и старался втолковать, что у них нет никаких враждебных намерений. В доказательство дружелюбия он снял свою шпагу. Посоветовавшись друг с другом, жители острова, видимо, решили не удерживать более путешественников.

Крузенштерн пишет, что начальнику «оказывали прочие мало уважения и обходились с ним с довольным равенством».

Главной причиной, почему жители не пускали моряков в селение, как потом выяснилось, была боязнь за своих жен, которых они спрятали в домах и даже заколотили жердями и досками окна и двери³. Действительно, гиляки ревниво охраняли своих жен, так как у них браки были основаны на купле, и стоимость невест была очень высока⁴. По этой причине моряки видели только одних мужчин, которые носили длинные черные волосы, заплетенные в косу, висящую до пояса, а бороду и усы брили.

«Обыкновенное платье людей сих,—пишет Крузенштерн,—составляет парка⁵ из собачьего меха или из кишек рыбьих⁶, которая называется на Кадьяке и Алеут-

¹ Таблицы LXXXII и LXXXIII («китайские татары на Сахалине»).

² I. G. Nott and Geo. R. Gliddon. *Indigenous races of the earth or new Chapters of Ethnological Inquiry*, Philadelphia, 1857, p. 622.

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 192.

⁴ Л. Шренк. *Об инородцах Амурского края*, СПб, 1903 г., т. III, стр. 8.

⁵ Гиляцкая собачья шуба отличается от парки тем, что она делается без капюшона.

⁶ Л. Шренк сообщает, что гиляки шьют одежду из шкур лососевых рыб. «С рыб снимают шкуры и, предварительно расправив, очищают их от чешуи, для чего трут в деревянном сосуде. Затем их скребут, удаляя с них частицы жира и мускулов, выравнивают, вылащивают и сшивают вместе». (Л. Шренк. *Об инородцах Амурского края*, СПб, 1899 г., т. II, стр. 78).

ских островах камлейкою¹, широкие и длинные шаровары из толстой холстины, и рубашка из синей бумажной ткани, застегиваемая двумя медными пуговицами². Сапоги носят вообще из тюленьей кожи, а на голове соломенную шляпу³, подобную той, какую обыкновенно употребляет простой народ в Китае»⁴.

Моряки прошли все селение Нгывр-во от начала до конца, но проникнуть внутрь хижин им не удалось. Наружный вид местных хижин Крузенштерн описывает так: «Домы их довольно велики и построены все, выключая один виденный нами, пустой, на столбах высотой от 4-х до 5 футов над землею. Пространство между столбов под домами занимают их собаки. На передней стороне дома сделано крыльцо, шириною около 10 футов, на которое всходят по лестнице, состоящей из 7 и 8 ступеней. Дверь находится на самой середине крыльца; она ведет в сени, которые занимают большую часть дома, но совершенно пусты»⁵.

В конце деревни увидели дома, построенные лучше, с очагами и дымовыми трубами. Они стояли прямо на земле, и в них никто не жил⁶.

Из описания Крузенштерна явствует, что гиляки имели летние и зимние помещения, приспособленные к климатическим условиям.

Гиляцкие летники покоились на сваях, что ограждало их от наводнений, вызываемых продолжительными дождями, предохраняло от непосредственного соприкосновения с сырой почвой и создавало под ними постоянную вентиляцию.

Зимние жилища гиляки имели двойного рода: их национальным зимним жилищем являлась подземная

¹ Одежда, изготавливаемая гиляками из рыбьих шкур, изображенная Л. Шренком (См. «Об инородцах Амурского края», 1899, т. II, табл. XVIII), не имеет ничего общего с алеутской и эскимосской камлейкой.

² Шганы и верхняя рубаха, спускающаяся до колен и застегивающаяся на шею и на груди всегда слева направо, изготавливались гиляками из синей или серой бумажной материи, привезенной из Китая.

³ Свообразные шляпы плоскоконической формы гиляки делали не из соломы, а из березовой коры (См. Шренк, 1899 г., т. II, табл. XVII и табл. XX, фиг. 1 и 2).

⁴ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 190—191.

⁵ Там же стр. 192.

⁶ Там же, стр. 188.

юрта, а те, что видел Крузенштерн, сооруженные на поверхности земли и снабженные системой нагревательных труб, были построены здесь позднее в результате заимствований у китайцев¹.

Иногда летние и зимние помещения были отдалены друг от друга на значительные расстояния. У каждого дома были сушильни для рыбы, из чего Крузенштерн делает правильный вывод, что главной пищей местного населения является рыба. Осмотрев селение Игывр-во, моряки вернулись на корабль. Таким образом, на описание Сахалина в общей сложности Крузенштерн потратил почти три месяца, что дало богатый материал для составления географической карты острова, которой до этого времени не существовало.

15 августа, в 8 часов вечера, «Надежда» снялась с якоря и взяла курс на север. Крузенштерну было предписано осмотреть Шантарские острова, так как до этого времени не было определено ни число их, ни точное географическое положение.

Обстоятельства не позволили ему исполнить это поручение². Необходимо было срочно возвратиться в Камчатку, чтобы прибыть в Кантон к началу ноября для условленной встречи с «Невою».

Покинув Сахалин, «Надежда» направилась к северо-северо-востоку и 17 августа, в 2 часа ночи, оказалась вблизи неизвестного острова. Крузенштерн, думая, что ему посчастливилось сделать новое географическое открытие, выдал вознаграждение матросу, увидевшему этот остров. На рассвете выяснилось, что это был остров Ионы, открытый капитаном Биллингсом в 1789 г. на $56^{\circ} 32'$ с. ш. и $146^{\circ} 12'$ в. д.

По определению Крузенштерна оказалось, что он лежит почти на 3° западнее (на $56^{\circ} 25' 30''$ с. ш. и $143^{\circ} 14' 45''$ в. д.).

По поводу этого определения географических координат спутник Головнина капитан Рикорд писал: «Вообще сказать можно, что все те места, которые сей искусный мореплаватель определил, могут служить отшедшим пунк-

¹ Шренк, 1899 г., т. II, стр. 11, 42.

² Опись Шантарских островов была произведена только в 1829—1831 гг. поручиком Козьминым. См. Ал. Соколов. Опись Удского берега и Шантарских островов поручика Козьмина. Зап. Гидрогр. департамента, ч. IV, СПб, 1846 г.

том, и столь же верною поверкою хронометрам, как и Гринвическая обсерватория»¹.

От острова Ионы «Надежда» взяла курс через Охотское море к гряде Курильских островов. Охотское море Крузенштерн делит на две части: южную, которую он назвал Сахалинским морем, и северо-западную— собственно Охотское море. «Сахалинское море есть пространство, заключающееся между полуостровом сего имени и Курильскими островами. Проведенная в уме линия от северной оконечности Сахалина к южной оконечности Камчатки определяет северные его пределы, а пролив Лаперузов—южные. Сие море можно назвать и Курильским, потому что восточная сторона онаго касается всей цепи Курильских островов от Иессо до Камчатки, но я не намерен утверждать, которому названию должно отдать преимущество. Сие пространство моря не имело до ныне никакого особенного имени; мне кажется справедливее дать оному соответственное пределам его название, нежели соединять его, как то было до ныне, с Охотским морем»². Это предложение Крузенштерна не встретило сочувствия.

26 августа сквозь туман «Надежда» подошла к гряде Курильских островов, и моряки увидели острова Ширинки (по Крузенштерну, Ширинку), Маканру (Маконруши) и Алаид. Прошли пролив Онекотан (Четвертый), между островами Парамусир (Парамушир) и Онекотан, по которому обычно плавали русские купеческие корабли из Охотска в Камчатку. На утесистых берегах Парамусира увидели снег, который, по мнению Крузенштерна, был новым³.

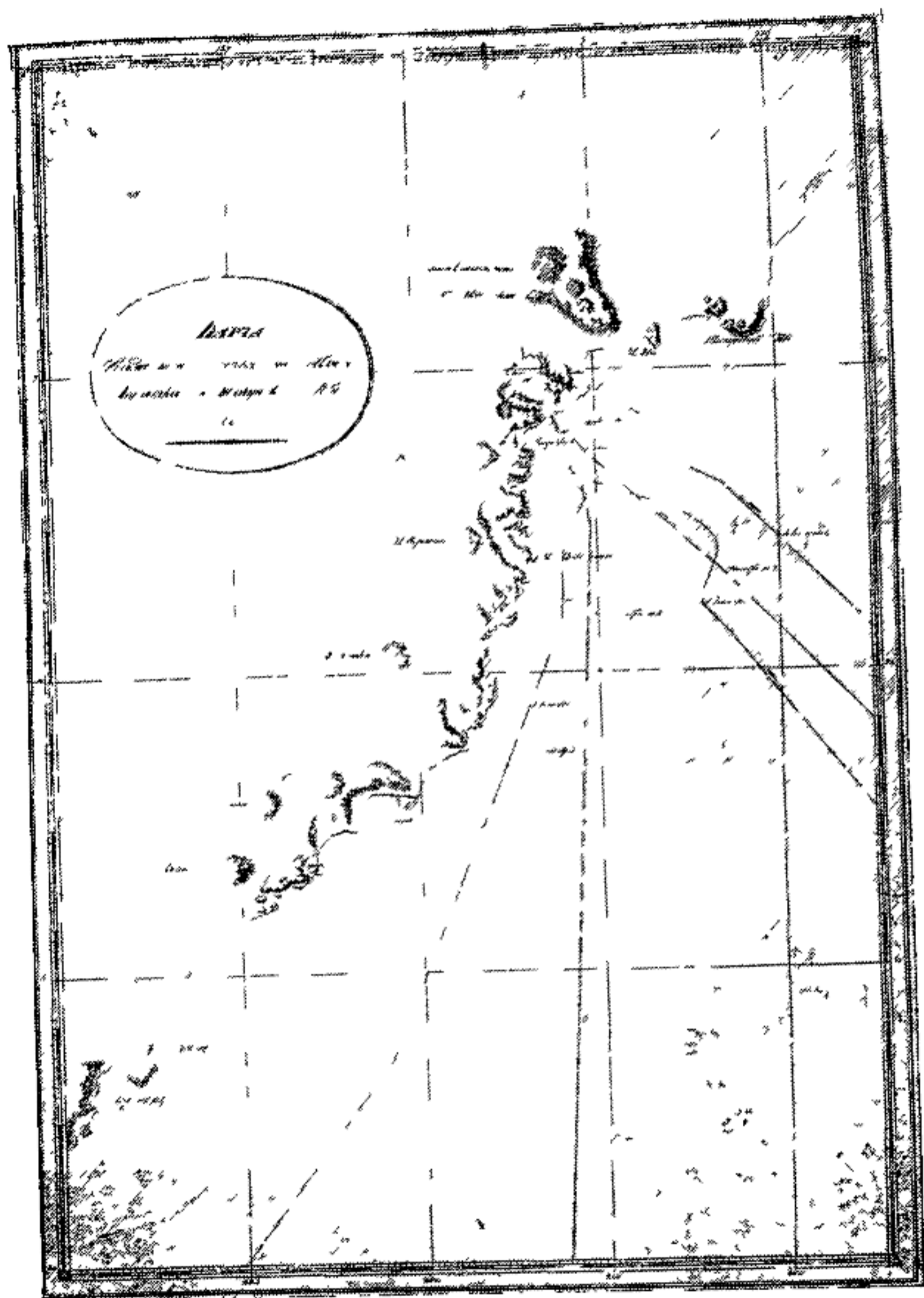
30 августа, после почти двухмесячного плавания, бросили якорь в Петропавловской гавани.

Плавание Крузенштерна в Японию и к берегам Сахалина дало богатейшие научные результаты. «Соображая те мореходные средства,—пишет Веселаго,—которыми он обладал сравнительно с нынешними, нельзя не поди-

¹ В. М. Головнин, Сочинения и переводы, 1864 г., т. I, стр. 340—341.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 172.

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 211. Это предположение Крузенштерна едва ли правильно. Первые снегопады на Курильских островах бывают в ноябре месяце. См. А. Соловьев, Курильские острова, 1945, стр. 27.

Карта Камчатского берега от м. Лопатка до м. Шипунского
 (Атлас к путешествию капитана Крузенштерна)

Витаться добросовестной точности этих работ, особенно если принять во внимание, как мало времени он имел в своем распоряжении. Все это сделано, за исключением месяца, проведенного в Петропавловском порте, всего в 87 дней, и это в местах почти впервые посещенных,—в морях, где целое лето господствуют непроницаемые туманы. Достаточно сказать, что в эти 87 дней одних астрономических определений пунктов набирается более ста, а исследовано и большею частью пройдено съемкою протяжения берега не менее 1 500 верст»¹.

Подготовка «Надежды» к обратному плаванию в Кронштадт, перегрузка трюма и пополнение запасов провизии, доставленной из Охотска, задержали экспедицию в Петропавловске больше месяца.

2 сентября пришла почта из России. Карты, рисунки Тилезиуса и краткое донесение об открытиях Крузенштерн послал в Академию наук с небольшим судном, направлявшимся в Охотск. Однако у города Большерецка судно село на мель и, с трудом избавившись от опасности, вынуждено было вновь вернуться в Петропавловск. Все материалы экспедиции с зимней почтой были отправлены сухим путем через Гижигу.

«Трикатная бытность моя в Камчатке,—пишет Крузенштерн,—в 1804 и 1805 годах продолжалась более 3 месяцев; а потому и будут, может быть, ожидать от меня некоторых подробных известий о сей стране. Я буду однако говорить здесь единственно о нынешнем состоянии Камчатки; она уже многими и весьма подробно описана»².

В своем сочинении Крузенштерн дает обстоятельное описание камчадалов—их положения, быта и культуры. Вместе с этим Крузенштерн опубликовал словарь чукотского языка.

Этот словарь был составлен поручиком Д. И. Кошелевым, братом губернатора Камчатки, предпринявшим специальное путешествие в 1805—1806 гг. на Чукотский полуостров. Крузенштерн пишет: «При сем письме получил я от него собрание чукоцких редкостей и довольно немалый словарь языка чукчей, первой до ныне известный сего языка»³.

¹ Ф. Веселаго. Адмирал Иван Федорович Крузенштерн, СПб, 1869, стр. 9—10.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 241.

³ См. И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 381—387.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

9 октября 1805 г. «Надежда» с грузом меховых товаров Российско-Американской компании вышла из Авачинской губы и направилась к берегам Китая. Несмотря на осеннее время года, Крузенштерн намеревался исследовать ту часть океана, где на старинных картах были нанесены острова, существование которых многими географами считалось сомнительным. Объектами этих изысканий были намечены острова: Рико-де-Плата, Гваделупа, Малабригос, Св. Себастьян-де-Лобос и Св. Жуан.

Условия плавания были чрезвычайно неблагоприятны: господствовала ветреная погода, иногда переходившая в шторм.

При выходе из Авачинской губы термометр показывал $1\frac{1}{2}$ градуса мороза, но через 20 дней плавания, на широте $29^{\circ}31'$, температура поднялась уже до $26^{\circ},2$ С. На широте $35^{\circ}18'$ появились тропические птицы, морские свинки и множество акул, достигавших 3 м в длину.

30 октября подошли к месту, где на картах была показана группа островов Гваделупа, а на следующий день проходили район островов Малабригос и Св. Жуан. Все эти острова оказались несуществующими, и Крузенштерн не поместил их на своей карте.

7 ноября увидели группу из трех островов (Св. Александра, Сельфер и Св. Августина), открытых английским капитаном Гором. Астрономические наблюдения, произведенные с большой тщательностью, позволили уточнить их географическое положение.

17 ноября в бурную ночь «Надежда» прошла проливом Баши (между Формозой и островами Баши).

Во время плавания в Японию и Китай Крузенштерн отметил течение Куроисио под названием Северо-восточного и Северного. Это же течение было отмечено и при входе в пролив между островами Формоза и Баши, но объединить полученные наблюдения над этими течениями в пройденной полосе океана Крузенштерн не смог.

По выходе из пролива Баши взяли китайского лоцмана и направили курс в город Макао. Вблизи Макао встретили флотилию китайских джонок, состоящую из трехсот повстанческих судов, однако по обычаю правящих кругов того времени Крузенштерн называет повстанцев пиратами. «Морские разбойники,—пишет Крузен-

штерн,—наводящие теперь страх на южную страну Китая, а особливо в Кантоне и Макао, суть не что иное, как жители южных провинций сего государства, которые, быв доведены угнетениями самовластвующих мандаринов до крайности, прибегли к сему последнему средству для облегчения своего жалостного положения»¹.

20 ноября Крузенштерн поставил «Надежду» на якорь в бухте Макао, а через две недели, после семнадцати месяцев самостоятельного плавания, в Макао пришла и «Нева».

Для продажи мехов Крузенштерн и Лисянский 5 декабря перевели корабли к острову Вампу, лежащему перед устьем Жемчужной реки (Си-Цзян), вблизи города Кантона. Привезенный «Надеждой» и «Невой» груз пушных товаров был продан за 200 тысяч рублей золотом. На 150 тысяч рублей закупили в Кантоне китайских товаров: чая, шелка, фарфора и др. Лучшие шкурки бобров и чернобурых лисиц были оставлены для продажи в Петербурге и Москве. Русские корабли пришли в Кантон впервые без разрешения китайского правительства.

Поэтому, когда все было окончено и нагруженные суда приготовились к отходу, китайские власти неожиданно наложили арест на русские корабли². После бесконечной переписки, личных переговоров и угроз удалось получить разрешение на выход из гавани. Впоследствии Крузенштерн узнал, что на следующий день после ухода русских кораблей из Пекина пришло строгое распоряжение об их задержании: «Если бы сие повеление нас застало, то, вероятно, не возвратились бы корабли наши никогда в Россию».

Во время пребывания в китайских гаванях длительными астрономическими наблюдениями были уточнены координаты городов Макао и Кантона. Большой интерес представляли собранные Крузенштерном и Лисянским материалы об административном устройстве Китая, положении различных классов китайского общества, быте населения, состоянии рынка и внешней торговли. Крузенштерн пишет, что простой народ в Китае, доведен-

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 315.

² «Именной указ Китайского императора об аресте русских кораблей и выгрузке из них китайских товаров» (см. в ЦГАДА, ф. 183, Баснина, д. 89, л. 91).

ный до отчаяния голодом и притеснениями, восстает против своих угнетателей. «Правительство... в полном смысле деспотическое, а потому и не всегда мудрое... Дух самовластия распространяется постепенно от престола до самых низких начальников. Народ стонет под игом малых своих тиранов... Число недовольных распространяется ныне по всему Китаю. В бытность мою в Кантоне в 1798 г. возмущались три провинции; теперь бунтует много областей; почти вся южная часть Китая вооружилась против правительства». Из высказываний Крузенштерна видно, что он сочувственно относился к борьбе китайского народа против феодального ига. Этот факт говорит о передовых взглядах русского мореплавателя.

9 февраля 1806 г. «Надежда» и «Нева» снялись с якоря и направились через Южно-Китайское море, пролив Гаспар, в море Ява и через Зондский пролив в Индийский океан. В случае разлуки кораблей Крузенштерн назначил местом встречи остров Св. Елены.

24 февраля на $106^{\circ} 10'$ в. д. в третий раз пересекли экватор. Погода стояла жаркая, иногда раздражались страшные тропические грозы с проливными дождями, которые неожиданно сменялись длительным безветрием.

1 марта показался остров Ява, и Крузенштерн направил корабли в Зондский пролив, в котором избрал наиболее безопасный проход между островами Принца и Кракатау (по Крузенштерну—Каракатоа). «Здесь я имел случай,—пишет Крузенштерн,—собственным моим опытом узнать, сколь неверны карты сего пролива, содержащиеся в так называемом East India Pilot, изданном 1803-го года весьма обширном, но очень худом и безпорядочном собрании карт Китайских и Ост-Индийских вод»¹.

6 марта «Надежда» и «Нева» вышли из Зондского пролива в Индийский океан. Успешному плаванию препятствовал западный муссон, который перешел в юго-восточный пассат только на $12^{\circ} 26' 45''$ ю. ш.² Это замечание Крузенштерна вполне соответствует действительности. «В Индийском океане SE пассат,—пишет Шокальский,—лежит на 10° южнее, нежели в двух других океанах, где его область доходит до экватора»³.

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. II, стр. 427.

² Там же, стр. 333.

³ Ю. М. Шокальский. Океанография, 1917, стр. 540.

15 апреля днем во время сильного тумана и дождя на $34^{\circ} 55'$ ю. ш. и 29° в. д. «Надежда» и «Нева» потеряли друг друга из виду. Расставшись с «Невою», «Надежда» взяла курс на северо-запад и 3 мая подошла к острову Св. Елены.

По выходе из Зондского пролива в первые дни плавания в Индийском океане Крузенштерн отметил юго-восточное течение, что вполне соответствует современным представлениям¹. В Атлантическом океане на пути от мыса Доброй Надежды до острова Св. Елены и далее до экватора он также констатирует юго-восточное морское течение, направленное против господствующего пассатного ветра².

Это замечание Крузенштерна противоречит наблюдениям предшествующих мореплавателей и его спутника Лисянского³. Трудно понять, каким образом он придал обратное направление Южному экваториальному течению Атлантического океана на таком значительном отрезке пути.

На острове Св. Елены моряки узнали о начавшейся войне между Россией и Францией. Желая избежать встречи с французскими кораблями, Крузенштерн решил идти не Английским каналом, а в обход Азорских островов к крайней северной оконечности Шотландии.

8 мая «Надежда» покинула остров Св. Елены и направилась к северу. На $2^{\circ} 43'$ ю. ш. и $20^{\circ} 35'$ з. д. моряки увидели поднимающийся из моря столб дыма, который, вероятно, происходил от подводного вулканического извержения. 21 мая в четвертый раз «Надежда» пересекла экватор на $22^{\circ} 18' 30''$ з. д. При переходе через полосу затишья Крузенштерн отметил наличие Экваториального противотечения и сделал наивную попытку связать его происхождение с переменами времен года. «Между пасадами SO и NO, из коих в последний вошли мы под $6\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты найдено нами в начале нашего путешествия 1803 г. сильное течение к N, увлекавшее корабль назад на 20 миль в сутки; в сей раз действовало оно также противно ходу корабля к S и к O от 14 до 25 миль в сутки. Сии совершенно противныя течения в той же стране

¹ Ю. М. Шокальский. Океанография, 1917, стр. 538.

² И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 181.

³ Ю. Ф. Лисянский, ч. II, стр. 328.

океана, происходят ли от разных времен года или от иной причины, я ничего определительного сказать не могу»¹.

Во время кругосветного плавания Крузенштерн и Горнер впервые в истории океанографии производили наблюдения над удельным весом морской воды с помощью медного ареометра Фаренгейта². Эти наблюдения впервые позволили установить основные закономерности географического распределения солености по поверхности океанов и морей и причины, управляющие этим явлением.

Горнер отмечает повышение солености в пассатных широтах по сравнению с широтами, более удаленными от экватора, и устанавливает зависимость этого явления от испарения и осадков, причем наивысшая соленость из трех океанов была отмечена им в Атлантическом океане на 26° с. ш. к западу от Азорских островов. Горнер пишет, что причина этого явления «должна частью приписываема быть сильнейшему испарению воды от плавающей морской травы, коею покрывается там море на великое пространство»³. Это наблюдение соответствует нашим современным представлениям, за исключением влияния «морской травы».

Анализируя данные наблюдений над удельным весом морской воды, Горнер делает совершенно правильный вывод, что соленость воды в южной части Атлантического океана меньше, чем в северной под теми же широтами. В Тихом океане он отмечает обратное явление. Кроме того, во время русского кругосветного плавания впервые был установлен замечательный факт большей солености Атлантического океана по сравнению с Тихим океаном⁴.

Это явление нашло правильное объяснение лишь в трудах великого русского климатолога А. И. Воейкова сто лет спустя. В 1913 г. А. И. Воейков писал: «Мы напрасно стали бы искать объяснения этого явления в лучших курсах океанографии, каковы курсы Ф. Шпиндлера на русском, Крюммеля на немецком и Туле на французском языках, а самый факт известен более полустоле-

¹ И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 183.

² Горнер. Удельная тяжесть морской воды (И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 333—341).

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 340.

⁴ Там же.

тия»¹. Воейков, повидимому, не знал, что явление это было констатировано гораздо раньше в трудах участников первой русской кругосветной экспедиции.

Анализируя это явление, Воейков приходит к следующему выводу: «Подводя итоги, нахожу, что большая соленость Атлантического океана объясняется тем, что он не окаймлен горами и большая часть паров с него уносится не только в речные бассейны океана, но и за их пределы, в Каспийский бассейн и Сахару. Малые бассейны океанов Индийского и Тихого и высокие горы близ их берегов сосредотачивают пары на самих океанах, вода, испарившаяся в одной части океана, опять ниспадает в виде дождя и снега в другой, и эта дождевая и снеговая вода опять всецело попадает в океан, опресняя его воду, а из выпавшей на площадях бассейнов, возвращается лишь малая часть»². Относительно солености морей Горнер приходит к ошибочному заключению. «Вода в морях малых,—пишет Горнер,—окруженных матерью землю и островами, бывает гораздо преснее, нежели в океанах»³. Из этого правила Горнер не исключает и Средиземное море⁴. Между прочим, аналогичного мнения придерживался и Воейков⁵. В настоящее время известно, что соленость на поверхности морей, в зависимости от условий, в которых находится данное море, может быть и больше и меньше, нежели в океанах⁶.

17 июля, обогнув с запада Ирландию, моряки увидели Оркнейские острова (по Крузенштерну—Оркадские)⁷. Пройдя проливом между Оркнейскими и Шетландскими островами, «Надежда» 21 июля подошла к норвежским берегам. Противные ветры задержали корабль в Скагерраке и Каттегате целые десять дней. Наконец, 2 августа она встала на якорь в Копенгагене, где простояла четыре дня.

¹ А. Воейков. Испарения и осадки на морях и причины большей солености Атлантического океана по сравнению с другими океанами, СПб, 1913 г., стр. 12.

² Там же, стр. 20.

³ И. Ф. Крузенштерн, ч. III, стр. 341.

⁴ Горнер. О некоторых достопримечательных свойствах морской воды. «Технологический журнал», т. 5, ч. 3, 1820 г., стр. 53.

⁵ А. Воейков, 1913 г., стр. 14.

⁶ Ю. М. Шокальский, 1917 г., стр. 95.

⁷ Ф. Шемелин (ч. II, стр. 427) ошибочно пишет, что «Надежда» шла к Оркнейским островам через Ирландское море.

19 августа «Надежда» бросила якорь на Кронштадтском рейде. Кругосветное плавание продолжалось три года и двенадцать дней.

За все это время Крузенштерн не потерял ни одного человека из своей команды¹. Все моряки вернулись на родину такими же здоровыми, как и при отправлении в путешествие.

Очевидцы пишут, что Петербург с восторгом встретил своих «аргонавтов». Жители столицы толпами направлялись в дом, занимаемый Российско-Американской компанией на Гороховой улице, где были сложены китайские товары и произведения жителей островов Тихого океана².

За кругосветное путешествие все участники были награждены медалями, денежными премиями, а офицеры, кроме того, повышением чина.

Вернувшись на родину, Крузенштерн занялся описанием своего путешествия. С 1809 по 1812 г. Крузенштерн выпустил в свет три обширных тома (1 310 страниц) своих записок, носящих заглавие: «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». Оно было издано в Петербурге в морской типографии тиражом 1 200 экземпляров, одновременно на русском и немецком языках (перевод Крузенштерна). Второе издание на немецком языке вышло в Берлине. Позднее сочинение Крузенштерна было переведено почти на все европейские языки: на английский Горнером (1813 г.), на французский Эйресом (1821 г.), на голландский (два издания: в 1811 и 1815 гг.), на шведский, датский, итальянский и др.

В III части своего сочинения Крузенштерн опубликовал 15 отдельных работ участников экспедиции, которые охватили весь круг научных наблюдений. Приводим их перечень:

1. К р у з е н ш т е р н. Таблица суточных счислений корабля «Надежды» с показанием астрономических, метеорологических и морских наблюдений (стр. 1—128).

2. К р у з е н ш т е р н. Объяснения истинной долготы (128—149).

¹ На «Надежде» умер от туберкулеза повар Резанова. Доктор Эспенберг пишет, что он был единственным из всего экипажа, не подвергшимся медицинскому осмотру перед выходом из Кронштадта (И. Ф. К р у з е н ш т е р н, ч. III, стр. 282).

² «Русский Инвалид», № 31, 1839 г.

3. К р у з е н ш т е р н. О наблюдениях, учиненных во время путешествия над течениями (149—184).

4. К р у з е н ш т е р н. Наблюдения и рассуждения о приливах и отливах в Нангасакском порте (184—228).

5. Г о р н е р. О колебаниях барометра между тропиками (228—260).

6. Г о р н е р. Степень теплоты морской воды в разных глубинах (260—281).

7. Э с п е н б е р г. Замечания по врачебной части, учиненные во время путешествия (281—333).

8. Г о р н е р. Удельная тяжесть морской воды (333—342).

9. Д а в ы д о в. Словарь наречий народов, обитающих на южной оконечности полуострова Сахалина, собранный на месте покойным лейтенантом Гаврилою Давыдовым (342—381).

10. К о ш е л е в. Словарь наречий сидячих чукчей, живущих на Чукотском носу, собранный на месте покойным поручиком Дмитрием Ивановичем Кошелевым (381—388).

11. Т и л е з и у с. О музыке: а) Бахия, или камчатская медвежья пляска, б) Песнь людоеда, народная песнь жителей острова Нукагива (388—398).

12. К р у з е н ш т е р н. Таблица, показывающая широты и долготы мест, определенные астрономическими наблюдениями на корабле «Надежде» во время его плаванья вокруг света (398—406).

13. Письмо г. Министра коммерции графа Николая Петровича Румянцева к капитану Крузенштерну (406—413).

14. К р у з е н ш т е р н. Метеорологические наблюдения, сделанные в Нангасаки с 11 сентября 1804 года до 17 апреля 1805 года (413—443).

15. К р у з е н ш т е р н. Метеорологические наблюдения, сделанные в гавани Св. Петра и Павла с 30 августа по 9 октября 1805 года (443—448).

Кроме вышеперечисленных работ, участники экспедиции напечатали большое количество статей по зоологии, этнографии и гидрографии в различных русских и иностранных журналах. Были также опубликованы капитальные труды, посвященные описанию первого русского кругосветного плавания, написанные Г. Х. Лангсдорфом, Ф. И. Шемелиным и Н. И. Коробицыным.

Таблица 5

Координаты важнейших пунктов, определенные первой русской кругосветной экспедицией 1803—1806 гг.,
и сравнение их с современными данными

Название географических пунктов	Данные экспедиции		Современные данные		Разница	
	широта	долгота	широта	долгота	в широте	в долготе
1. Мыс Фрио (Бразилия)	23°	41°36'30"	23°	41°39'30"	00 00 00	00 0 3'00
2. Мыс Шипунский (п. о. Камчатка)	53°06'00"	159°50'00"	53°06'00"	159°50'38"	00 00 00	00 00 38"
3. Петропавловский порт (п. о. Камчатка)	53°00'10"	158°47'46"	53°00'10"	158°48'22"	00 00 00	00 00 37"
4. Город Нагасаки (о. Кюсю)	32°44'50"	129°52'07"	32°44'35"	129°52'09"	00 00 15"	00 00 02"
5. Мыс Сангар или Таппи-Саки (о. Хонсю)	41°16'30"	140°14'00"	41°18'	140°16'	00 02' 00"	00 02' 00
6. Мыс Румянцева или Носайя-Пузаки (о. Хоккайдо)	45°25'50"	141°34'30"	45°25'	141°36'	00 00 50"	00 01' 30"
7. Мыс Соя или Соязаки (о. Хоккайдо)	45°31'15"	141°51'00"	45°31'	141°51'	00 00 15"	00 00 00
8. Мыс Елизаветы (о. Сахалин)	54°24'30"	142°17'45"	54°18'	142°13'39"	00 00 30"	00 04'06"
9. Мыс Марии (о. Сахалин)	54°17'30"	142°17'45"	54°18'	142°13'39"	00 00 30"	00 04'06"
10. Остров Ионы (Охотское море)	56°25'30"	143°51'45"	56°27'05"	143°11'39"	00 01' 35"	00 40'06"
11. Город Макао (Ю. Китай)	22°11'46"	113°37'16"	22°11'25"	113°33'14"	00 00 21"	00 04'02"

Из неопубликованных работ некоторый интерес представляет рукопись М. И. Ратманова, хранящаяся в Рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Менее ценным является дневник Тилезиуса фон Тиленау, хранящийся в Архиве Академии наук в Ленинграде. Рукопись конспективно излагает ход экспедиции на отрезке пути от Кронштадта до острова Нукагива; кроме того, в ней излагаются некоторые научные наблюдения.

В результате астрономических и гидрографических работ экспедиции¹ Крузенштерном был издан атлас карт (15 карт) и рисунков на 105 таблицах под названием: «Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна», СПб, 1813 г. «Атлас» вышел одновременно на русском и немецком языках. Крузенштерн намеревался издать четвертый том своего труда, в котором предполагал поместить описание рисунков и карт, составленных в результате кругосветного плавания. Это желание осталось неосуществленным.

«Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна» послужил основой для составления знаменитого «Атласа Южного моря», изданного Крузенштерном в 1824—1826 гг

«АТЛАС ЮЖНОГО МОРЯ» И Ф КРУЗЕНШТЕРНА

В XVIII и в начале XIX вв. при плавании в Тихом океане пользовались только картами А. Арроусмита² и адмирала Эспинозы³. Несмотря на высокое качество

¹ Итоги астрономических наблюдений только по кораблю «Надежда» свелись к определению географического положения 102 пунктов и уточнению географического положения 49 пунктов, неточно установленных предшествующими мореплавателями. Сделанная нами таблица для наиболее важных пунктов, определенных работами Крузенштерна, сверенная с современными данными их положения, показывает высокую точность этих наблюдений. Обычно разница выражается в секундах, реже в минутах (см. табл. 5, стр. 249)

² Аарон Арроусмит (1750—1823 гг.)—английский картограф. Был главой картографического заведения в Лондоне. Издал более 130 атласов и ряд больших карт. Особенной известностью пользовалась всемирная карта в проекции Меркатора, изданная в 1790 и 1794 гг. Эта карта сопровождалась гидрографическими заметками.

³ Адмирал Эспиноза—испанский мореплаватель. В 1801 году был начальником Депо карт при Адмиралтействе в Мадриде.

исполнения этих карт, они имели ряд существенных недостатков. Первый и главный недостаток заключался в том, что карты были составлены в очень мелком масштабе. Они изображали бесчисленное множество островов, которыми усеян Тихий океан, не давая о каждом из них никакого представления.

Второй недостаток заключался в неправильном отображении действительности: одни и те же острова встречались на картах по нескольку раз под разными названиями и в разных местах; карты были наполнены несуществующими островами, рифами, мелями, которые увеличивали реальные опасности океана и приводили мореплавателей в совершенное замешательство.

Эти карты переиздавались много раз без всякой переработки. Так, в последнем издании карт А. Арроусмита, исправленном на 1832 г., имеется множество ошибок, которые в течение 25 лет не исправлялись, хотя они были известны еще при первом издании.

Крузенштерн прекрасно понимал значение карты для мореплавателя. Он писал: «Каждый опытный мореходец согласится, что нередко верная карта нужнее самого компаса, и что даже в наше время множество кораблей погибает единственно от доверенности к таким картам, которые более славны, нежели точны. Такие примеры по несчастью слишком часты»¹.

Сознавая это, он пришел к выводу, что по Тихому океану необходимо создать более четкое и правильное руководство, чем карты вышеперечисленных картографов. По свидетельству самого Крузенштерна, мысль о составлении «Атласа Южного моря» возникла у него во время кругосветного плавания, когда он сам лично столкнулся с опасностями (скалами, рифами и мелями), которые не были нигде зафиксированы. Плавая у берегов Японии, в Охотском море и у Курильских островов, он более, чем когда-либо, ощутил неточности этих карт и понял,

В связи с изменением в политической жизни в стране Эспиноза эмигрировал в Англию, где пробыл до 1814 г. (здесь он познакомился с Крузенштерном). Он издал карту «Южного моря» на 6 листах, карту Антильских островов, карту Мексиканского залива и карту Атлантического океана.

¹ И. Ф. К р у з е н ш т е р н. Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением «Атласа Южного моря», СПб, 1823 г., ч. I, стр. 111.

скольких бы часов тревоги он и его спутники избежали, имея хорошие карты этих мест.

Только в 1815 г., когда по личной просьбе Крузенштерн получил «бессрочный отпуск по расстроенному дальним вояжем здоровью», он принялся за составление карт «Атласа Южного моря». С этого времени Тихий океан становится основным предметом его научных интересов и работ до конца жизни.

С 1815 по 1822 г. Крузенштерн жил в деревне, в своем имении Асс, в Эстляндской губернии, занимаясь составлением своего «Атласа».

Все карты «Атласа Южного моря» составлены Крузенштерном на основании строгого анализа сведений, которые накопились в течение целого столетия, а также на основании данных, полученных во время его путешествия.

В биографии И. Ф. Крузенштерна, изданной Академией наук, говорится: «Крузенштерн с обычным своим терпением и проницательностью принялся за разбор всей громадной массы сведений, накопившихся в продолжение целого столетия. Строго сортируя собранные материалы по степени их достоверности, он шаг за шагом восстанавливал стройный порядок в этом хаосе»¹.

О картах «Атласа Южного моря» Крузенштерн говорит, что он «основывался на самых верных показаниях, ни одна из них не списана рабски с другой, уже существующей,—но все оне напротив того поверены с величайшею точностью, а при малейшем сомнении подвержены строгим разыскиваниям, заключающимся в моих записках».

В 1821 г. Крузенштерн представил в Адмиралтейский департамент первый том «Атласа Южного моря», заключающий проверенные и исправленные карты южной части Тихого океана. К атласу был приложен объяснительный текст на русском и французском языках, носящий название «Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением «Атласа Южного моря», 4°, СПб, 1823 г.

Записки Крузенштерна были отпечатаны в Морской типографии в Санкт-Петербурге в 1823 г. и вышли в свет в 1824 г.

¹ «Адмирал Иван Федорович Крузенштерн», Акад. наук, СПб, 1869, стр. 12.

АТЛАСЪ

ЮЖНАГО МОРЯ

СОЧИНЕННЫИ

ФЛОТА КАПИТАНЪ КОМАНДСРОМЪ

КРУЗЕНШТЕРНОМЪ

Составленъ по распоряженію Императорскаго Высочайшаго повелѣнія

Путешествіемъ Капитана Г. Крузенштерна и Лейтенанта А. Ф. Лихтенберга

ЧАСТЬ I

ИЗДАННЫИ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

Въ Санктъ-Петербургѣ въ Типографіи Императорскаго Ученнаго Архива

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

1824

Титульный лист «Атласа Южного моря» И. Ф. Крузенштерна

В 1826 г. Крузенштерн издал второй том «Атласа Южного моря», содержащий карты северной части Тихого океана. Одновременно вышла в свет вторая часть гидрографических записок, носящих то же заглавие.

Новые географические открытия, особенно в южной части Тихого океана, побуждали его выпустить второе издание своих карт и записок, но служба, к которой он вернулся, окончив работу, мешала исполнить это намерение.

Однако, несмотря на многочисленные занятия, он неустанно продолжал работать над усовершенствованием «Атласа Южного моря». В 1836 г. вышел в свет третий том гидрографических записок под заглавием: «Дополнение к изданным в 1826 и 1827 годах объяснениям оснований, послуживших для составления «Атласа Южного моря», СПб, 1836 г. Объяснения к картам в этой части расположены в том же порядке, как и в предыдущих.

На этом не закончилась работа Крузенштерна. Он до конца жизни продолжал следить за всеми открытиями в Тихом океане и на основании их вносил новые исправления в свой труд. «Атлас Южного моря» и обширные гидрографические заметки нашли себе скоро широчайшее распространение среди моряков всего света. «Не было ни одной морской экспедиции, русской или иностранной, в Тихом океане, которой бы начальники не сообщали немедленно Крузенштерну о всякой своей работе или наблюдениях, имеющих прикосновение к его огромному труду—это была своего рода нравственная обязанность каждого моряка»¹.

«Атлас Южного моря» включает 34 проверенные и исправленные карты Тихого океана. Они составлены в равноугольно-цилиндрической проекции Меркатора. «Генеральная карта Южного моря» имеет масштаб 1:25 000 000, а все остальные карты 1:2 500 000². Карты отдельных архипелагов исполнены Крузенштерном с особенной тщательностью. Некоторые из них до настоящего времени воспроизводятся в иностранных атласах без изменения.

Крузенштерн исправил огромное количество ошибок, которые существовали даже на лучших картах того

¹ «Адмирал Иван Федорович Крузенштерн», СПб, Акад. наук, 1869, стр. 12.

² В «Атласе» масштаб не указан. Приведенный в тексте масштаб получен на основании моих вычислений (В. Н.).

времени, и точно нанес географическое положение островов, островков, скал, порогов и подводных камней Тихого океана. Крузенштерн беспрестанно радовался тому, как подтверждаются результаты его глубоких исследований. В письме к барону Цаху от 20 мая 1825 г. он писал: «Капитан Коцебу направился затем к острову Carlshoff, который я ему указал на карте островов Басса. Он нашел его в этом пункте, и это для меня ценнее нового открытия... Первое испытание прошло к моему самому большому удовлетворению»¹. Атлас Тихого океана для полноты требовал составления многих дополнительных специальных карт.

Берега Азии, омываемые этим океаном, в то время были лишь смутно известны (очень мало точек определено астрономически), поэтому Крузенштерн решил ждать, когда будет закончено их исследование, чтобы затем приступить к составлению дополнительных карт этих мест. Эта работа была выполнена только в середине XIX в. русским картографом А. Ф. Кошеваровым, который издал обширный труд, носящий название: «Атлас Восточного океана с Охотским и Беринговым морями», СПб, 1850 г.

Для западного берега Северной и Южной Америки от Ледяного мыса до мыса Горн Крузенштерн предполагал составить 15 специальных карт по принятому масштабу.

Эти карты он думал издать отдельной работой, которая должна была составить третью часть «Атласа Южного моря». Лишь в 1852 г. капитан 1-го ранга М. Тебенков издал прекрасный атлас, носящий название: «Атлас северо-западных берегов Америки, островов Алеутских и некоторых мест Севера Тихого океана».

Все карты «Атласа Южного моря» отпечатаны с гравюры на меди черным цветом. Горные хребты и отдельно стоящие большие горы изображены на картах схематически волнистыми штрихами. Растительный покров показан различным сочетанием условных знаков отдельных деревьев, кустарников и кочек. Неисследованные участки

¹ Цитировано по статье «Отзыв адмирала А. С. Грейга об «Атласе Южного моря» и гидрографических записках вице-адмирала Крузенштерна». Шестое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. Акад. наук, 1837, стр. 67—68 (на французском языке).

береговой линии изображены пунктиром. Различным сочетанием точек и тире указаны границы некоторых государств и принадлежащие им владения. Населенные пункты обозначены небольшими одиночными пунсонами, а города—более крупными пунсонами с тремя небольшими лучами, изображенными над верхней частью пунсона. Глубины морей даны в футах; изобаты и послонная окраска на картах отсутствуют. Рифы обозначены небольшими крестиками, надводные камни—небольшими треугольниками, а мели—пунктирной линией, окаймляющей побережье материка или острова. На некоторых картах различным сочетанием тире и точек указаны пути следования отдельных мореплавателей. На планах отдельных портов и гаваней стрелками показаны направления стран света.

Острова, архипелаги, моря, заливы, проливы, государства и народы, их населяющие, надписаны капитальным шрифтом; населенные пункты, бухты, мысы, гавани, отдельные мелкие острова, грунт дна и пути следования мореплавателей надписаны курсивом. Справа от названия указаны даты открытия островов и архипелагов.

Острова, открытые американскими мореплавателями, Крузенштерн иронически обозначает литерами D. A. (*Discovered Americanes*) или O. A. (Обретения Американские). Эти литеры служили предостережением для всех мореплавателей об опасностях, так как сведения американского Морского департамента о географических открытиях, собранные от капитанов китоловных судов, не заслуживали доверия. Некоторые острова, открытые американцами, имели одинаковые названия, но разные координаты, другие, наоборот, имели разные названия и одинаковые координаты. Спекулятивное отношение к науке и жажда сенсаций побуждали американских мореплавателей помещать на свои карты несуществующие острова. Во втором издании «Атласа Южного моря» Крузенштерн предполагал счистить с карт все острова, открытые американцами, «дабы избежать обвинения, что не показал мореплавателям опасностей, каковым они могут быть подвержены в сей части океана»¹.

Американцы не только помещали на своих картах несуществующие острова, но также присваивали себе

¹ И. Ф. Крузенштерн. Дополнение, СПб, 1836, стр. 111.

чужие открытия. Так, например, на американских картах были помещены острова: о. Ласкер ($26^{\circ}00'$ с. ш. и $173^{\circ}24'$ в. д.), о. Ласкан ($26^{\circ}00'$ с. ш. и $173^{\circ}36'$ в. д.), о. Неавас ($28^{\circ}10'$ с. ш. и $187^{\circ}40'$ з. д.) и о. Лассиано ($26^{\circ}07'$ с. ш. и $186^{\circ}36'$ з. д.). Без сомнения, все они составляют один остров Лисянского, расположенный на $26^{\circ}03'$ с. ш. и $186^{\circ}16'$ з. д.

Русский мореплавателъ Врангель, совершая кругосветное плавание на шлюпе «Кроткий» в 1825, 1826 и 1827 гг., направил свой корабль так, чтобы констатировать существование островов, открытых американцами, но ничего не обнаружил¹. При внимательном рассмотрении современных крупномасштабных карт выясняется, что почти все острова, «открытые» американцами, действительно не существуют.

О трех томах гидрографических записок Крузенштерна, послуживших базой для составления карт атласа, Грейг дает следующий отзыв: «Это не компиляция других работ, но обоснованный и критический анализ всего, что было известно о гидрографии Тихого океана, обогащенный открытиями самого автора. Работа, следовательно, в полном смысле оригинальна. Сколькими фактами и новыми открытиями обогатила науку каждая из его многочисленных записок»².

В 1836 г. в академических кругах при ближайшем участии Бэра поднялся вопрос о присуждении Крузенштерну Демидовской премии «без притязательства автора» за сочинение «Дополнение к изданным в 1826 и 1827 годах объяснениям, послужившим для составления Атласа Южного моря».

Члену-корреспонденту Академии наук Ф. П. Литке было поручено дать отзыв об этом сочинении. В письме к Литке от 11 декабря того же года ученый секретарь Академии наук П. Н. Фусс писал: «Если Вы по совести можете объявить Академии, что вновь изданное дополнение требовало значительных трудов и постоянных усилий

¹ В р а н г е л ь. Плавание шлюпа «Кроткий» под начальством капитана Врангеля. Зап. Уч. комитета Морского штаба, СПб, 1828 г., стр. 144—149.

² А. С. Г р е й г. Отзыв адмирала А. С. Грейга об «Атласе Южного моря» и гидрографических записках вице-адмирала Крузенштерна. Шестое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград, Акад. наук, 1837, стр. 97.

со стороны издателя, что оно, хотя и не может считаться самостоятельным сочинением, однако доводит прежний труд автора до новейших времен и содействует чрез то как бы новым совершеннейшим пособием для мореходства, то я не сомневаюсь в готовности Академии увенчать его Демидовской премией. Впрочем, я сужу о сем деле, как слепой о цветах, и должен совершенно предоставить Вам обсудить, в какой мере труд г-на Крузенштерна заслуживает внимания и похвалы знатоков сего дела, и какими доводами Вы заблагорассудите подкрепить Ваш о нем отзыв...»¹.

17 декабря Литке ответил Фуссу решительным отказом дать просимый отзыв. «Совершенный недостаток досуга, ежеминутные отвращения и пуще всего голова, наполненная тысячью разнородных забот, к крайнему моему сожалению, поставляют меня в совершенную невозможность, не рискуя осрамиться, исполнить работы, за которые взяться побудило меня желание доказать мое усердие особам мною уважаемым... С первого взгляда показалось мне это дело возможным: я не подумал об обширности сочинения, которое придется обсуживать, и о том еще, что для меня, уже несколько лет не занимавшегося гидрографической частью, дело это будет еще труднее; иначе ответ мой в самую первую минуту был бы, по совести, отрицательным»².

10 февраля 1837 г. академики Фусс, Бэр и Купфер в докладе Конференции Академии обращаются к ней с предложением включить «Дополнение» Крузенштерна в Демидовский конкурс. «Что этот труд является в виде дополнения, это отнюдь не должно лишать его права на состязательство, потому что он не составляет какое-либо случайное постороннее прибавление, а был обещан уже при издании первого тома записок, и так может почтяться как бы окончанием творения, служащего критическим пополнением «Атласа Южного моря», и, следовательно, вводит в конкурс и весь прежний главный труд; и как самый атлас есть только плод путешествия вокруг света знаменитого автора, изданный им для дальнейшего

¹ М. М. Соловьев. Переписка академика К. М. Бэра с адмиралом И. Ф. Крузенштерном. Труды комиссии по истории знаний. Первый сборник памяти Бэра, Акад. наук, Л., 1927, стр. 28.

² Там же, стр. 28.

пояснения приложенной к русскому описанию сего плавания карты, то едва ли какой-нибудь другой предмет Демидовского конкурса может принести столько чести России, как именно это произведение»¹.

Конференция согласилась включить труд Крузенштерна в Демидовский конкурс и поручила Фуссу обратиться к одному из членов Академии, сведущему по этой части, за отзывом. Фусс обратился к члену-корреспонденту Академии Ф. П. Врангелю, который согласился дать отзыв, но просил не называть его официальным референтом, так как, по его словам, Крузенштерну будет неприятно подвергаться оценке со стороны своего ученика. Он предложил просить об официальном отзыве адмирала А. С. Грейга.

26 февраля 1837 г. Ф. П. Врангель привез Бэру подробный и благожелательный отзыв о работе Крузенштерна с послесловием Ф. П. Литке, в котором последний вполне соглашался с отзывом Врангеля².

Адмирал Грейг прислал в Академию отзыв, в котором он сделал краткий обзор содержания гидрографических записок и «Атласа Южного моря». В своем отзыве Грейг пишет: «Работа Крузенштерна получила одобрение и похвалы гидрографов и моряков самых опытных и знаменитых в Европе. Я чувствую, что мое слабое поколение не сможет ничего прибавить к его значению, и увеличить славу автора, так справедливо полученную»³.

На основании отзывов Грейга, Врангеля и Литке «Гидрографические труды Крузенштерна о Южном море признаны от Академии достойными полной Демидовской премии» (5 тыс. рублей). Однако И. Ф. Крузенштерн отказался от премии в пользу других авторов.

«Атлас Южного моря» и многотомные гидрографические записки Крузенштерна получили высокую оценку среди ученых.

Особенно высокую оценку его работа получила в Англии. Известный английский гидрограф Финдлей в издан-

¹ Архив Конференции Академии наук.

² М. М. Соловьев, 1927 г., стр. 31. Отзыв Врангеля и Литке об «Атласе Южного моря», в Архиве Академии наук не обнаружен.

³ Отзыв адмирала А. С. Грейга об «Атласе Южного моря» и гидрографических записках вице-адмирала Крузенштерна. Шестое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград, 1837 г., стр. 47.

ной им в 1851 г. «Лоции Тихого океана» писал: «Крузенштерн—гидрограф Тихого океана; это можно назвать почетным положением (a proud position) и он заслуженно его занимает. Он дал нам первое сведение о западной стороне Японских островов и сделал съемку восточного берега Сахалина. Его карта Японских островов есть мастерское произведение... Трудно приискать выражение для достаточной оценки этого благородного труда—Атласа Тихого океана, сопровождаемого собранием гидрографических заметок, служащих к разъяснению атласа.

В этих заметках и мемуарах вице-адмирал Крузенштерн поместил все, что до того времени было известно о Тихом океане, и мастерски согласил разноречивые сведения, имевшиеся в его распоряжении, поставив, таким образом, гидрографию Тихого океана на совершенно новые основания. Можно сказать, что до времени появления в свет его труда он исчерпал предмет до дна¹.

Мореплаватели Фиц-Рой, Росс и Дюмон-Дюрвиль признаются, что они руководствовались «Атласом» Крузенштерна. Ни один корабль какой бы то ни было нации не отправлялся в дальнейшее плавание, не запасшись «Атласом Южного моря».

Незаслуженно забытый и мало распространенный «Атлас Южного моря» является драгоценнейшим памятником русской географической науки. Он впервые с исчерпывающей полнотой показал всему миру русские географические открытия в Тихом океане и сохранил в веках все русские географические наименования. Прекрасное исполнение и оформление атласа позволяет считать его культурно-историческим памятником. Он ценен также как справочный материал по Тихому океану. Гидрографические записки, служащие разбором «Атласа Южного моря», до настоящего времени продолжают сохранять свое значение, являясь единственным по полноте охвата трудом по истории исследования и истории картографии Тихого океана.

Труд Крузенштерна в продолжение XIX столетия служил лучшим практическим руководством по гидрографии и навигации при плавании в Тихом океане для моряков всего мира.

¹ Газета «Голос», 1870 г., № 305, отдел «Внутренняя хроника». Лоция Тихого океана, составленная одним из английских гидрографов Финдлеем (издания 1851 года).

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРУЗЕНШТЕРНА ПОСЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

После кругосветного путешествия Крузенштерн был причислен к петербургскому порту, но фактически до 1809 г. находился в отпуску, подготавливая к изданию свои записки. В 1809 г. он командовал кораблем, все время стоявшим на рейде, и этим кончил свою службу на кораблях.

В 1814 г. Крузенштерн был командирован в Англию, где посетил все порты и изучил состояние английского флота.

Вернувшись в 1815 г. из своей поездки в Англию, он получает бессрочный отпуск «по расстроенному дальним вояжем здоровью» и до 1822 г. живет в деревне в своем имении Асс в Эстляндской губернии, вблизи города Везенберга, где занимается составлением «Атласа Южного моря». Академик Бэр сообщает, что летом 1819 г. он побывал в имении Асс «у многостранствовавшего Улиса». В письме к Крузенштерну от 23 (11) января 1820 г. об этой встрече Бэр писал: «Найти в глубине нашей дорогой Эстляндии человека, живущего всецело для науки, было так радостно и необычно, что мне это кажется почти романтическим»¹. Вернувшись из отпуска, Крузенштерн в 1824 г. на Кронштадтском рейде на бриге «Олимп» произвел первое в истории русского флота наблюдение над девиацией².

В 1824—1826 гг. вышел в свет «Атлас Южного моря» с объяснительным текстом, носящим заглавие: «Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением Атласа Южного моря» — 4^о, в двух томах.

В 1836 г. Крузенштерн издал третий том гидрографических записок под заглавием «Дополнение к издан-

¹ Первый сборник памяти Бэра. Труды Комиссии по истории знаний. Изд. Акад. наук СССР, Л., 1927, стр. 15.

² Центр. Гос. Арх. Воен. Мор. Флота, ф. 215, д. 804, Государственный адмиралтейский департамент, 1825 г., рапорт Крузенштерна на 10 листах. См. Д. Иконников в Историческая справка по развитию технических средств кораблевождения, Л., 1948 г. (рукопись, хранящаяся в фонде библиотеки Академии вооружения и кораблестроения им. Крылова; см. также И. П. Белавенец. О девиации компаса и о компасной обсерватории, СПб., 1863 г.).

ным в 1826 и 1827 гг. объяснениям оснований, послуживших для составления Атласа Южного моря». Это собрание карт и обширные гидрографические заметки к ним скоро нашли себе широчайшее распространение среди моряков всего света. Академия наук в 1827 г. предложила Крузенштерну занять место ординарного члена по географии и морскому делу, но он отказался.

С 1811 г. началась долголетняя и славная педагогическая деятельность Ивана Федоровича Крузенштерна. 4 апреля его назначили инспектором Морского кадетского корпуса.

В 1826 г. Крузенштерн был произведен в контр-адмиралы и назначен помощником директора Морского кадетского корпуса. 14 октября 1827 г. он стал директором корпуса¹ и в этой должности находился в продолжение 16 лет.

Крузенштерн отменил телесные наказания, ввел новые науки и следил за качеством преподавания. Приглашал в корпус выдающихся преподавателей столицы (историю читал И. П. Шульгин, географию — П. П. Максимович).

Он старался, чтобы учащиеся были обеспечены учебными пособиями, значительные суммы тратил на исторические и географические карты, модели и приборы. Основал корпусной музей, астрономическую обсерваторию и ввел летнюю морскую практику. При корпусе Крузенштерн организовал офицерские классы, которые впоследствии были реорганизованы в Морскую академию. В них лучшие из выпущенных офицеров в продолжение трех лет заканчивали свое образование. Некоторые курсы в офицерских классах читали академики: Остроградский, Буняковский, Фусс, Колленс, Купфер и Э. Ленц. Астрономией занимались в Дерптской и Пулковской обсерваториях под руководством знаменитого астронома Струве. Всю свою жизнь Крузенштерн посвятил теперь воспитанию будущих офицеров русского флота. В продолжение 3—4 месяцев в году по 5—6 часов в день он бывал на экзаменах. Почти ежедневно посещал классы, роты, лазарет. Одним словом, днем и ночью он был среди воспитанников и знал поведение и успеваемость в науках каждого из них. Воспитанники относились к нему

¹ И. Ф. Крузенштерн принял Корпус от П. М. Рожнова.

с чувством глубокого уважения, которое с годами возрастало в них все более и более¹.

В хозяйственных распоряжениях Крузенштерн был аккуратен до педантизма. Он строго поверял денежные счета и сам входил во все мелочи. Под его управлением корпус преобразился до неузнаваемости. Был построен дом для нижних чинов (до этого 300 человек матросов с женами и детьми жили в подвалах корпуса), школа для матросских детей и лазарет.

Деятельность Крузенштерна в Морском кадетском корпусе имела громадное значение для развития русского военно-морского флота. В продолжение шестнадцати лет из Морского корпуса было выпущено около тысячи офицеров, проникнутых гуманными идеями Крузенштерна. Реформы, которые Крузенштерн провел в бытность свою директором Морского кадетского корпуса, несомненно, свидетельствуют о его прогрессивных взглядах, которые противоречили аракчеевскому духу николаевского режима и вызвали враждебное отношение к нему высшего начальства. Известный реакционер, тогдашний начальник морского штаба А. С. Меншиков говорил, что «Крузенштерн не умел воспользоваться попутным ветром».

Несмотря на многообразные занятия, Крузенштерн заседал во многих ученых комитетах, помещал гидрографические статьи в различных русских и иностранных журналах, несколько лет издавал «Морской Месяцеслов», сам просматривал все, что печатается для корпуса, и давал направление всей учебной литературе.

В 1839 г. отмечался юбилей пятидесятилетней службы вице-адмирала И. Ф. Крузенштерна (чин вице-адмирала был присвоен ему в 1829 г.). Юбиляру было 70 лет. 21 января в 9 часов утра на квартире Крузенштерна в Морском корпусе собрались все лица, служившие под его начальством. После приветственной речи одного из сослуживцев все направились в большой зал корпуса, где Крузенштерна встретили построённые в колонны кадеты. В 4 часа дня здесь вновь собрались кадеты, военные моряки, ученые, литераторы и т. д. Юбилейный комитет пригласил Крузенштерна. Под звуки музыки он вошел

¹ Ф. В е с е л а г о. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб, 1852 г., стр. 200.

в заполненный зал. Торжество состояло из многих речей и кантаты, исполненной хором при участии известного певца П. Петрова. Одну из речей произнес адмирал Рикорд. Затем П. Н. Фусс прочел адрес от имени Академии наук. Академия отмечала громадные заслуги Крузенштерна и приносила ему благодарность за 50-летнюю службу, посвященную науке и родине. Академик Бэр считал, что Академия наук должна была бы ознакомить широкие круги общества с деятельностью такого «всемирно известного лица» через «прессу». Бэр в скорости после юбилея напечатал серьезный и обширный биографический очерк о Крузенштерне¹.

После прочтения адреса Академии с приветствием выступил представитель Российско-Американской компании.

В своих мемуарах М. А. Корф рассказывает: «Лучшим во всем праздновании была та сцена, когда вошли вдруг три покрытые сединами матроса и осенили Крузенштерна колоссальным флагом Российско-Американской компании, по почину которой совершено им было путешествие вокруг света. Три эти матроса остаются единственными из 52 сподвижников его плавания. Старики, очевидно, были тронуты, и один из них, которому уже 82 года, заливался слезами»². Этим 82-летним матросом был Клим Григорьев, который по собственному почину зимою пришел пешком из глубины России, заявив, что он не может умереть, не повидав еще раз своего капитана. Крузенштерн, умирая, просил, чтобы не забыли о Климе Григорьеве. К юбилею была выбита медаль с портретом Крузенштерна. О праздновании 50-летия знала вся Европа. Описание его вошло в народные книги и календари.

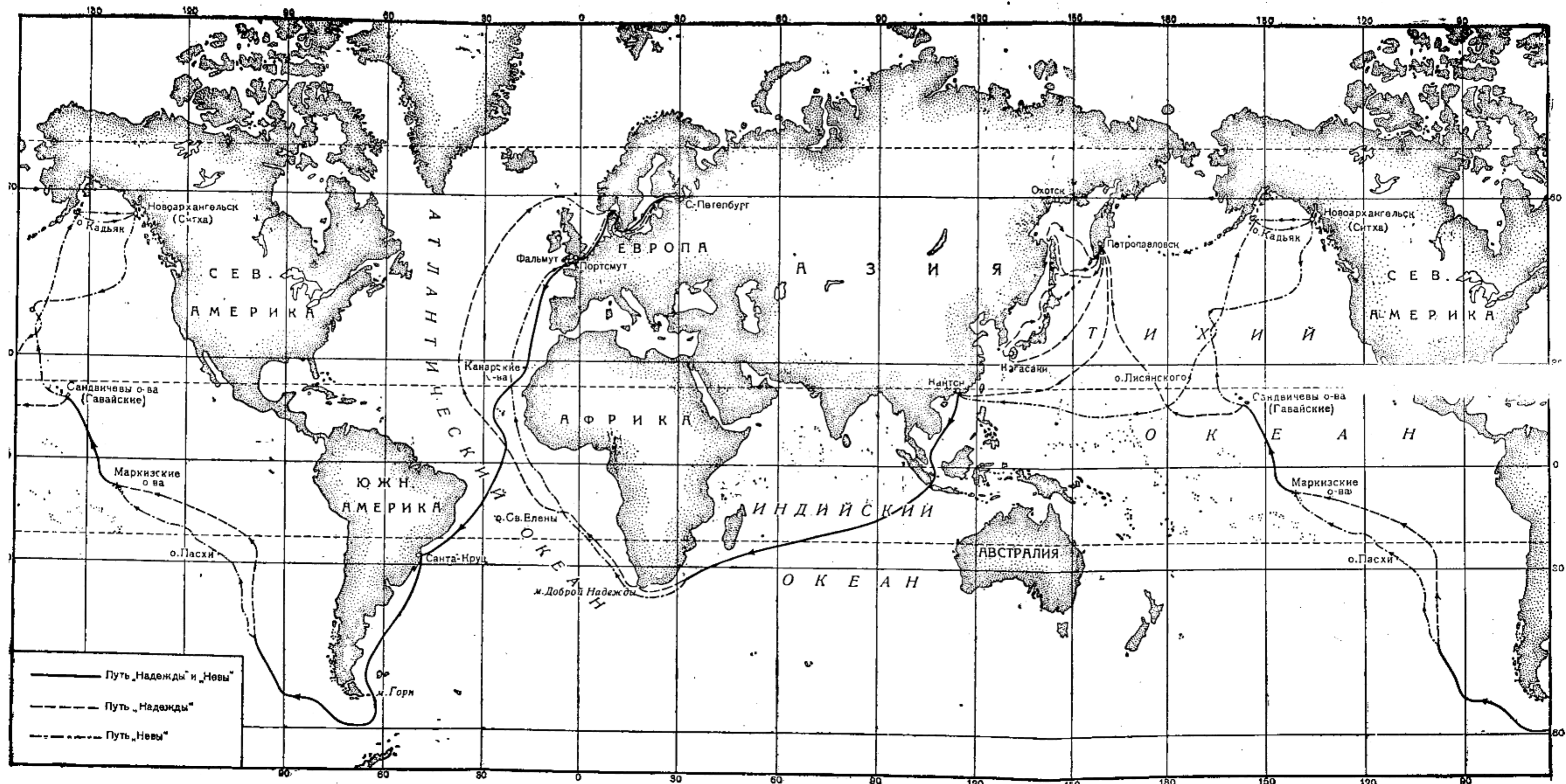
В 1841 г. Крузенштерн получил чин полного адмирала. 14 октября 1842 г. он сдал корпус контр-адмиралу Николаю Петровичу Римскому-Корсакову.

24 августа 1846 г. Крузенштерн скончался в Эстляндии в г. Ревеле. Он похоронен на кладбище Вышгородской церкви рядом с могилой адмирала А. С. Грейга³. Крузенштерн только на один год пережил основание Русского

¹ St. Petersburgische Zeitung, 1839, № 28, 30, 32, 33—37.

² «Русская Старина», 1904 г., февраль, стр. 278.

³ С. У м а н е ц. Из ревельской старины. «Исторический Вестник», т. 68, 1897 г., стр. 509—510.

Карта первого русского кругосветного плавания Крузенштерна и Лисянского на кораблях «Надежда» и «Нева» в 1803—06 гг.

Географического общества, членом-учредителем которого он являлся¹.

Это был обаятельный человек, добродушный, приветливый, справедливый. О его политических симпатиях свидетельствует тот факт, что за несколько лет до восстания декабристов он высказывал смелые мысли о необходимости освобождения крестьян от крепостного права².

Он принимал деятельное участие в организации и снаряжении выдающихся русских путешествий Коцебу³, Бэра, Миддендорфа, Врангеля, Литке, Беллинсгаузена, Лазарева⁴ и многих других. До конца жизни он вел большую переписку с учеными и моряками всех стран.

В честь И. Ф. Крузенштерна названо много географических пунктов: гора на северном острове Новой Зеландии, губа на западном берегу полуострова Ямала, мыс в Аляске, мыс в заливе Коронации (Канада), пролив между островами Матуа и Ловушки (в Курильской гряде),

¹ Л. С. Берг. Всесоюзное Географическое общество за сто лет. Акад. наук, М.—Л., 1946 г., стр. 24.

² РОЛГПБ. Собрание автографов Погодина, Письмо И. Ф. Крузенштерна к В. Н. Каразину от 31 января 1817 г.

³ Кругосветная экспедиция О. Е. Коцебу была снаряжена П. Н. Румянцевым по проекту Крузенштерна. Крузенштерн составил подробную инструкцию для командира экспедиции и на верфи в финляндском порту Або заказал корабль «Рюрик», выстроенный по чертежам русского судостроителя Разумова. (Письма И. Ф. Крузенштерна. Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, ч. 10, Москва, 1902).

⁴ Первое упоминание о проектируемой русской экспедиции в Антарктику встречается в переписке Крузенштерна с русским морским министром де-Траверсе (см. ЦГАВМФ. Личный фонд И. И. Траверсе, д. 114, л. 3, письмо Крузенштерна от 7 декабря 1818 г.). 31 марта 1819 г. из Ревеля Крузенштерн послал морскому министру обширную записку на 14 страницах, в которой изложил свои соображения об организации экспедиции (ЦГАВМФ. Фонд И. И. Траверсе, д. 114, лл. 6—21). В сопроводительном письме Крузенштерн пишет, что только серьезная болезнь глаз препятствует ему встать во главе такой экспедиции. Он считал «сие предприятие одним из важнейших, кои когда-либо предначинаемы были... Путешествие, единственно предпринятое к обогащению познаний, имеет, конечно, увенчаться признательностью и удивлением потомства. Наиболее подходящим начальником экспедиции он считал капитана 2-го ранга В. М. Головнина. Но ввиду отсутствия самого Головнина, который находился в кругосветном плавании, Крузенштерн предложил кандидатуру капитана 2-го ранга Ф. Ф. Беллинсгаузена, о котором он писал: «Наш флот, конечно, богат предприимчивыми и искусными офицерами, однако из всех тех, коих я знаю, не может никто, кроме Головнина, сравняться с Беллинсгаузенем».

острова Крузенштерна (Тикау) в архипелаге Туамоту, остров Крузенштерна (Айлук) в Маршаловом архипелаге в цепи Радак, надводные камни¹ Крузенштерна к юго-западу от Гавайских островов и остров Крузенштерна в Беринговом проливе.

Крузенштерну посвящено немало некрологов и кратких биографических заметок, но нет ни одной полной биографии, в которой было бы дано изложение его достижений и сравнение их с современным состоянием знаний.

Ученые труды Крузенштерна были оценены не только в печати. Имя его украшает все знаменитые академии в Европе. Он был избран почетным членом Российской Академии наук, членом Лондонского Королевского общества, Геттингенского Королевского общества, членом-корреспондентом Парижского института, почетным доктором философии Дерптского университета и т. д.

В 1869 г. 6 ноября к столетию со дня рождения Крузенштерна был поставлен памятник в Петербурге на Васильевском острове—бронзовая фигура работы академика Монигетти.

* * *

Плавание И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского положило начало замечательным русским кругосветным экспедициям первой половины XIX столетия. Подвигами и трудами русских моряков уже тогда были заложены основы океанографии и сделано множество географических открытий, самым значительным из которых оказалось открытие Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым шестой части света—Антарктиды. Адмирал С. О. Макаров писал: «Капитаны XIX столетия, оказавшие крупные услуги в свое время, послужат примером любви и преданности делу. Будущим морякам предстоит плавать не с теми кораблями и не с теми средствами, но можно пожелать, чтобы в них была та же любовь к изучению природы. Любовь эта поможет им быть достойными последователями знаменитых капитанов начала нынешнего столетия».

Советские люди, умножающие славу отечественной науки и отечественного флота, всегда будут помнить героических русских моряков, участников первого кругосветного путешествия россиян.

* * *
*
*

КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ О ПЕРВОМ РУССКОМ КРУГОСВЕТНОМ ПУТЕШЕСТВИИ

Адмирал Крузенштерн И. Ф., «Журнал для чтения воспитанников Военно-учебных заведений», т. XV, № 257, 1847.

Акимов А., Лисянский Ю. Ф. Русский биографический словарь, т. 10, СПб, 1914.

Баснин В. Н. О посольстве в Китай гр. Головкина, Чтения в Общ. Истории Древн. Рос., № 4, 1875.

Берг Л. С., Открытия русских в Тихом океане. Очерки по истории русских географических открытий. Изд. Акад. наук, 1949.

Берг Л. С., Первые русские кругосветные мореплаватели И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский Очерки по истории русских географических открытий. Изд. Акад. наук, 1949.

Бронштейн Ю. И. Предисловие к предполагавшемуся изданию дневника Ратманова, рукопись Рукописный Отдел Ленинградской Госуд. Публичной Библиотеки (РОЛГПБ), шифр 47/88.

Веселаго Ф. Адмирал Иван Федорович Крузенштерн. Изд. Акад. наук, СПб, 1869.

Веселаго Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса, СПб, 1852

Военский К. Посольство Резанова в Японию в 1803—1805 гг. на судах первой русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна. Морской сборник, 1919, апрель, № 4, стр. 29—64.

Военский К. Русское посольство в Японию в начале XIX века. «Русская старина», 1895, июль, октябрь.

Выписка из газеты «Гамбургские Ведомости». О кругосветном путешествии русских, «Вестник Европы», 1802, № 5.

Гвоздецкий Н. А. Первое морское путешествие россиян вокруг света. «Природа», № 1, 1947.

Голенищев-Кутузов Л. Предприятия императрицы Екатерины II для путешествия вокруг света в 1786 г. СПб, 1840. 16°

Глиняков С. Первая русская экспедиция вокруг света. Записки по гидрографии, 1941, Приложение № 1.

Добровольский А. и Зубов Н. Экспедиция И. Ф. Крузенштерна вокруг света. Вступительная статья к кн. И. Ф. Крузенштерна «Путешествие вокруг света». Географгиз, 1950.

Думитрашко Н. В. Ю. Ф. Лисянский и русские кругосветные плавания. Вступительная статья к кн. Ю. Ф. Лисянского «Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 годах». М., 1947.

Ивашицев Н. А. Русские кругосветные путешествия 1803—1849 г. СПб, 1872.

Известие о возвращении экспедиции под нач. Крузенштерна, «Вестник Европы», ч. 30, № 22, 1806.

Известие об издании путешествия вокруг света г. Крузенштерна и о переводах его на иностранные языки и путешествия г. Лисянского на с.-зап. берега Америки, «Вестник Европы», ч. 3, 1813 г.

Илleshевич Л. В. Иван Федорович Крузенштерн, «Сборник морских статей и рассказов», приложение к газете «Яхта», 1877, ноябрь.

«Крузенштерн И. Ф.» (биографический очерк, Морской сборник, т. 3, № 6, 1869 г.

«Крузенштерново путешествие вокруг света» (отзыв на немецкое издание), Исторический, статистический и географический журнал или современная история света, ч. 1, кн. 1, 1812, январь.

Литке Ф. П. Сообщение о смерти адмирала И. Ф. Крузенштерна. Записки Русск. Географ. общества, кн. 2, 1847, стр. 13—20.

Макаров С. О., «Витязь» и Тихий океан, СПб, 1894.

Мальтебрюн. О плавании вокруг света кораблей «Надежда» и «Нева» 1803—1806 гг. «Вестник Европы», ч. 121, № 1, 1822.

Маннер Г. Г. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию (1821—1828), Географгиз, 1948.

Нозиков Н. На кораблях Крузенштерна, «Молодая Гвардия», 1930.

Нозиков Н. Русские кругосветные мореплаватели, Гос. военно-морское изд-во, М.—Л., 1941.

Общий морской список, ч. IV, XII, СПб, 1890.

Окунь С. Б. Российско-Американская кампания. Гос. соц.-эконом. изд., М.—Л., 1939.

О медалях в память знаменитых происшествий, до флота относящихся. Записки Ученого комитета Морского штаба, ч. 10, 1833.

Отзыв на книгу о кругосветном путешествии Крузенштерна (перевод из немецкого журнала «Allgemeine Geographische Ephemeriden», апрель, 1810), «Журнал новейших путешествий», издаваемый Ф. Шредером и Н. Гречем, ч. III, №№ 4—5, 1810 г.

Отзыв адмирала А. С. Грейга об Атласе Южного моря и гидрографических записках вице-адмирала Крузенштерна. Шестое приращение учрежденных П. Н. Демидовым наград. Акад. наук, СПб, 1837 (на франц. языке).

Открытие памятника Ивану Федоровичу Крузенштерну. «Всемирная иллюстрация», № 255, 1873.

Письмо г. Министра Коммерции Графа Николая Петровича Румянцева к г. капитану Крузенштерну. Крузенштерн, Путешествие вокруг света..., ч. III, СПб, 1812.

Рабинovich Л. Я. Ю. Ф. Лисянский. Сборник докладов научной конференции Военно-морской академии им. А. Н. Крылова, 1949.

«Ратманов Макар Иванович», «Северная Пчела», №№ 73—76 и 78, 1876 г.

Сгибнев А. Резанов и Крузенштерн. «Древняя и Новая Россия», т. I, № 4, 1877 г.

Севергин М. В. Инструкция для путешествия около света по части минералогии и в отношении к теории земли. «Северный Вестник», №№ 2 и 3, 1804.

Сергеев М. А. Первые русские кругосветные плавания. Вступительная статья к кн. Н. Нозикова «Русские кругосветные мореплаватели». Гос. Военно-морское изд-во, М.—Л., 1941.

Сергеев М. А. Русские на Тихом океане в XVII—XIX вв. «Звезда», № 7 и 8, 1945 г.

Соловьев М. М. Переписка академика К. М. фон Бэра с адмиралом И. Ф. Крузенштерном. Труды комиссии по истории знаний. Первый сборник памяти Бэра, Акад. наук. Л., 1927.

Тихменев. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. I, СПб, 1861.

Штейнберг Е. Л. Жизнеописание русского мореплавателя Ю. Лисянского. М., 1948.

Штейнберг Е. Л. И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский. Географгиз, 1950 г.

Шуберт. О существовании Девисовой земли Крузенштерна. «Технологический журнал», т. II, ч. II, 1805.

«Юрий Федорович Лисянский» (биографический очерк). Морской сборник, 1894, № 1.

Юбилей 50-летней службы вице-адмирала И. Ф. Крузенштерна, «Русский Инвалид», № 30, 1839.

Ваег К. E. Feier der 50-jährigen Dienstzeit des Vice-Admirals v. Krusenstern (den 21-sten Januar 1839), St.-Petersburg, 1839, 40 р. р., 4° (оттиск в библиотеке Академии наук в г. Ленинграде из St. Petersburgische Zeitung, №№ 28, 30, 32, 33—37, 1839 г.), со списком трудов И. Ф. Крузенштерна.

Вернгади Т., Wermischte Schriften, v. 2, Berlin, 1879. «Der Weltumsegler Admiral Krusenstern».

СПИСОК ТРУДОВ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОГО РУССКОГО КРУГОСВЕТНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

«Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна». СПб, 1813.

«Атлас Южного моря» И. Ф. Крузенштерна, СПб, ч. I, II, 1823, 1826.

Берх В. Н. Журнал путешествия вокруг света, служащий дополнением к журналу, изданному нач. судна «Нева», Зап. Уч. комитета Главн. мор. шт., ч. XII, 1831 г.

Выписка из письма Г. Лангсдорфа к академику Крафту, о Камчатке, «Технологический журнал», ч. II, т. II, 1805.

Горнер. О колебании барометра между тропиками. Крузенштерн. Путешествие вокруг света..., ч. III, СПб, 1812.

Горнер. О некоторых достопримечательных свойствах морской воды. «Технологический журнал», т. 5, ч. III, 1820.

Г о р н е р. Степень теплоты морской воды в разных глубинах. Крузенштерн. Путешествие вокруг света. ., ч. III, 1812, стр. 260—281.

Г о р н е р. Удельная тяжесть морской воды. Крузенштерн. Путешествие вокруг света..., ч. III, 1812, стр. 333—341.

Д а в ы д о в Г. Словарь наречий народов, обитающих на южной оконечности полуострова Сахалина. Крузенштерн. Путешествие вокруг света..., ч. III, 1812, стр. 342—381.

Э с п е н б е р г. Замечания по врачебной части, учиненные во время путешествия Крузенштерна. Путешествие вокруг света..., ч. III, СПб, 1812.

Записки приказчика Российско-Американской компании Н. И. Коробицына. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках. Сборник материалов под ред. А. И. Андреева. Изд. Акад. наук, М.—Л., 1944.

К о ц е б у М. Письмо отцу из Японии, «Вестник Европы», № 12, 1806 г.

К о ш е л е в И. Словарь наречий сидячих чукчей, живущих на Чукотском носу. Крузенштерн. Путешествие вокруг света..., ч. III, 1812, стр. 381—388.

К р у з е н ш т е р н И. Ф. Дополнение к изданным в 1826 и 1827 годах объяснениям оснований, послуживших для составления «Атласа Южного моря», СПб, 1836.

К р у з е н ш т е р н И. Ф., О сохранении здоровья матросов на кораблях. Записки Ученого комитета Морского министерства, ч. XIV, 1838.

К р у з е н ш т е р н И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве», ч. I, II, III, СПб, 1809, 1810, 1812.

К р у з е н ш т е р н И. Ф. Собрание сочинений, служащих разбором и изъяснением Атласа Южного моря, ч. I—II, СПб, 1823, 1826.

Л и с я н с к и й Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на корабле «Неве», ч. I и II, СПб, 1812.

Р а т м а н о в М., Р о м б е р г Ф. Письма русских путешественников из Бразилии к госп. NN, «Вестник Европы», ч. XVI, № 16, 1804.

Р а т м а н о в М. Выдержки из дневника кругосветного путешествия на корабле «Надежда», газета «Яхта», № 8/16, 18 и 24, 1876 г.

Р е з а н о в Н. П. Первое путешествие россиян вокруг света, описанное Н. Резановым (от Кронштадта до Бразилии). «Отечественные Записки», № X—XII, 1822, № XX, 1824, № XXIII—XXIV, 1825 г.

Собрание карт и рисунков, принадлежащих к путешествию флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского на корабле «Нева», СПб, 1812.

Т и л е з и у с. Известие о естественном и политическом состоянии жителей острова Нукагива, «Технологический журнал», т. III, ч. IV, 1806.

Т и л е з и у с. О музыке. Крузенштерн. Путешествие вокруг света..., ч. III, СПб, 1812.

Ш е м е л и н Ф. Историческое известие о первом путешествии россиян кругом света. «Русский Инвалид», №№ 23—8, 31—6, 48—9, кн. 146, 1823.

Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян во круг земного шара, ч. I, II, СПб, 1816.

Langsdorff G. H. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803—1807, Frankfurt a. M., Bd. I, II, 1813.

Langsdorff et Fischer. Plantes recueillies pendant le voyage des Russes autour du monde, Tubingen, 1810—1818.

Lisianski U. A voyage round the World in the years 1803, 4, 5 and 6 in the ship «Neva», London, 1814.

Tilesius von Tile nau W. G. Naturhistorische Früchte der ersten kaiserlich-russischen unter dem komando des Herr von Krusenstern glücklich Vollbrachten Erdumseglung. Petersburg, 1813.

Архив Академии наук в Ленинграде. Дневник путешествия Тилезнуса вокруг света, разряд IV, т. I, № 800.

Архив Всесоюзного Географического общества. Записки И. Ф. Крузенштерна «О экспедиции французов в Ирландию в 1796 году (описание сражения между кораблями Англии и республиканской Франции)» 1841 г., разряд 119, д. № 361.

Рукописный отдел Ленинградской Государственной Публичной Библиотеки (РОЛГПБ). «Журнал» М. И. Ратманова с 1803 по 1 февраля 1805 г., шифр 68/39.

РОЛГПБ. Письмо Федора Ромберга к друзьям 16 августа 1804 г. (из Петропавловска-на-Камчатке). Собрание Титова, охр. № 791 (№ 2272), лл. 35—38 с об.

Центр. Военно-морской музей (ЦВММ). «Журнал лейтенанта Юрия Лисянского с 1793 по 1800 г.», № 9170/1938 (л. 70).

ЦВММ. «Журнал флота капитана-лейтенанта Юрия Лисянского... с 1802 г. по 1803 г., С.-Петербург» (93 страницы), № 9170—(1938).

ЦВММ. «Журнал «корабля «Нева» 1803—1806 гг.», № 9170—8, 1938.

ЦВММ. «Журнал флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского с 1813 по 1814 г.» (185 страниц) № 9170—(1938).

ЦВММ. Черновики писем Лисянского к разным лицам с 1803 г. по 1832 г., лл. 69 с об., № 9170—3 (1938).

Центральный Государственный архив Военно-морского Флота (ЦГАВМФ), Семейный архив Крузенштерна, Ф. 14, Крузенштерн.

Центральный Государственный Архив Древних Актов (ЦГАДА) «Об отправлении из Санкт-Петербурга морем на Восточный океан действительного камергера Резанова, на кораблях «Надежде», под командою капитан-лейтенанта Крузенштерна, и «Неве», под командою капитан-лейтенанта Лисянского, для образования Русских владений в Америке, образования края и заведения торговли с Японией, Китаем, Бенгалом, Испанией, Америкой и другими владениями», ф. № 183, иркутского купца В. Н. Баснина, д. № 89.

Центральный Государственный литературный архив (ЦГЛА) «Записки лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, веденные им во время службы его волонтером на английском флоте», М., ф. XVIII в., № 5196.

Центральный Исторический архив (ЦИА). «Журнал приказов капитана Крузенштерна команде судов «Надежда» и «Нева», ф. 853, Булгаков М. М., ед. хр. 74.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
История возникновения первой русской кругосветной экспедиции	5
Причины, вызвавшие русские кругосветные плавания	5
Неосуществленные проекты	15
Проект первого русского кругосветного плавания И. Ф. Крузенштерна	21
Методика и техника научных исследований	38
Снаряжение экспедиции. Участники	49
Совместное плавание кораблей «Надежда» и «Нева»	61
Плавание из России в Англию	61
Стоянка у острова Tenerif	65
Плавание через Атлантический океан	76
У острова Св. Екатерины	88
Плавание вокруг Южной Америки	96
Плавание Лисянского к острову Пасхи	104
Стоянка у острова Нукагива	113
На пути в Камчатку	144
Плавание «Невы» к берегам Русской Америки	155
На Сандвичевых островах	155
Плавание «Невы» к острову Кадьяк и в Новоархангельск	158
Остров Кадьяк	163
Ситхинский архипелаг	174
Возвращение на Родину	184
Плавание «Надежды» в Японию и к острову Сахалин	195
Русское посольство в Японии	195
В Японском море	211
Плавание к острову Сахалин	227
Возвращение на Родину	241
«Атлас Южного моря» И. Ф. Крузенштерна	250
Жизнь и научная деятельность Крузенштерна после путешествия	261
Краткий список литературы о первом русском кругосветном путешествии	267
Список трудов участников первого русского кругосветного путешествия	269

Редактор *В. А. Бояркина*

Технич. редактор *Д. А. Глейх*

Редактор карт *Н. С. Кузнецов*

Обложка и рис. худ. *Н. И. Крылова*

Т-02535. Сдано в производство 3/1—51 г. Подписано к печати 9/IV—51 г.
 Формат 84 × 108¹/₃₂. Тираж 40 000. Бум. листов 4,62. Печатных листов
 15, 17, включая 5 вклеек. Издательских листов 15,6. Цена 5 р. 50 к.
 Переплет 1 р. Заказ № 833

16-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
 Москва, Трехпрудный пер., 9.